
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1982

Во время вручения наград.

ЭКИПАЖУ КОРАБЛЯ «СОЮЗ Т-7» ВРУЧЕНЫ ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Успешный полет экипажа корабля «Союз Т-7», в составе которого впервые работала женщина-космонавт,— новая яркая страница отечественной космонавтики. Он вновь продемонстрировал огромные возможности советской науки и техники в изучении космоса и познании Земли.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 13 сентября в Кремле героям космоса высокие награды Родины.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

Дорогие товарищи!

Мы собрались по поводу и приятному, и торжественному — награждению героев космоса. Сам по себе этот акт стал традиционным. Но этого никак нельзя сказать о полете.

На родную Землю вернулся экипаж, в со-

ЗА МУЖЕСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2879)

18 СЕНТЯБРЯ 1982

Фото А. Гостева.

став которого входила Светлана Савицкая, ставшая второй в мире женщиной-космонавтом.

Накапливается опыт полетов, совершенней и даже комфортабельней становятся космические корабли. И все же каждый шаг ввысь неповторим. Каждый шаг требует знаний, мужества, более того, дерзания. Этими качествами в полной мере обладают крылатая дочь нашей Родины Савицкая, ее космические рыцари товарищи Попов и Серебров, радушные хозяева «Салюта-7» товарищи Березовой и Лебедев.

Была пора, когда люди задавались вопросом, что практически дают космические исследования. Теперь такого вопроса нет. Астрономия, служба погоды, медицина, биология, сельское хозяйство, металлургия и многие, многие другие сферы приложения ума и рук человека нуждаются в данных, которые можно получить только на космических орбитах. Затраты на космос начинают окупаться с лихвой.

Родина с великой признательностью относится к труду наших ученых, инженеров, техников, рабочих и, конечно, космонавтов, ко всем, кто осваивает бескрайние просторы космоса.

За успешное осуществление космического полета и проявленные при этом мужество и героизм дважды Герой Советского Союза Леонид Иванович Попов награждается орденом Ленина. Высокое звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» присваивается и Александру Александровичу Сереброву и Светлане Евгеньевне Савицкой.

Горячо поздравляю вас, дорогие товарищи, с этими наградами. Новых вам свершений на Земле и в космосе!

* * *

В своем выступлении **Л. И. Попов** от имени экипажа выразил сердечную благодарность Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству, Леониду Ильичу Брежневу за доверие выполнить космический полет, за высокую оценку их труда, за награды Родины.

Наш полет, сказал он, проходил в дни, когда весь советский народ, вдохновленный решениями XXVI съезда КПСС, готовит достойную встречу 60-летию образования СССР. От имени советских космонавтов Л. И. Попов заверил, что они приложат все силы, знания, опыт для успешного освоения космического пространства, на благо всего человечества.

Выразив благодарность за высокую награду, **А. А. Серебров** отметил: Наш полет на борту научно-исследовательского комплекса еще раз показал, насколько совершенна советская космическая техника, на какой качественно высокий уровень она поднялась, каких вершин может достигнуть в свободном мирном творчестве советский человек.

Высокие награды моего народа, сказала в своем выступлении **С. Е. Савицкая,** я полностью разделяю с большими научными, техническими, производственными коллективами советских людей, которые обеспечивали подготовку и проведение нашего полета. Мне, коммунисту, приятно доложить, что задание Родины, задание партии нами выполнено.

Полет нашего экипажа убедительно показал, что и на современном этапе развития космической техники женщина способна активно работать в космосе, успешно проводить научно-технические, медико-биологические исследования и эксперименты, осуществлять эксплуатацию космической техники.

В память о знаменательном событии Леониду Ильичу Брежневу было вручено подписанное пятью космонавтами на борту орбитального научно-исследовательского комплекса Свидетельство о совместном полете.

Членов экипажа тепло поздравили присутствовавшие при награждении член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-лейтенант авиации Г. Т. Береговой, другие официальные лица.

(ТАСС).

И ГЕРОИЗМ

Во время беседы.
Фото А. Гостева

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Х. ПЕРЕСА ДЕ КУЭЛЬЯРА

9 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле генерального секретаря Организации Объединенных Наций Х. Переса де Куэльяра, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом. В состоявшейся беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев остановился на основных внешнеполитических инициативах СССР, отметив, что их общая направленность на решение ключевых проблем современности — предотвращение ядерной войны, прекращение гонки вооружений и разоружение — созвучна миролюбивым целям и принципам Устава ООН.

Со своей стороны Х. Перес де Куэльяр высказал высокую оценку внешней политики Советского Союза, неизменно направленной, как он подчеркнул, на укрепление мира и взаимопонимания между народами. Генеральный секретарь ООН отметил исключительную важность взятого Советским Союзом на себя обязательства не применять первым ядерное оружие, что является ярким свидетельством приверженности СССР делу мира и практической мерой ослабления ядерной угрозы. Общественное мнение всего мира, сказал он, решительно выступает за разоружение.

Была выражена озабоченность наличием острых конфликтных ситуаций в ряде районов мира, в том числе на Ближнем Востоке. В этой связи Л. И. Брежнев подчеркнул необходимость добиваться всеобъемлющего и справедливого ближневосточного урегулирования путем коллективных усилий всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины.

Л. И. Брежнев подтвердил неизменность поддержки Советским Союзом усилий Организации Объединенных Наций, направленных на обеспечение международной безопасности и развитие сотрудничества между государствами в соответствии с положениями Устава ООН.

В беседе, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, участвовали также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский и заместители генерального секретаря ООН Б. Уркварт, В. А. Устинов и Д. Кордовес.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

Встреча на аэродроме.
Фото А. Гостева

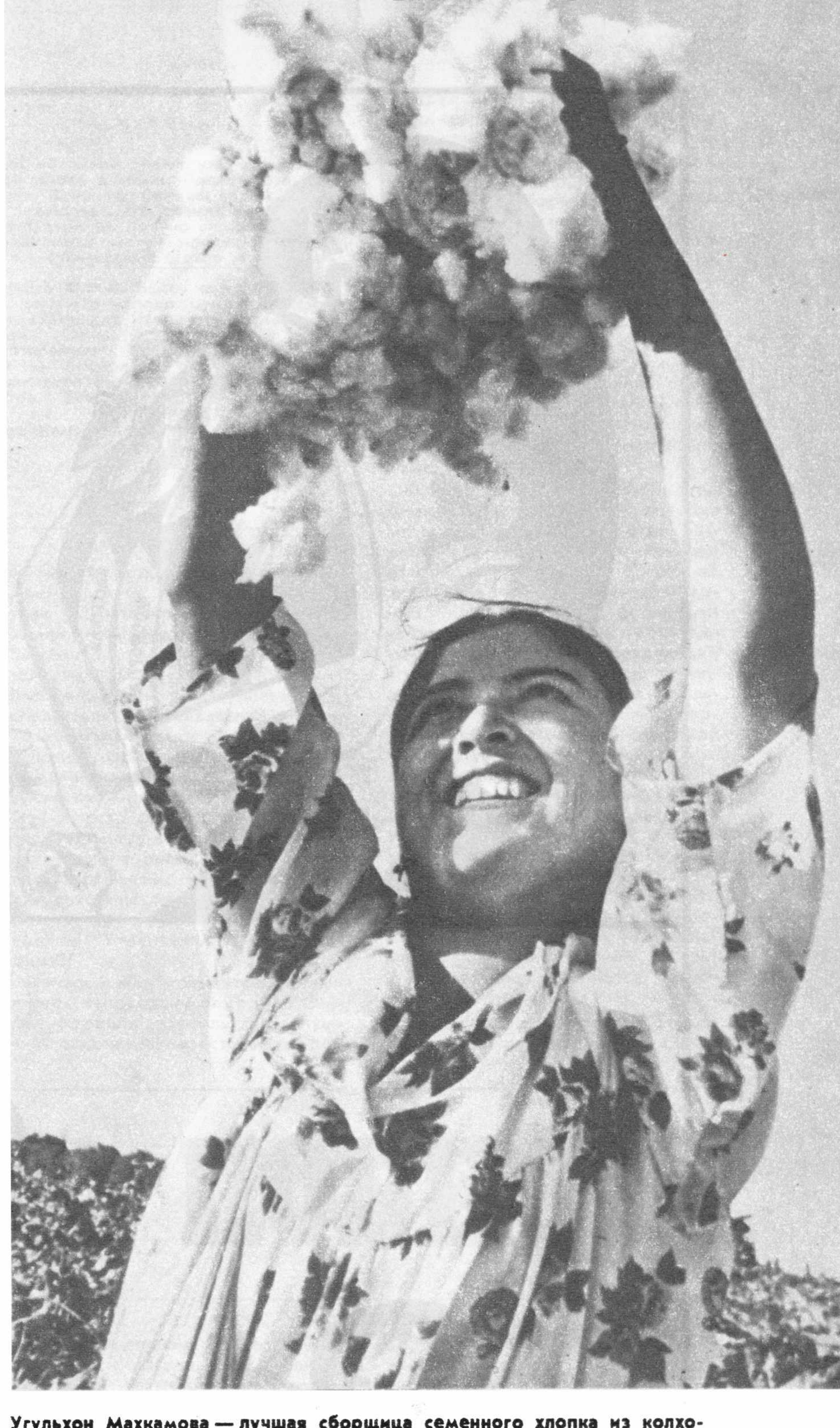
По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 14 сентября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии, Председатель Президиума Верховного Народного совета, Премьер-Министр Народной Демократической Республики Йемен Али Насер Мухаммед.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета его тепло приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, другие официальные лица.

Фото С. Махкамова, Л. Гусейнова

Первый обоз «белого золота» урожая 1982 года в Пскентском районе Ташкентской области.

Угульхон Махкамова — лучшая сборщица семенного хлопка из колхоза «Правда Востока».

ПОШЕЛ ХЛОПОК УЗБЕКИСТАНА!

Пожалуй, нынешний хлопок самый белый, самый пушистый. При этом, добавляют в Узбекистане, и самый трудный: небывалая летняя сушь, в июле и августе почти каждый день 45 градусов жары... Потому-то пришлось хлопкоробам предпринять, так сказать, крайние меры по борьбе с маловодьем: сотни артезианских скважин появились на бескрайних плантациях. Каждое растение получало в срок крайне необходимую ему порцию влаги. А уж солнце вершило остальное — превращало бурые коробочки в роскошные охапки первоклассного хлопка.

И вот под звуки карнаев двинулись к заготовительным пунктам нарядные, увенчанные кумачом пышные автокараваны с урожаем 1982 года. На всем пути их следования люди танцевали, пели. Еще бы, такая радость: счет новым миллионам узбекского хлопка открыт!

Первый, ручной сбор — с семенных участков. В колхозе «Правда Востока», Ленинского района, Андижанской области, вырастили пять тысяч тонн семенного хлопка. Вскоре к сбору приступят машины, а пока самые кондиционные, прямо-таки выставочные дольки снимают умелые руки мастериц. Угульхон Махкамова, например, сдает на хирман до 150 килограммов хлопка ежедневно.

— Это дополнение к нашим помидорам, огурцам, баклажанам,— говорит Угульхон.— План по овощам наш колхоз выполнил еще двадцать первого августа — четырнадцать тысяч двести тонн. Причем непременно будет еще две тысячи тонн. И обязательство по винограду — а это четыреста пятьдесят тонн — тоже выполняется успешно. Таков наш прямой колхозный вклад в реализацию Продовольственной программы. А хлопок, посмотрите, какой у нас получился! — Угульхон взметнула над головой белоснежное кучевое облачко.— И это при таком маловодье!

Дружно потянулись хлопковые обозы и по дорогам Ташкентской, более северной, области. Одними из первых начали сбор в Пскентском районе, где хлопчатник занимает более 14 тысяч гектаров. Уже вступают в дело хлопкоуборочные «голубые корабли». Свыше трехсот комбайнов помогут убрать восемьдесят процентов урожая.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

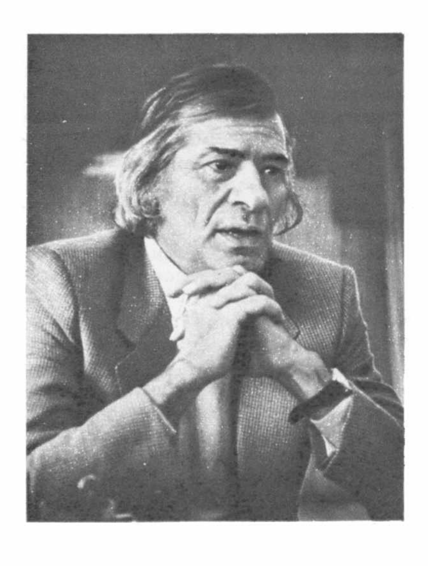
НЕ ПО ЗУБАМ!

**Заморским черным атомным грибам
Не погубить зеленую планету.
Могильщикам Земля — не по зубам!
Клыкастых поджигателей — к ответу!**

**Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА**

БОРОТЬСЯ ДО ПОБЕДЫ

Этого человека сотрудники журнала «Огонек» знают уже давно. Он часто бывал у нас в гостях. И вот он снова с нами. После того как провел почти три месяца в осажденном Бейруте. Сейчас видны перемены даже в самом его облике: лицо потемнело, его резкие черты еще больше заострились, в паузах между фразами он плотно сжимает губы, на несколько секунд становится неподвижным. Затем продолжает рассказ о том, что происходило в Бейруте,— размеренно, четко, взвешивая каждую фразу...

Жизнь палестинского поэта-коммуниста Моина Бсису вся без остатка посвящена борьбе за справедливое дело его народа. Стихи, которые в разные годы вышли из-под его пера, стали для патриотов Палестины боевым знаменем, оружием. За плечами Моина Бсису — долгий путь боев и лишений, почти девять лет тюремного заключения, участие в героической обороне Бейрута, куда он пробрался сквозь кордоны израильской армии и ливанских фалангистов (когда началась преступная авантюра израильских сионистов, Бсису был за пределами Ливана).

Вот что рассказал в беседе с огоньковцами Моин БСИСУ.

Прежде всего я хочу выразить от себя лично и от всех палестинских поэтов, писателей, журналистов, от Организации освобождения Палестины благодарность всему советскому народу за его поддержку палестинской революции в тяжелейшие дни, которые мы только что пережили. Мы, палестинцы, хорошо знаем о вашей борьбе против фашистов в годы второй мировой войны, о тех миллионах советских людей, которые отдали жизнь не только ради освобождения Советского Союза, но и ради освобождения всего мира от фашизма. Я думаю, вы понимаете, чтó мы перенесли в течение почти трех месяцев израильской агрессии. Это голод, гибель близких людей, страдания детей, женщин, стариков. Израильские фашисты прекратили подачу электричества и воды в осажденные районы Бейрута, мы были лишены продовольствия, медикаментов. Вы представляете, что значит прекратить подачу электроэнергии в больницы, заполненные ранеными и больными! Умирали сотни людей, но сионистов это не трогало.

Мне хочется поблагодарить и советских журналистов, находившихся в то время там, в Бейруте, и переживавших дни войны бок о бок с нами. Несмотря на непрекращающиеся бомбежки, мы находили минуты и часы, чтобы встретиться с нашими советскими друзьями. Хочу поблагодарить и тех, кто выступал в нашу поддержку здесь, в Москве. Бывали случаи, когда ваш журнал «Огонек» попадал к нам, в осажденный Бейрут. Мы читали на его страницах статьи и корреспонденции о военных действиях в Ливане. Эти экземпляры вашего журнала мы считали одним из видов оружия, которое помогало нам в нашей борьбе.

Израильские изверги вели огонь не только по нашим вооруженным отрядам, не только по домам мирных жителей. Были разрушены советское посольство, советский коммерческий центр, разрушен до основания советский культурный центр.

Бомбежки шли непрерывно. Даже западная пресса была вынуждена писать о том, какое варварство совершается в Бейруте. Особенно сильные разрушения были причинены во время налетов 11 июля, а также 5 и 9 августа. В общей сложности самолеты «Скайхок» и «Кфир» сбросили в эти дни около шестисот тысяч бомб и ракет «воздух — земля». Военные специалисты утверждают, что это количество взрывчатых веществ по взрывной силе сравнимо с мощностью двух ядерных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки. Израильтяне использовали шариковые, кассетные, фосфорные бомбы, химическое оружие, а также вакуумные бомбы, которые применялись впервые в истории человечества. Официальный представитель министерства обороны США сказал тогда, что Пентагон испытывает большое удовлетворение оттого, что это оружие было разработано и успешно применено.

Есть на юге Ливана старинный средневековый замок. Он известен в Европе как крепость Бофор. Эту маленькую крепость обороняли 39 палестинцев. Израильтяне не могли взять ее до тех пор, пока не разрушили почти до последнего камня и не уничтожили всех ее защитников. На пороге этой маленькой крепости погибли 72 израильских солдата и офицера. Крепость была взята только после применения химического оружия. Это был нервно-паралитический газ.

Я бывал в СССР, был и в крепости Брест, знаю о мужестве ее защитников. Поэтому лишь с обороной Брестской крепости я могу сравнить оборону Бофора и понять таким образом ее защитников.

Когда праздновалось 69-летие израильского премьера Менахема Бегина, одним из подарков, сделанных ему — а это достоверно известно,— был торт в форме израильского танка «Меркава». О сути такого подарка не стоит, по-моему, долго говорить. Израильтяне полностью стерли с лица земли 14 лагерей палестинских беженцев, где жили в тяжелых условиях 300 тысяч палестинских женщин, детей. Преступления эти совершались на ливанской территории, израильтяне разрушали ливанские города, от израильских бомб и снарядов гибли десятки тысяч ливанцев. Во время бомбежек я часто думал о тех, кто сейчас нажимает кнопки автоматических бомбосбрасывателей, и задавался вопросом: неужели эти люди рождены теми, кто прошел сквозь ад гитлеровских лагерей смерти, Бухенвальда и Освенцима?!

Теперь же концентрационный лагерь неподалеку от города Сайда устроили израильтяне. Мужчин-палестинцев арестовывали под любым предлогом и просто без предлога, в лагере их выстраивали в ряд, заставляли засучивать левый рукав одежды и ставили на руке голубого цвета клеймо палестинского заключенного. Вы помните, примерно такие клейма ставились и сорок лет назад в фашистских концлагерях.

Израильтяне обладали господством в воздухе и на море. У нас же никогда не было военной авиации и каких бы то ни было военно-морских сил. Мы владели лишь простым стрелковым оружием, гранатометами и весьма небольшим количеством ствольной и реактивной артиллерии. Этим вооружением мы остановили и сдерживали в течение 78 дней полностью моторизованную, оснащенную самым современным оружием израильскую армию. У нас не было современных танков и самолетов. У нас была воля к борьбе. И был лозунг «Победа или смерть!». И еще один боевой лозунг, который многие из вас знают с детства: «Они не пройдут!»

В один из дней израильтяне бросили на Западный Бейрут 74 самолета. Бомбардировка не прекращалась ни на минуту с 6.00 до 19.00. Это было 5 августа. Вели обстрел также канонерки с моря, танки с открытых позиций. Под прикрытием этого огня захватчики пытались прорваться в город, но не смогли продвинуться ни на метр вперед. Горели танки «Меркава». Именно те танки, которые так любит Бегин. Я своими глазами видел, как израильские солдаты выпрыгивали из танков и спасались бегством. Впервые палестинские бойцы видели бегущих израильских танкистов. Не одна была до этого война на Ближнем Востоке. Был в тех войнах своеобразный идол—израильский танк, и этот идол рухнул. Рухнул миф о непобедимости израильской армии.

О крайней непопулярности этой войны в самом Израиле говорит хотя бы такой факт. Когда министр обороны Израиля генерал Шарон прибыл в одно из подразделений израильской армии, его забросали бутылками из-под кока-колы. Один из бригадных генералов, командующий бронетанковыми частями, осаждавшими Бейрут, подал в отставку. Этот человек, который первым пробился со своей бригадой к Бейруту, отказался руководить действиями своих подчиненных. Его совесть, его мораль не выдержали того, что он видел на этом пути. Он заявил: «Я солдат, а не убийца! В мои обязанности военачальника никогда не входило перекрывать поток электроэнергии, воды и доставку донорской крови. Больше я не принимаю ваших утверждений о том, что палестинцы являются террористами».

Кто такой террорист? Террорист — это тот, кто, имея в своем распоряжении бронетанковую технику, самолеты и корабли, обрушивает их на окруженный и задыхающийся без воды и электроэнергии город, на женщин, детей, стариков. Бегин пытался убедить генерала не подавать в отставку. Тот отказался! Генерала обвинили в антисемитизме. В этом же был обвинен и Наум Гольдман, бывший президент Всемирного еврейского конгресса. Он также выступил против этой войны.

Следуя такой логике, антисемитами можно назвать и те 100 тысяч израильских граждан, которые вышли в один из дней на улицы Тель-Авива на демонстрацию протеста против войны в Ливане. Более трех тысяч подписей солдат и офицеров израильской армии стоят под официальным прошением на имя Бегина — прошением, в котором они просят уволить их в запас и вернуть на территорию Израиля.

В израильской армии такое случилось впервые. Как впервые строились и полевые госпитали для сошедших с ума солдат и офицеров. Один из таких офицеров был взят в плен нашими бойцами. Он шел будто слепой, не выбирая дороги, и не оказал никакого сопротивления. Лишь

тогда палестинцы поняли, что с ним произошло. Они пытались привести его в чувство, но это было бесполезно. Вместе со многими другими пленными он был возвращен израильскому командованию. Наше обращение с пленными было — и теперь это знают во всем мире — исключительно гуманным. До какой же степени цинизма нужно дойти, чтобы и после этого называть нас террористами!..

Во время одного из налетов я оказался рядом с пленным израильским пилотом. Бомбы рвались буквально в нескольких десятках метров от нас. Ему было страшно. Мне тоже. Вы знаете, страх — вполне понятное человеческое чувство. Когда налет окончился, израильский летчик сказал: «Я не представлял себе, что бомбардировка может быть такой ужасной. И если я отсюда выйду, если смогу выжить после этих налетов и вернусь домой — уже никогда не буду военным летчиком. Мне даже стыдно говорить тебе, что я сожалею». Он действительно никому не мог сказать «прости», многие убиты им же самим.

А какими словами рассказать о страданиях детей в Бейруте?! В одном из бомбоубежищ собралось 150 детей в возрасте от семи до десяти лет. Это были сироты. У них вообще ничего не осталось. А некоторые еще не знали, что их родителей уже нет в живых.

Когда была прекращена подача электроэнергии и воды, возникла опасность распространения такой болезни, как холера. Ведь сотни и тысячи трупов были не убраны с улиц — часто из-за того, что просто некому было их убирать. Всякий раз, когда военные службы или службы палестинского Красного Полумесяца и представители международного Красного Креста пытались это сделать, начинались израильские налеты. Могил в Бейруте не было. Здания от попадания современных бомб рушатся полностью, и они погребают под своими обломками всех и вся.

Примерно 500 тысяч человек находилось в осажденном Бейруте. Надо было как-то кормить людей. Вы знаете по своему опыту, что пайки предоставляются прежде всего солдатам. Наши бойцы отдавали эти пайки гражданским людям. Мы делали это таким способом. Хлеб у нас печется тонкими лепешками в традиционных восточных печках. Эти лепешки похожи на большие блины. По три таких блина выдавали в день солдату. Это очень мало, но один из каждых трех солдат отдавал свой паек гражданскому населению.

Решение уйти из Бейрута было для нашего политического руководства очень тяжелым, но вынужденным. Полмиллиона человек были под угрозой смерти. От заражения крови умирали очень и очень многие. Донорская кровь, которая поступала от международного Красного Креста, не доходила до нас. Ее выливали на землю, ампулы давились израильскими каблуками. Было много случаев, когда у раненых боль становилась поистине нестерпимой, а хирург не мог ничего сделать. Так мучились тысячи раненых палестинцев и ливанцев. Некоторые даже просили бойцов из охраны при госпиталях, чтобы те пристрелили их.

Мы никогда не забудем преступления сионистских изуверов в военной форме! Никогда их не простим! Если же забудем и простим, то чудовищные страдания Бейрута, которые мы пережили, могут повториться. Масштабы трагедии были слишком велики, и поэтому, повторяю, было принято решение вывести силы палестинского сопротивления из Бейрута. Мы вышли каждый со своим оружием, с развернутыми знаменами, полные достоинства. Весь мир знает, что десятки тысяч палестинских бойцов выстояли в течение 78 дней в схватке с самой современной военной машиной. Ливанцы плакали, прощаясь с нами. Они бросали горстки риса на головы палестинских бойцов, когда те покидали Бейрут. Так на Востоке величают героев. Многие ливанцы говорили: «Не покидайте нас!» Но, повторяю, мы были вынуждены так поступить.

В это время мы в полной мере познали, кто наши друзья, а кто враги. Телеграмму Леонида Ильича Брежнева, с которой он лично обратился к Ясиру Арафату и в которой он говорил о своем восхищении и о восхищении советских людей стойкостью палестинских борцов, мы передавали каждые полчаса через мегафоны и громкоговорители на передовой линии огня.

В течение трех месяцев борьбы мы выпускали экстренную газету под названием «Аль-Маарака», что значит по-арабски «Битва». В этой стихийно, во время войны возникшей газете, как и в других органах печати, сотрудничали палестинские писатели и поэты, а также литераторы из других арабских стран, которые находились в Бейруте. Мы сами носили экземпляры своей газеты на передовую. Читали стихи, отрывки из статей, обсуждали напечатанные материалы с нашими бойцами. И, поверьте, глубина суждений этих парней порой поражала меня. Тот, кто сражается не на жизнь, а на смерть, любит жизнь и любит поэзию.

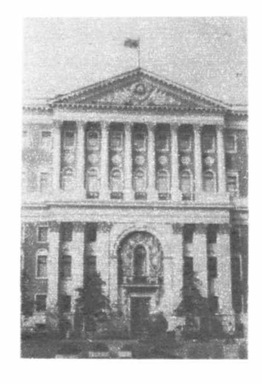
Бегин может стирать с лица земли города с помощью самолетов, но с поэзией он расправиться не может. Он не может подавить волю к борьбе! И не уничтожит волю палестинского народа к возвращению на свою родную землю, волю к образованию своего национального государства. Мы вышли из Бейрута с тем, чтобы войти в сердце каждого честного человека на планете. Мы сделали это ради жизни пятисот тысяч ливанцев. Но на территории Ливана и сегодня находится еще около полумиллиона палестинцев. Усиливается партизанская борьба с интервентами. В ней участвуют и палестинцы и ливанцы. Партизаны действуют во всех районах. Например, на днях они провели одну из многочисленных операций, о которой я узнал уже здесь, в Москве. Двое партизан взяли в плен восемь израильских военнослужащих. (Очень большой процент потерь в израильской армии приходится на долю офицерского состава.)

Палестинцы остались в Ливане, остались в долине Бекаа, на границе с Сирией, остались в оккупированной Израилем южной части Ливана да и в других районах. Многие члены нашего военного командования также остались в Ливане. Существует и действует Коммунистическая партия Палестины. Это старейшая из коммунистических партий, возникших в странах арабского региона. Она была создана в 1921 году.

Дальнейшая борьба будет тяжелой. Но мы не одиноки в этой борьбе. И сегодня мы чувствуем себя сильнее, чем когда бы то ни было прежде. Мы знаем, что наш самый преданный и самый искренний друг — это ваша Родина.

Руины Бейрута.

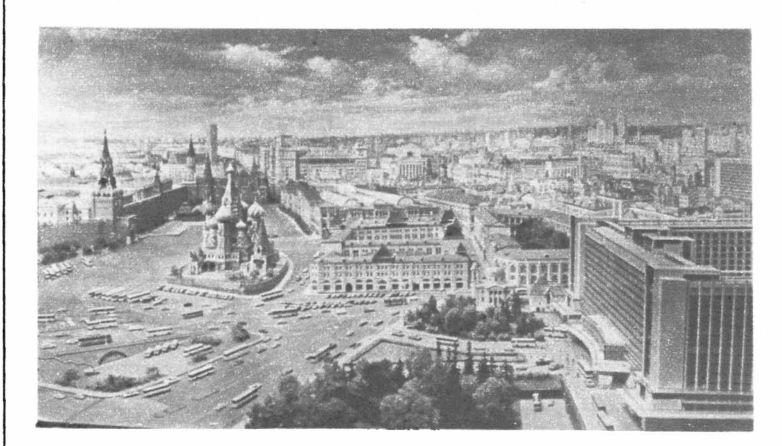

МОСКВА И МОСКВИЧИ

ПОСВЯЩЕНО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ

Возможность побывать на Красной площади, совершить прогулку по Кремлю имеют все, кто приходит в эти дни на выставку «В семье единой», посвященную нашему славному шестидесятилетию. Крупнейший павильон Выставки достижений народного хозяйства отдан юбилейной экспозиции. А показ открывает Москва диорамой художника Е. Дешалыта. Ее фрагмент перед вами.

ООН И ШКОЛЬНИЦА

Лене Громовой вручена медаль ООН.

У москвички Елены Громовой радостные события: с отличием окончила школу, а тут еще подоспела весть — ей присудили медаль ООН.

В конце прошлого года Организация Объединенных Наций объявила конкурс школьных сочинений на тему «Как изучение космоса влияет на мою страну и на мир». В конкурсе участвовали учащиеся более чем из ста стран мира. Высшей награды, серебряной медали ООН, удостоена работа Лены Громовой, выпускницы 175-й московской школы. Сочинение привлекло гуманистической позицией автора, возвышенным и поэтичным взглядом на взаимоотношения человека со Вселенной. Условие конкурса не позволяло использовать более тысячи слов — отсюда лаконизм в рассказе о космосе от глубокой древности до наших дней.

Сочинение Лены Громовой написано на едином дыхании: доверительно, просто, словно это обращение к близкому другу. Семнадцатилетняя девушка говорит о том, что люди, независимо от цвета кожи, языка, обычаев, вероисповедания, хотят мира, хотят спокойно спать, растить детей, работать.

Лена пишет: «Мне хочется верить, что архитекторы построят города в соседних галактиках». Видимо, в этих строках — мечта будущего градостроителя: сдав вступительные экзамены, Елена Громова стала студенткой Московского архитектурного института.

...Еще дошкольницей она занималась в изостудии Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, затем окончила художественную школу, с шестого класса основательно заинтересовалась астрономией, увлекается музыкой и поэзией. На днях Лене Громовой была вручена награда ООН.

Ц. МАРАТОВ

Фото автора

ШТРИХИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

*** Более десяти лет прошло со времени утверждения Генерального плана развития Москвы. За эти годы в столице появились новые жилые районы — Вешняки-Владычино, Орехово-Борисово, Тропарево, Теплый Стан, Бибирево, Отрадное, Ясенево, Строгино...**

*** В исторической части Москвы формируются девять заповедных зон.**

*** 2 миллиона 800 тысяч номеров — такова общая емкость городской телефонной сети. На каждые сто квартир сейчас приходится 74 телефона.**

*** В 1983 году московским организациям предстоит завершить разработку технико-экономических основ Генерального плана — на срок до 2010 года.**

*** За десять лет построены жилые дома общей площадью свыше 50 миллионов квадратных метров. Обновляются и старые районы. Вот что рассказывает наш корреспондент:**

— По мнению специалистов, настала пора для новой, третьей в советское время реконструкции улицы Горького, славной столичной магистрали. О новых изменениях узнаешь с некоторой тревогой: станут ли они органичными, не нарушат ли сложившегося архитектурного ансамбля? Ведь улица эта создавалась веками, не всегда подчиняясь четкому плану, часто зависела от вкусов, воли или своеволия владельцев усадеб, магазинов, трактиров.

Поражает она воображение не только приезжающих в город, но и коренных москвичей. И не сразу заметишь, что в той части улицы, что идет от площади Маяковского до Белорусского вокзала,— застроена она была при Иване Грозном и жили там ямщики,— притаились «старички» — три обветшавших дома. Они-то и станут объектом реконструкции. Работы затронут и прилегающие кварталы. Но при этом будет сохранена сеть исторически сложившихся Тверских-Ямских улиц, ограничится лишь движение по ним. А между узенькими улочками разобьют цветники, построят детские площадки.

Что же касается трех отслуживших домов по четной стороне — их номера 42, 52, 62,— то на их месте вырастут новые здания. Они впишутся в архитектурный облик улицы. Шести-семиэтажные, из кирпича. На первых этажах разместятся магазины, кафе. Архитекторы делают все, чтобы сохранить связь времен. Не случайно интерьеры магазинов в будущих домах предлагается оформить наподобие ямских лавочек и трактиров.

И. ТОЛКАЧЕВА

ТРЕТЬЕ КОЛЬЦО

Не каждому известно, что по Садовому кольцу в час проходит около семи тысяч автомобилей. Как разгрузить эту транспортную магистраль?

К двум центральным — Бульварному и Садовому — довольно скоро прибавится третье кольцо. Название ему пока не определено, но ведь не только в названии дело... Уже сейчас можно увидеть участки будущей трассы: Краснопресненский путепровод, тоннель на Беговой улице, трехъярусное пересечение на Сущевском валу, Рижскую эстакаду. Это лишь четвертая часть будущей магистрали — примерно десять километров. Но уже в 1984 году прибавится еще один участок. Сейчас идет его строительство.

...Митьковская железнодорожная ветка. Здесь трасса войдет в километровый тоннель — машины в нем пойдут в пять рядов в каждом направлении. Столичный масштаб! Сейчас уже можно различить контуры тоннеля, хотя повсюду пока видишь неотделанные бетонные конструкции, краны, экскаваторы, самосвалы.

— Готовый участок третьей внутригородской дороги уже теперь уменьшил транспортный поток на Садовом кольце,— рассказывает главный инженер института Мосинжпроект Ю. М. Самохвалов.— Установлено, что участок от Краснопресненской заставы до Рижского вокзала «отбирает» у Садового кольца в северном секторе три-четыре тысячи автомобилей в час. Сократился поток машин, поворачивающих на Лермонтовской площади в сторону Комсомольской площади. Однако проблемы еще существуют. Крупные «пробки» возникают у Рижского вокзала. По замыслу здесь, под проспектом Мира, должен быть тоннель, вопрос о сооружении которого сейчас решается. Будущий тоннель соединит части дороги.

Сейчас готовы проекты магистрали от Бакунинской улицы до шоссе Энтузиастов и улицы Войтовича. На этом участке предстоит реконструировать мост через Яузу, построить тоннель под Бакунинской улицей, эстакаду через завод «Серп и молот» и шоссе Энтузиастов и другие крупные инженерные сооружения.

Эдуард ЛИ

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ

...Списанная мебель. Шкаф, письменный стол, кресло, книжные полки, уже не «уважаемые», а, прямо скажем, бросовые, приговоренные к уничтожению. Даже если шкаф добротен, даже если бы он мог исправно послужить еще не один год — пусть не в кабинете руководителя объединения или цеха, а, скажем, в скромном общежитии, в садовом домике... Списано — уничтожено. Есть такая расточительная формулировка. И вдруг я узнал, что один из московских комиссионных магазинов принимает списанную, но еще добротную мебель и продает по невысоким, буквально рублевым ценам.

Звоню в магазин, чтобы условиться о встрече, о беседе. Со мной говорят нехотя, ссылаются на вышестоящее начальство. Набираю еще один номер телефона — заместителя директора Москомиссионторга Софьи Ивановны Нефедовой. Прошу сообщить: сколько и чего продано? Какова экономическая выгода? «Мы такими данными не располагаем». Директор Москомиссионторга Александр Иванович Шехавцов считает, что писать о такой торговле не следует.

— Этим делом должна заниматься другая организация.

— Какая?

— Не знаю, она находится где-то в Хрустальном переулке.

Хоть и невелик переулок, но не стучаться же в каждую дверь...

К. БАРЫКИН

ПОДВИГ НОВОРОССИЙСКА

С. ПАХОМОВ,
полковник в отставке,
бывший заместитель
начальника политотдела 18-й армии

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Сентябрь 1974 года. Этот день не забыть никогда. Вся страна была свидетелем всенародного торжества, посвященного вручению городу-герою Новороссийску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Особо радостную взволнованность придало этому празднику то, что вручал награду наш боевой товарищ Леонид Ильич Брежнев, который в годы войны был одним из вдохновителей и организаторов победы под Новороссийском.

Тогда Л. И. Брежнев не раз бывал на самых опасных боевых участках, начиная от гарнизона знаменитого сарайчика севернее цементного завода «Октябрь» и кончая долиной смерти у горы «Колдун», а также на прославленной Малой земле. Десятки раз форсировал Леонид Ильич водную преграду от Геленджика до Мысхако, личным примером содействуя укреплению стойкости малоземельцев.

Более года длилась у стен Новороссийска упорная, кровопролитная борьба. Воины 47-й, а затем 18-й десантной армий насмерть стояли на новороссийском рубеже. Неоднократные попытки врага прорваться на этом направлении, захватить Закавказье и выйти в районы Ближнего и Среднего Востока терпели полный провал.

Об этих героических днях и ночах написано немало очерков, рассказов и воспоминаний. Но венцом всех этих книг, безусловно, является «Малая земля» Леонида Ильича Брежнева. Эта книга близка, понятна и дорога не только нам, непосредственным участникам этих боев, но и всем ветеранам войны, всем советским людям. Вспоминая о подвиге Новороссийска, можно было бы пересказывать «Малую землю» главу за главой, абзац за абзацем, но я напомню лишь о тех строках, где речь идет о политработниках: «Надо полагать, читатель ждет от меня рассказа о партийно-политической работе, но, в сущности, именно о ней я давно уже веду речь».

Эта мысль Л. И. Брежнева принципиально важна: автор вовсе не считает необходимым выделять эту тему из общего повествования. Ее трудно выделить, да и не нужно. Ведь политработники были в ответе за все: и за высокий боевой дух, и за здоровое моральное состояние, и постоянную боеготовность и боеспособность войск, я уж не говорю о том, что надо было с оружием в руках вести солдат в бой, являя пример личного мужества и храбрости. Стоит вдуматься только в одну цифру: на каждого защитника Малой земли приходилось 1250 килограммов смертоносного металла. Чтобы убить человека, достаточно нескольких граммов, а тут — тонна с четвертью! Как люди устояли, как выдержали,— казалось бы, уму непостижимо. Но люди устояли. И не просто устояли, а превратили Малую землю в большую могилу для гитлеровцев.

Часто находясь в войсках и хорошо зная положение дел не только на участке 18-й армии, Леонид Ильич вместе с Военным советом армии настойчиво добивается прорыва так называемой «Голубой линии» противника на Северном Кавказе, начав наступление на Новороссийском направлении решительным ударом наших войск непосредственно в центр города и его порт. Еще задолго до операции Леонид Ильич, делясь с нами, работниками политотдела армии, своими мыслями, говорил:

— Топчемся мы здесь на одном месте и с большим трудом, с большими потерями берем высотку за высоткой, а толку почти никакого. Не лучше ли сосредоточить все свои усилия и ударить непосредственно по Новороссийску? Может быть, это и подороже будет стоить нам, чем взятие той или иной высоты, но зато ускорит полный разгром врага на Кубани и на Тамани и тем избавит нас от лишних и не совсем оправданных потерь.

В действительности так оно и получилось. Новороссийск оказался ключом ко всей «Голубой линии». Только со взятием города началось успешное продвижение и других армий Северо-Кавказского фронта. Новороссийск был взят 16 сентября, 17-го наши войска проскочили «Волчьи ворота», 21-го освободили Анапу, а 3 октября — Тамань.

Идея нанесения главного удара по Новороссийску, высказанная Леонидом Ильичом Брежневым в политотделе, давно зрела в Военном совете армии, в умах и сердцах всех воинов. Поэтому решение о наступлении, принятое по указанию Ставки Верховного Главнокомандования, вызвало живейший отклик в войсках. Опираясь на опыт, массовый героизм воинов, проявленный в оборонительных боях за Новороссийск, в боях на Малой земле, командиры и политработники развернули большую работу по развитию наступательного порыва у личного состава.

Все мы учитывали исключительную сложность предстоящих боевых действий. Ведь надо было готовить людей к осуществлению особо дерзкой и комбинированной операции, одновременно с суши, с моря и с воздуха! Это требовало тщательной отработки всех вопросов взаимодействия, слаженности во всех звеньях армии, флота и авиации.

В ночь на 10 сентября из всех участвовавших в десанте частей успешно удалось высадиться только 393-му батальону морской пехоты, 1339-му стрелковому полку и отдельным подразделениям 255-й бригады морской пехоты. Во вторую ночь было десантировано еще два стрелковых полка и батальон морской пехоты... Разгорелись ожесточенные бои. Враг сопротивлялся отчаянно, но наступательный порыв наших частей был неудержим.

Хорошо помню раннее утро 11 сентября. Наши части уже дрались в Новороссийске, но донесения на командный пункт поступали нерегулярно. Это, естественно, тревожило командование. Тогда офицеру оперативного отдела капитану Пушицкому и мне было приказано пробраться в город, найти в районе электростанции командира дивизии, выяснить обстановку, вернуться и доложить о ней Военному совету. Сначала мы ехали на машине, но попали под бомбежку, и машина разлетелась в щепки. Перед самой электростанцией — совершенно открытый участок, простреливаемый артиллерией и пулеметами противника. Капитан Пушицкий преодолел его ползком между обломками здания и кучами угля. А я, набравшись духу, как завзятый спринтер, бросился в открытую. Немцы, засевшие в двухэтажном здании напротив, видимо, не ожидали такого нахальства и не успели открыть огонь. Короче говоря, задание мы выполнили и вернулись с донесениями.

Первым нас встретил Леонид Ильич.

— Рад, очень рад, что живы и что дело сделали, несмотря ни на что!— сказал он.

Между тем десанты один за другим шли в Новороссийск. И каждый десантник имел специальную памятку, которую издал наш политотдел. Советы были предельно точными, краткими и конкретными. Они излагались в разделах: «Обеспечить скрытность и строгий порядок на корабле», «Бдительно следи за противником!», «Береги оружие!», «При высадке десанта на берег действуй быстро и организованно!». Была там и такая мысль: «Как бы враг ни оборонялся, он должен быть уничтожен. Помни — враг не выдерживает дружного и смелого удара. Проявляй в бою инициативу и военную хитрость! Помогай товарищу! Лучшая помощь товарищу — это стремительный натиск на врага...»

Эта памятка, над которой очень тщательно работал и сам Леонид Ильич, точно отразила то, что произошло в ходе нашего наступления: враг не выдержал дружного и смелого удара.

Еще в период подготовки к наступательной операции во всех частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания. Одно из них, комсомольское собрание в роте автоматчиков 393-го отдельного батальона морской пехоты, вошло в героическую летопись штурма Новороссийска. С докладом о задачах комсомольцев в предстоящем бою выступил заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Н. Старшинов. Затем развернулось активное обсуждение. Все клялись оправдать доверие партии и народа. В конце собрания выступил комсорг Гусенков. Он призвал своих товарищей следовать примеру воспитанника комсомола Героя Советского Союза Михаила Корницкого, совершившего подвиг в боях на Малой земле.

Бой показал, что комсомольцы батальона выполнили свою клятву. Особенно отличился комсорг Гусенков. Он высадился на берег первым, со взводом автоматчиков. Прорвав передний край, они глубоко вклинились в оборону противника и... оказались в окружении. Чтобы спасти товарищей и дать им возможность выполнить боевую задачу, Гусенков повторил подвиг Михаила Корницкого: обвязавшись связкой гранат, он бросился в гущу врагов. Сильный взрыв разметал фашистов! Воспользовавшись этим, автоматчики вырвались из окружения, соединились с основными силами и с удесятеренной силой продолжали бить гитлеровцев, мстя за своего отважного комсорга.

В дни особенно трудных боев произошел беспримерный случай коллективного приема в партию. Одна из групп 290-го полка высадилась в стороне от основных сил. В ней было восемьдесят три человека, в большинстве беспартийные. И вот все они в самую критическую минуту боя обратились в парторганизацию с коллективной просьбой считать их коммунистами. В своем заявлении воины писали: «Мы ведем бой в условиях полного окружения. Превосходящие силы врага нас беспрерывно атакуют. Мы поклялись взять Новороссийск, и мы эту клятву выполним. Просим парторганизацию считать всех нас коммунистами. Индивидуальные заявления подадим после боя».

Вошел в историю и подвиг парторга первой роты 142-го батальона морской пехоты старшего сержанта Валлиулина. Рота трижды атаковала один из опорных пунктов противника, но безуспешно. Решили создать штурмовую группу из одиннадцати человек. Возглавил ее парторг. Опорный пункт был взят, и рота продолжала движение. Но на подходе к мосту на наши боевые порядки с фланга обрушился сильный пулеметный огонь. Неся большие потери, рота залегла. Тогда Валлиулин пополз к пулемету. Длинной очередью его ранило. Но парторг собрал последние силы, сделал резкий бросок и своим телом закрыл подвальное окно, из которого бил пулемет... Вечером старшина Дьяченко разыскал тело героя. У его могилы состоялся митинг, на котором матросы и командиры поклялись отомстить за своего товарища. И они отомстили, жестоко отомстили фашистским изуверам!

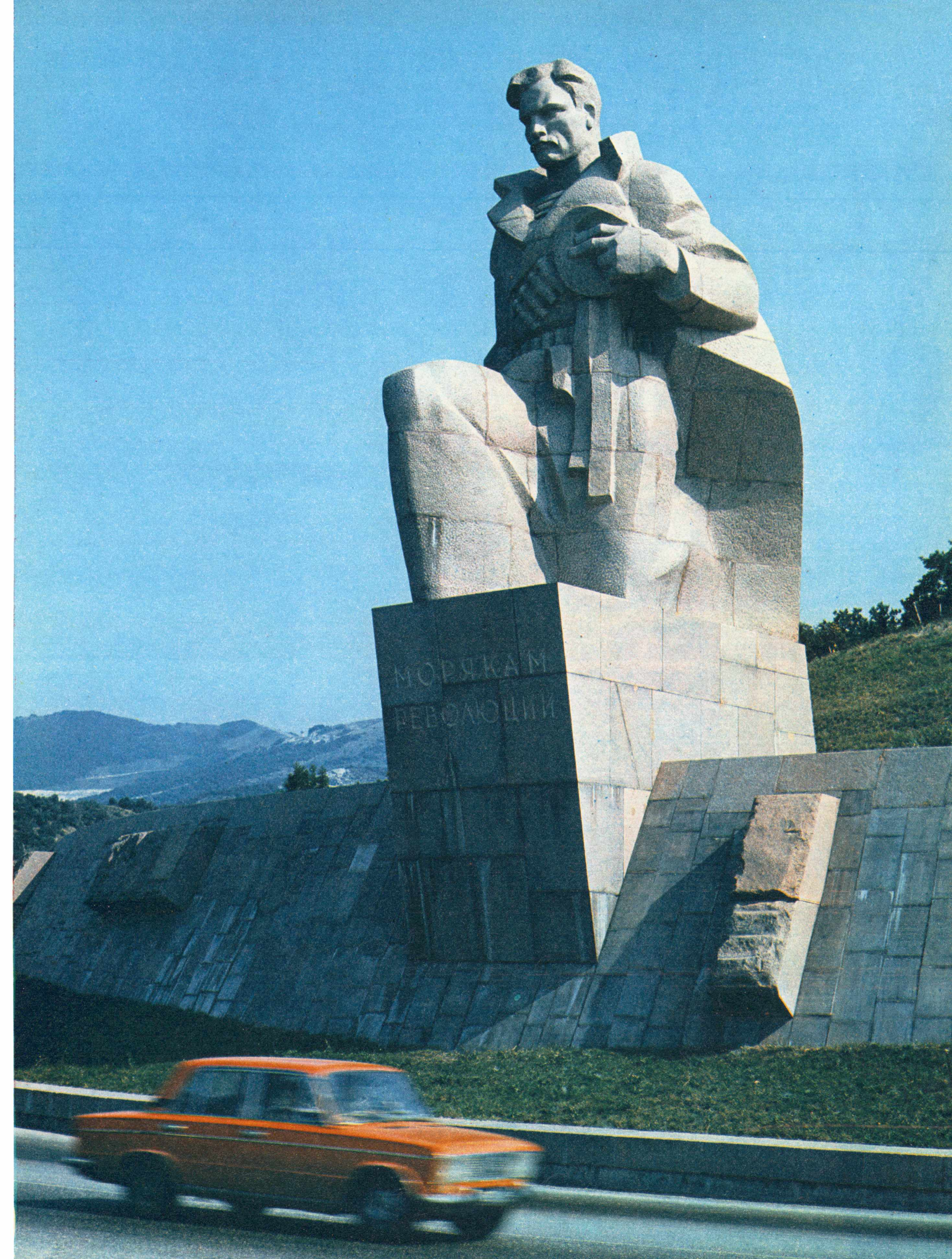
Пять дней продолжались ожесточенные бои. «А когда мы дружно и смело ударили по Новороссийску и разгромили там врага,— с улыбкой вспоминает Леонид Ильич,— то уж, говоря по секрету, и догнать его трудно было — так он бежал по Тамани».

В приказе Верховного Главнокомандующего в связи с освобождением Новороссийска говорилось: «Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Черноморского флота в результате смелой операции — ударом с суши и высадкой десанта с моря — после пятидневных ожесточенных боев... сегодня, 16 сентября, штурмом овладели важным портом Черного моря и городом Новороссийск.

В боях за Новороссийск отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе, моряки контр-адмирала Холостякова, летчики генерал-лейтенанта авиации Вершинина и генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова».

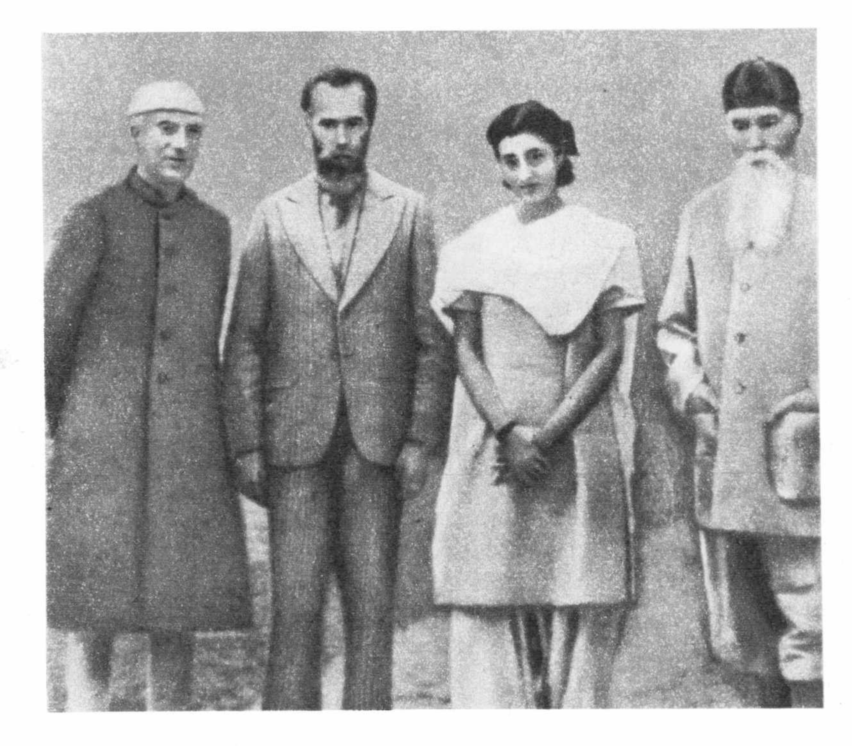
...Тридцать девять лет прошло с тех грозных дней, но нам не забыть их никогда. Собираясь вместе, ветераны 18-й армии прежде всего отдают дань павшим, тем, кто не дожил до светлого Дня Победы. Наши товарищи, живые и павшие, всегда с нами, всегда в наших сердцах. Веками будет жить подвиг защитников Новороссийска и в памяти народа. Бывая в этом рожденном заново прекрасном городе, я вижу, как много людей приезжает сюда со всех концов страны, чтобы поклониться светлой памяти тех, кто насмерть стал у этих стен и ни на метр не пустил врага дальше. В Новороссийске немало памятников, напоминающих о тех огненных днях. Новый монумент, воздвигнутый в городе-герое, достойно венчает все, что сделано народом в увековечении памяти простых советских людей, ломавших хребет фашизму у этой морской твердыни.

Фрагмент монумента «Морякам революции», входящего в мемориальный комплекс в Новороссийске. Скульптор В. Цигаль, архитекторы Я. Белопольский, Р. Кананин, В. Хавин.

МОРЯКАМ
РЕВОЛЮЦИИ

„СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ" 3 МИЛИ
МИНОНОСЕЦ „СМЕТЛИВЫЙ" 3,4 МИЛИ
ПАРОХОД „ОКСЮЗ"

ЕДИНЕНИЕ СЕРДЦЕМ

...Они улыбаются с памятной фотографии 1942 года — молодая Индира Ганди и ее отец Джавахарлал Неру. Рядом погруженные в свой внутренний мир великий русский художник Николай Константинович Рерих и столь похожий на него сын — Святослав Николаевич, замечательный продолжатель дела отца.

Фотография сделана в Гималаях в доме Рерихов. Сюда же в 1974 году приехал встретиться со Святославом Николаевичем для сбора материалов к столетнему юбилею Рериха советский поэт Валентин Сидоров, автор вышедшей ныне в журнале «Москва» повести «Семь дней в Гималаях».

Историческая фотография вместе с репродукциями полотен Николая и Святослава Рерихов как бы дополняет страницы книги, которая, безусловно, найдет своих читателей, притом многочисленных...

«Говорили об индо-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной»,— приводит автор слова из очерка Н. К. Рериха о встрече с Неру. И добавляет: «Если вспомнить, когда проходила встреча — разгар войны, страшное лето сорок второго года,— то становится понятным, что так спокойно, так обстоятельно о проблемах будущего могли беседовать люди, абсолютно уверенные в будущем. Так могли беседовать лишь мудрецы, которым оно открыто».

Да, снежные вершины Гималаев никогда не разделяли Россию и Индию. Еще со времен «хождения за три моря» Афанасия Никитина крепло поле взаимного тяготения двух наших великих народов, росла их душевная симпатия и обоюдный интерес друг к другу. Русские и индийцы всегда ощущали глубинное родство и общность путей, всегда были друзьями.

Д. Неру, с чувством высочайшего благоговения относившийся к Ленину, считавший его Махатмой — Учителем, писал дочери, Индире Ганди, нынешнему премьер-министру Индии:

«Год, в котором ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты...»

На страницах книги В. Сидоров передает беседу Святослава Николаевича с Индирой Ганди о будущем «Урусвати» — знаменитого Гималайского института научных исследований, основанного Н. Рерихом в 1928 году в результате его трансгималайской экспедиции. Символическое название «Урусвати» в переводе на русский язык означает «Свет утренней звезды». Было получено принципиальное согласие Индиры Ганди на возобновление международной деятельности института. Впоследствии Святослав Рерих вел переговоры с нашей Академией наук и болгарской. Первая группа болгарских ученых уже побывала в Гималаях. «Словом,— заключает автор,— дело идет к тому, чтобы рериховский институт согласно воле его основателя снова стал центром, соединяющим Восток и Запад: Индию и Советский Союз прежде всего».

Благородной цели сближения наших культур служат включенные в книгу В. Сидорова «Вместо эпилога» стихи-медитации, представляющие итог авторских впечатлений, художественный отклик на них, где мы видим творческое освоение индийских тем и мотивов, пример обогащения двух поэтических традиций.

Удалось это благодаря основательной подготовке писателя к предстоящему путешествию — изучению индийской философии и литературы, трудов и картин Николая Рериха. Как поэт, Валентин Сидоров «заболел» Индией давно, недаром индийская тематика прочно обосновалась в ряде его стихотворных циклов (достаточно назвать «Голубые холмы Индостана», «Вивекананда», «Весть»), написанных задолго до непосредственного знакомства со страной.

Новая книга в известном смысле явилась итогом многолетнего постижения культуры и искусства Индии, ее национального характера—итогом тем более весомым, что автор отправился в Индию не туристом, жаждущим лишь внешних впечатлений, но человеком, стремящимся к единению с ней сердцем. Именно поэтому в книге органично сочетаются путевые наблюдения писателя, рассказ о ярной семье Рерихов, их доме в долине Кулу и любовно отобранные изречения индийских мудрецов, зовущих к внутреннему преображению каждого человека.

Два плана повествования — прошлое и настоящее, чарующая легенда и подлинная реальность — сливаются воедино в фигуре Николая Рериха, олицетворяющего своим творчеством вечную устремленность людей в будущее. С именем Рериха оживает на страницах книги романтика давнего времени: послание Махатм 1926 года Советскому правительству, письмо, сопровождающее священную для индийцев гималайскую землю на могилу «брата нашего Махатмы Ленина».

Так дневник индийского путешествия поэта с вплетенными в него философскими текстами и авторскими отступлениями, порой в стихотворной форме, складывается в проникновенную лирическую картину, которой, думается, не суждено затеряться в обширной и разнообразной литературе, посвященной Индии. После всего написанного об этой неисчерпаемой стране Валентин Сидоров сумел найти для нее в своей душе отзывчивое слово.

А значит, оно не последнее.

Путь завершен. Но это
завершенье —
Лишь подготовка к Новому Пути.

Ю. ОСИПОВ

Валентин Сидоров. Семь дней в Гималаях, журнал «Москва», № 8, 1982.

И РОДИНА МНЕ ДАРИТ ВДОХНОВЕНЬЕ...

В кругу друзей и поклонников ее таланта Мирварид Дильбази называют ласково и уважительно «Эльоглу». В этом имени соединены понятия мужской чести и женского достоинства. Недаром так нарекли известную в Азербайджане женщину-поэтессу: в ее стихах четкие, мужественные ритмы, ее поэзия — воплощение женской гордости, материнства, любви.

В азербайджанской поэзии Дильбази, отмечающая в эти дни славный юбилей,— одно из самых ярких имен. Она пишет не только серьезные эпические вещи, не только лирику, но и книги для детей. Мирварид Дильбази, народная поэтесса Азербайджана, в своих произведениях высокоталантливо утверждает идеалы нового мира, воплощая думы и чаяния своего родного народа: «Как к лицу тебе, родной Азербайджан, знамя цвета ослепительной зари!»

Тематика ее стихов обширна и всеохватна: от поэмы «Месхери» о судьбе древней поэтессы из Гянджи, смело бросившей вызов самому шаху, до прямой публицистики (хотя и облеченной в форму «современной сказки») — поэмы об осушении болот; от тонких лирических циклов до высокопатетичных гимнов России, русскому народу, Москве. Последние отличают особая приподнятость чувств, эмоциональность, естественный гражданский пафос: «И горе и радость доверить ему ты можешь всегда, как себе самому...» — говорит она о братском русском народе.

«Стихи Дильбази,— пишет Наби Хазри,— словно волны, бьются о берега жизни; они кипят, и бурный рокот их вечен во времени и пространстве. Именно поэтому поэтесса чувствует в себе боль народа Чили, потерявшего Неруду, потому в ее стихах живут отвага Мусы Джалиля, мужество и твердость Гарсиа Лорки, непоколебимость Насими, решимость Вагифа...»

Впрочем, если говорить о социальных достоинствах творчества Дильбази, можно вспомнить выступление руководителя азербайджанской писательской организации на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, где имя начинающего литератора было упомянуто в числе имен поэтов, чьи «стихотворения насыщены искренностью и преданностью нашей революции». Стихи «молодой тюрчанки-поэтессы Дильбази» уже тогда привлекали внимание читателей, хотя она только что выпустила свою первую книгу. Именно в те годы в республике появилась целая плеяда молодых поэтов, имена которых сегодня широко известны повсюду. Сохранился снимок, сделанный в Москве в 1940 году на днях Декады азербайджанского искусства и литературы. На нем рядом с Константином Фединым запечатлены С. Рустам, С. Вургун, Дж. Джабарлы, М. Рагим, справа от Владимира Луговского Мирварид Дильбази. В. Луговской, прекрасный русский поэт, был «крестным литературным отцом» Дильбази, именно под его редакцией вышли первые книги поэтессы.

С той поры утекло много воды. Первостроитель социалистической культуры Советского Азербайджана, видный мастер стиха Дильбази, утверждая в искусстве самые высокие его принципы — народность и современность, пишет в одном из последних своих стихотворений: «Даже золотое перо не выплатит сполна своего долга человечеству...» В этой формуле ответственность художника за свое слово.

И Родина мне дарит вдохновенье,
И каждое мое стихотворенье
Летит вперед в порыве молодом.
Пусть годы мчатся все-таки
быстрее
И жизнь проходит, сердце
не стареет,
Недаром песня сложена о том!

Феликс МЕДВЕДЕВ

Памятник-ансамбль «Линия обороны» * «Морякам революции». Фрагмент монумента.

Хозяйка просит к столу.

Что может получить рачительный горожанин с клочка земли в шесть соток? Сейчас все чаще и чаще задаемся такими вопросами. Страна у нас большая, мы привыкли мерить поля сотнями гектаров, а урожай — тоннами, но рядом с просторными нивами колхозов и совхозов уже десятки лет существуют крохотные нивочки садово-огородных кооперативов. Участки неудобиц длиной тридцать и шириной двадцать метров. Здесь и мерки, употребляемые при ведении учета, другие: корень, куст, ведро, трехлитровая банка для консервирования...

Лет десять назад столяр из Воронежа Александр Федорович Ячевский и его жена Елена Филипповна построили на своих шести сотках домик на сваях. Над землей они воспарили по необходимости: весной вода над их участком поднимается на полтора метра. Впрочем, жалеть об излишних трудах не пришлось. Под домом впоследствии разместился гараж для «Запорожца» и сарай, где хранится садовый инвентарь. С ранней весны до осени здесь крутятся шестеро малолетних внуков: пасутся на грядках с клубникой, купаются в речке, кормят кур, воюют с сорняками. По выходным приезжают взрослые дети и взрослые внуки. Иногда за столом собирается девятнадцать человек. Чтобы как-то усадить дорогих гостей, Александр Федорович выстроил воздушное сооружение, покрытое полиэтиленовой пленкой,— летнюю кухню. Здесь готовятся обеды, стоит длинный самодельный стол. Есть на участке клетка для двадцати несушек, и любимое занятие внучат — следить за тем, как появляется очередное пушистое чудо. Постройки и цементированные дорожки занимают почти полторы сотки. Остальные четыре с половиной используются не менее интенсивно: прикрытые пленкой, растут помидоры, огурцы и ранняя редиска. Под прозрачной крышей летней кухни зеленеют бусинки еще недозрелого винограда. Есть пятнадцать кустов черной смородины, пять плодоносящих яблонь, немного крыжовника и малины. Это все для желудка, но имеется кое-что и для души: сирень, жасмин, гортензия, гвоздики, нарциссы, тюльпаны, флоксы, гладиолусы, астры, пионы, лилии — «царские кудри» и — гордость хозяйки — кустик с грустным названием «разбитое сердце».

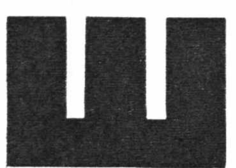
— В прошлом году,— говорит Елена Филипповна,— мы только яблок чуть не тонну собрали. Съесть сразу никак нельзя. Компоты варили, варенье, сидр делали. Клубники набрали ведер десять — получилось около сотни банок компота. Клубники, конечно, было больше, но мы ее ведь и в рот собирали. Помидоры тоже всегда свои, а на зиму шестьдесят банок закатали. Огурцов поменьше. Сколько точно, не помню, а вот смородины — три ведра. Мы ее протертую с сахаром готовим. Малины немного, однако варенья лечебного ребятам хватает. И за зеленью далеко ходить не надо. Вон там у меня укроп, мята, щавель, лук и чеснок.

Елена Филипповна поглядела на свои владения, где в охотку работали мужчины, и позвала всех завтракать. Посреди стола на большом блюде красовались плоды кооперативного «неудобья», плоды земли, ухоженной и обласканной работящими руками...

В Воронеже мне рассказали про городского рабочего, которому по жребию достался участок, большую часть которого занимала бывшая проселочная дорога. Плодородного слоя здесь и в помине не было, зато гравия сколько угодно. «Зачем тебе этот хомут?» — спрашивали его знакомые. А тот молчком возил на свои шесть соток торф с соседнего болота. Через пять лет прежний участок было не узнать. На нем росло и цвело все, что может расти в нашей средней полосе.

Георгий РОЗОВ
Фото автора

Клубника требует ухода.

Дом Ячевских.

Пила — мужской инструмент.

Воскресный завтрак.

ЕСТЬ СОТОК

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«ДОБРЫМ НЕ ПРИКИНЕШЬСЯ»

В статье «Добрым не прикинешься» («Огонек» № 2, 1982 год) рассказывалось об организации в Москве Службы по борьбе с экстремальными состояниями человека, о том, как врачи, психологи, социологи, юристы приходят на помощь людям, попавшим в такие сложные жизненные ситуации, которые вызывают крайне болезненные состояния.

Редакция получила немало откликов. Многие из читателей рассказывают о своих коллизиях, о своей боли. Далеко не все, кто поделился с нами своими бедами, смотрят из-за этих бед на весь мир сквозь темные очки. Горьковчанину Виктору Никифоровичу Басову, слесарю-сборщику с «Красного Сормова», пришлось столкнуться с проявлением к нему бездушия со стороны медицинских работников. Однако он не стал, как это нередко бывает, огульно ругать всю медицину, напротив, узнав из журнала о новой московской Службе, был тронут «человеческой заботой, вниманием, чуткостью». Попросил передать работникам Службы большое спасибо за их деятельность. «Я горжусь этими людьми!» — написал он.

Наши читатели, размышляя о поднятых в статье вопросах, высказывают практические соображения. Например, в письме с Сахалина читаем: **«Я не против таких служб, какие описаны в вашем журнале. Но они еще не всем доступны. Ведь такие службы, кажется, есть только в Москве. А что же делать периферийным жителям? Нужны адаптогенные лекарства в достаточном количестве и растительного происхождения. Нужна предупредительная научно-популярная литература».**

Вот письмо от рабочего, сибиряка по рождению, сейчас живущего в Узбекистане. О себе он говорит скупо: быт его устроен, есть семья, на работе все хорошо, и все-таки он испытывает одиночество. **«Нужен нам, — пишет он, — очень нужен Телефон Доверия, психологическая Служба, гарантированная «тайна исповеди». Но не та церковная «тайна», которая скомпрометировала себя, а наша, советская... Я много размышлял вот над чем. Мало осталось людей из дореволюционного поколения, а в церкви бывают молодые... Думается мне, что духовные лица искусно пользуются в своих интересах слабыми сторонами человека. Душа наша устроена так, что тянется к тому, кто утешает, говорит добрые слова. Да, он не помог, он, может быть, и не очень хороший человек, но он постарался понять меня в трудный момент моей жизни. А кто-то другой, пусть даже очень хороший и занятый серьезными, важными делами, но ему не до меня с моим маленьким горем. Но разве у человека бывает «маленькое горе»? Горе уже само по себе нечто большое...»**

Есть письма, которые спорят. У авторов полярные позиции. Читатель из Узбекистана считает, что сочувствие, добрые слова, участие необходимы человеку, и если мы не будем брать их на вооружение, то это искусно, со знанием дела и собственной выгодой сделают духовные лица. А автор письма из Подмосковья, без всяких на то оснований, объявляет Службу по борьбе с экстремальными состояниями никому не нужной сентиментальщиной.

Хочется привести еще одно письмо — тов. Скрябиной из Новосибирска.

«Первой, самой страшной, роковой душевной травмой была война. Тогда только еще начиналось безоблачное детство. За ней последовали гибель на фронте отца, голод, нищета, покинутость. Все это сказалось на здоровье, на психике. Последовали замкнутость, слезливость. Материальная сторона тоже сказалась. Ведь матери трудно было нас двоих воспитывать. Она осталась одинокой. А у нее были большие устремления. Она была красивой, умной женщиной, патриоткой своей Родины. Учила и нас любить Родину, людей. Не каждый ее понимал. Говорили, что она «не от мира сего», что сейчас надо думать о своем. И мы, дети ее, до сих пор не можем понять тех людей, которые не считаются с другими людьми. И чем больше сталкиваемся с подлостью, тем упорнее верим в то хорошее, что есть в человеке. Ведь рано или поздно все человечество поймет, что надо идти дорогой честности и справедливости. И чем больше будет нас, таких людей, тем ближе победа добра над злом».

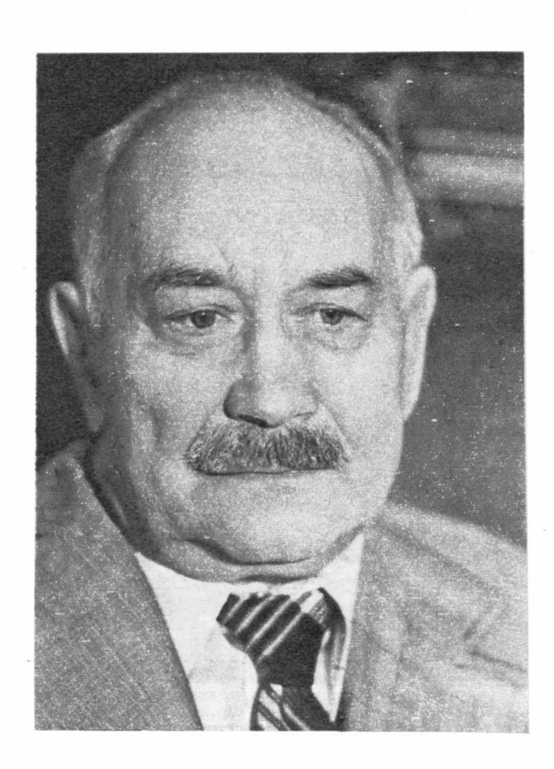
Письмо приведено полностью, почерк торопливый, видимо, прочла статью — и вылилось. В письме есть позиция человека, есть твердый взгляд на свое поведение в обществе. А это очень важно — иметь в душе свой стержень, от которого отскакивает все мелкое, недостойное.

В некоторых письмах содержится призыв заглянуть в корни таких явлений, как экстремальное состояние человека. Корней этих много. Частично о них было упомянуто. Нужно назвать еще и неискорененный бюрократизм, черствость и бездушие, погоню за своим мещанским благополучием. Нужно говорить о цинизме, о влиянии на психику стремительной урбанизации. Мало ли издержек от усложнившейся за последние годы жизни, ее высоких темпов? И читатели справедливо требуют: борьба со всем этим должна вестись широким фронтом, без устали, изо дня в день.

Хотелось бы, чтобы эта полезная служба, Служба по борьбе с экстремальными состояниями человека, развивалась, крепла, и не только в Москве. Хотелось бы знать по этому поводу позицию Министерства здравоохранения СССР.

Ия МЕСХИ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ПОДЕЛКОВА

Сергей ПОДЕЛКОВ

—I—

Ты, след памяти,
стон этих строк,
как ты радостен,
как ты жесток.
Здравствуй,
в солнечных брызгах былое!
Ветлы!
В детстве посажены мною.
Располнели —
и гребень высок.

—II—

Буланый,
друг,
мой задушевный конь.
От крупа
по ремню
веду ладонь,
и ломтик хлеба
конь берет губами.
Дуга заложена.
Куда ты едешь, память?
Серпы и крюк.
Ну, стягивай супонь.

—III—

А, сад.
Дуб возле тына.
Незабвен.
Погрéбица.
Цветет медово хрен.
Антоновка.
Ветвь держит плод,
как в лапе.
Под ней
в жару
спал Михаил Евлампьев,
мой дед.
Горюч воспоминаний плен.

—IV—

Болезненный пустырь.
А был порог,
герань на окнах —
и девичий вздох.

ОБАЯНИЕ ПОЭЗИИ

У Сергея Поделкова нет стихов, написанных не по «поводу жизни», каждое имеет «умысел» и рождается как отзвук «власти сердца». Отсюда и адресат поделковской лирики: с одной стороны, все человечество, все, пристрастные к поэзии, с другой — конкретный читатель: коллега-литератор, любимый человек, «одна сорокалетняя женщина», парашютистка, однополчанин, сын.

Иной стихотворец, тщась показать оригинальность, а за душой имея лишь «суму пустую», не трогает читателя ни словообилием, ни тогой натужного «мастера» рифмовки. С. Поделкову не надо рядить себя ни в какие изысканные одеяния: всегда при нем душа его и нелегкая биография человека, много пережившего. Вот почему он естественно оригинален в стихах, вот почему и рождаются из-под его пера строки и строфы, на которых, выражаясь современным языком, стоит личное клеймо, их не спутаешь, они входят в память. Уверен, что такие вот, к примеру, строки говорят о даровании художника: «целебная плазма солнца», «звереет время», «озеро проткнули камыши», «соловьятся на устах слова», «юный смех каникул». Личное клеймо стоит и на этом упругом четырехстрочии:

Хочу исправить старые стихи.
Хочу! Мои стихи. Я волен. Вправе.
В них хмель, неповторимые грехи...
Да разве можно молодость исправить?!

В поэзию Поделков пришел молодым, даже юным. Он пришел вместе с поколением поэтов, чьи имена сегодня на устах у многих. Каждое имя — легенда. Сергей Александрович знал их лично, спорил с ними о путях литературы, поверял ими свое ремесло.

— В конце сентября 1933 года,— рассказывает он,— ЦК ВЛКСМ и издательство «Молодая гвардия» устроили мой творческий вечер. В небольшом зале собралось много народу. Пришли на вечер уже известные литераторы, молодежь, секретари ЦК комсомола. Выступали В. Луговской, И. Уткин, П. Васильев, Д. Кедрин, Д. Алтаузен, А. Гатов, Л. Лавров... Этот вечер мне очень много дал и много значил для дальнейшего творческого развития. Моя поэтическая работа была одобрена и высоко оценена. А через несколько дней я получил от издательства «Молодая гвардия» предложение издать мои стихи. Первый мой сборник «Стихи о войне, о славе, о любви» вышел в 1934 году.

Я держу эту книжицу в руках и вижу, что печать времени лежит на всем, что сотворило ее. Даже на малюсенькой аннотации: «Стихи С. Поделкова — первая книжка молодого рабочего поэта, трактует главным образом проблему подготовки здоровой смены кадрам революции, ее физический и моральный рост».

Слово «революция» определило долгосрочную программу работы. В стихах С. Поделков старается отразить время — строгое, суровое, справедливое. А в чем-то в иные годы по отношению к поэту и повернувшееся спиной.

О связи с эпохой хорошо сказано в известной поэме С. Поделкова «Власть сердца»: «И мне сладко и беспокойно оттого, что живу, и дышу, и слышу — как друг другу откликаются люди».

Первое житейское учительство, изначальные наблюдения будущий поэт получил в доме деда Михаила Евлампиевича, знавшего множество сказок, присловий, небылиц. Вместе с отцом, рабочим, принимавшим участие в революционном движении, он познавал Россию — Москву, Калужье, дальние российские просторы, Алтай.

Многие писали о Сергее Поделкове, чья «муза... жизнелюбива и патетична... Она наделена острым зрением и зычным голосом, привыкшим к луговым просторам» (Лев Озеров). Наиболее, пожалуй, возвышенно сказал о стихах своего друга Дмитрий Ковалев: «Обаяние, называемое поэзией».

Ф. ПОКРОВСКИЙ

ИЗ ЦИКЛА «СЛЕДЫ ПАМЯТИ»

В саду
над нами месяц плыл,
скиталец,
мы до зари с подругой
целовались...
Где — что...
Полынь.
Горит чертополох.

—V—

Руки матери —
хлеба исток.
Плотен
поля ржаного
уток,
клин
в сиянии
спелого блеска.
Мне все мнится:
вблизи перелеска
материнский
белеет платок.

—VI—

Страда.
Колосьев шум.
Колюча ость.
Серпом срезаю рожь —
за горстью горсть,
сноп под коленом
стянут перевяслом.
Снопы мои стоят
в крестце согласном...
Кто скажет мне,
что нá поле я гость?

—VII—

Кошу овес.
Играет настроенье...
Кошу,
кладу султаны в ряд
крюком.
Кисель овсяный детства —
с молоком,
а с маслом конопляным —
объеденье...
А конь хрустит —
о, силы накопленье!
Благословляю
день труда
стихом.

—VIII—

Упрек: вновь кони?
Пахнет стариной.
Отстал от трактора.
Вина виной,—
а мне
так сладко повторять при этом:
мысль мудреца
и песнь поэта
в одной упряжке коренной.

НЕВЕСТА

Она хохочет.
И в прищуре зной.
И ветвь черемухи. И тень дыханья.
О! Этот голос радостно-грудной
подобен утреннему воркованью.
Она хохочет.
А за ней — откос,
утыкан пруд кугой, цветеньем былок;
как нимб, славянский лен ее волос,
рука, закинутая на затылок.
Мил залучающий издревле жест,
и платья тихий и горячий шелест...
И бабушкин утайкой перекрест:
«Как заневестилась на счастье, прелесть!»
Так молодо отсвечивает брошь...
Искрящийся во весь простенок снимок!
Мой дух и сердце исколола дрожь,
взгляд занемел, потух и горько вымок.
В сознании оторопевшем —
грай
вороний, взрывы, сторона лесная,
бушует скрытно партизанский край,
возмездье ломит!
А она — связная.
Враг жжет. И вьется красная печаль.
Нахмуренные от беды деревни.
Таится кашемировая шаль
на зверьих тропках средь глухих деревьев...
К ней в прошлое вовек не попаду.
Она, она, и нет ее милее,
эсэсовцем в сорок втором году
застреленная в мартовской аллее...

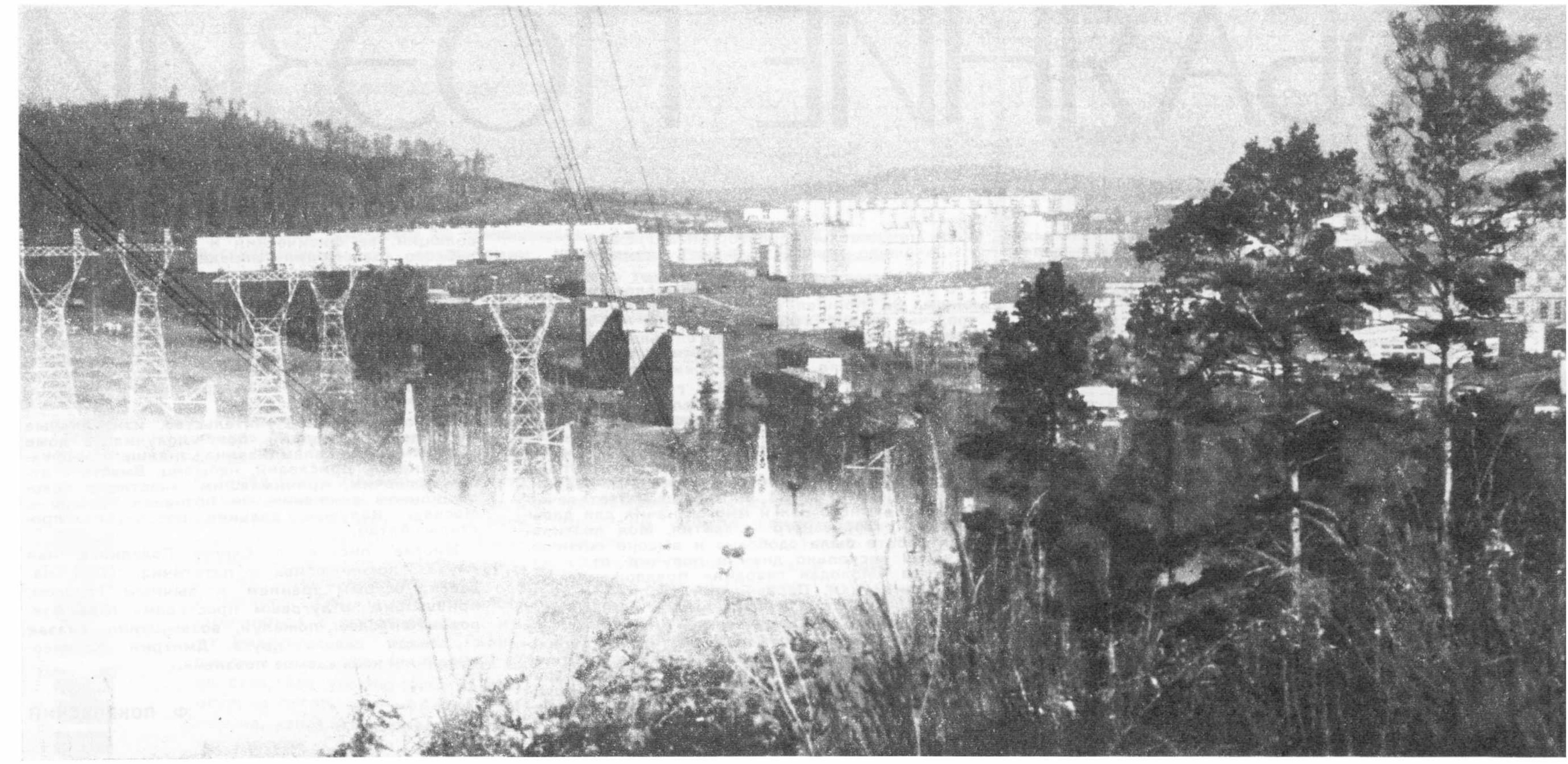
УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Умирает поздняя звезда,
холодок рассвета, синь густа,
мощная широкая заря.
Лес в пару, в просветах янтаря,
перезваниваются ручьи.
Жилы солнца — взбухшие лучи —
пронизали дрёмные верхи,
расползлися голубые мхи.
Дятел сел на черный осокорь,
из-под кожи вышибает хворь.
Весел крапчатый болиголов,
яд в соцветьях зонтичных узлов,
как отрава ласково цветет!
Длится, длится тяжело восход
в небо огненного колеса...
Суматошны птичьи голоса,
распеваются на все лады;
меж стволов звериные следы,
и вращаются глаза совы
в тесноте осиновой листвы.

Занимайся, занимайся, день!
На опушку выскочил олень,
удивленно замерли рога...
Степь раскинулась. Луга. Стога.
Видит он, пришлец, коней табун.
Поднял голову на взгляд — стригун,
милый, рыжий, баловник, пострел,
на рога туманно посмотрел
и опять принялся за траву.
Сколько же диковин наяву!
Над селом, как рать, дымы встают,
на бугре ветряк,
в ложбине пруд,
затканный цветами, ряской, тут
с кряквами лягушки спор ведут,
тут камыш упруг и рогоза,
плавают лебяжьи чудеса.
А в пырее суслики свистят,
сверху крылья хищно шелестят...
Здравствуй, мир, я дух твой, в яр-крови
ходят свет и сумерки любви.

* * *

В этом мире и поля, и пущи,
дух огня,
хула
и фимиам,
меньше сеющих
и больше жнущих,
предпочтенье —
сеющим!—
отдам.
Я и сам сыздетства шел за плугом,
песни пел
и сеял семена,
так, что в поле
голова шла кругом
и шумела, будто от вина.

Утро Усть-Илимска.

«МНЕ СНЯТСЯ МОЛОДЫЕ Г

Мария АНГАРСКАЯ,
почетный строитель
Усть-Илимской ГЭС

ВЕТРЫ УСТЬ-ИЛИМА

Усть-Илим обладает особым притяжением. Его ветры все поют над Москвой и, врываясь в мое окно, настойчиво зовут в дорогу. Заканчиваю неотложные дела и снова мчусь в дорогой мне город.

Усть-Илим! Вслушайтесь в это слово, сколько в нем поэзии. Это отметил еще Николай Семенович Тихонов, когда я увлеченно рассказывала ему о зарождающемся сибирском городе.

С автографами, с лучшими пожеланиями посылал свои книги Николай Тихонов устьилимцам. И незадолго до смерти передал через меня свое стихотворение: «Мне снятся молодые города». Эти стихи классика советской поэзии были напечатаны в «Усть-Илимской правде».

Усть-Илимск для очень многих приехавших сюда стал не только местом жительства, но и судьбой! Помог выковать стойкий, щедрый характер, сдать экзамен на мужество и упорство.

С устьилимцами меня связывает давняя дружба. Вспоминаю свою первую поездку туда в 1965 году. Дороги тогда еще не было. Самолеты малой авиации курсировали нерегулярно. Выручила баржа, которая сквозь непроходимые пороги тащила из Братска оборудование и механизмы.

То была моя первая командировка на Ангару. А слышала о ней с раннего детства. Мой отец, революционер, отбывал в начале века царскую ссылку неподалеку от нынешнего Усть-Илимска.

Конечно, я не предполагала, что через десятилетия профессия журналиста приведет меня на Усть-Илим. А партийный псевдоним отца, который он взял в честь могучей сибирской реки, стал моей фамилией. Так я породнилась с Ангарой...

В 1965 году основным жильем там были палатки. Еще не было школы, больницы, библиотеки, да и просто хороших книг в тех местах не хватало. Повинуясь движению души, я пообещала строителям создать на Усть-Илиме библиотеку. Но вот опыта у меня не было, и, вернувшись в Москву, я решила посоветоваться с ветераном партии Е. Д. Стасовой.

Послушав мой рассказ о стройке на Ангаре, Елена Дмитриевна воскликнула:

— Как бы я хотела побывать там, познакомиться с этими молодыми людьми, о которых ты говоришь.— Она тут же достала из книжного шкафа свои воспоминания о Ленине и надписала: «Дорогим мужественным устьилимцам, продолжателям коммунистических и комсомольских традиций, с пожеланием больших успехов, с верой, что все задуманное вами обязательно совершится. С коммунистическим приветом, член партии с 1898 года Елена Стасова».

Прощаясь со мной, Елена Дмитриевна сказала:

— Уверена, что писатели откликнутся на твой призыв и помогут создать библиотеку.

И действительно, за недолгое время мне удалось собрать книги Михаила Шолохова, Константина Федина, Александра Твардовского, Николая Тихонова, Ильи Эренбурга, Сергея Михалкова, Льва Кассиля, Агнии Барто, Михаила Дудина, Евгения Евтушенко и многих, многих других. Константин Федин передал свои произведения с такой надписью: «Дорогие устьилимцы, о вашем героическом труде будут написаны новые повести, романы, стихи, очерки...» А Евгений Евтушенко обратился с пожеланием: «Дорогие устьилимцы, никогда не будьте грустьилимцами».

Недавно усть-илимская центральная городская библиотека имени моего отца Н. С. Клестова-Ангарского, профессионального революционера, известного издателя, редактора, критика, уже отметила свой первый, десятилетний юбилей. Сюда теперь каждый день приходит множество людей самых разных профессий. В библиотеке хранятся издания с дарственными надписями писателей, и таких книг становится все больше. Фонд библиотеки уже составляет 150 тысяч томов, а должен достигнуть полумиллиона. Но, к сожалению, хорошим помещением библиотека не располагает и вынуждена тесниться на первом этаже жилого дома. К строительству запроектированного для нее трехэтажного здания до сих пор не приступили, хотя все сроки давно прошли. Как же это мешает и читателям и библиотекарям, как плохо сказывается на сохранности книг, ведь хранилище забито до отказа!

Может быть, исполком горсовета все-таки изыщет возможность ускорить строительство здания для центральной городской библиотеки с такими славными традициями? Хорошо бы!

НЕРАЗДЕЛИМО С ПРИРОДОЙ

...Семь лет прошло с моей последней поездки на Усть-Илим, тогда я рассказывала о пуске трех первых агрегатов ГЭС. Теперь работают уже все шестнадцать, давая ежегодно 20 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Усть-илимские друзья писали мне о красавице ГЭС, но то, что я увидела, превзошло все мои ожидания. Гидростанция столь органично вписалась в здешнюю природу, что стала просто неразделима с нею.

У пульта управления всего два человека. Они внимательно следят за работой агрегатов и за самочувствием реки. Невольно вспоминаю разные этапы строительства ГЭС — мне ведь довелось их наблюдать. Перед глазами встают красивейшие островки «Лосята». Теперь они канули на дно Усть-Илимского моря, а в свое время сослужили большую помощь строителям в создании дамбы-перемычки. Вспоминаю, как погружался кубометр бетона, на котором была выведена красная цифра — миллион! А за ним вдогонку строители бросали на счастье монеты.

Электрический ток, который вырабатывает трудолюбивая Ангара, бежит по проводам ЛЭП-220 и ЛЭП-500 к заводам, к строительным площадкам, к БАМу и к лесопромышленному комплексу, что находится в пятнадцати километрах от Усть-Илимской ГЭС.

Семь лет назад ночью на КрАЗе, который вел мой друг, один из лучших водителей, Иван Мясникович, я ехала сквозь тайгу на территорию, где предстояло возвести тот самый комплекс. Яркие, крупные звезды освещали огромную

Фото В. Белых

ОРОДА»

строительную площадку. Непрерывным потоком мчались КрАЗы, МАЗы, вездеходы, ритмично поводили шеями мощные экскаваторы. А руководила всем этим диспетчер Валя. В полушубке, валенках, закутанная в платок, выбегала она из своей избушки. Живая, энергичная, маленького росточка, она была похожа на Дюймовочку. По ее команде останавливались тяжелые самосвалы, подбегая к ним, Валя давала указания водителям: где отсыпать землю, а где, наоборот, забрать лишнюю возле котлована. Любую промашку водителей или беспричинную остановку диспетчер Валя не прощала. А когда все было в порядке, лицо девушки освещалось улыбкой.

...И вот теперь я иду по длинным, автоматизированным цехам лесопромышленного комплекса. Его варочный котел, высотой в 35-этажный дом, перерваривает в день около десятка железнодорожных составов древесины. Провожал меня по цехам старший инженер целлюлозного завода Анатолий Петрович Храмушев, который приехал сюда из Красноярска, где тоже осваивал целлюлозный завод.

Воздвигать гигантский комплекс помогала молодежь стран СЭВ. Теперь эти страны получают отличную беленую целлюлозу. Анатолий Петрович показал мне вырезку из местной газеты. Автор заметки — командир венгерского интеротряда имени Б. Куна, инженер-строитель Иштван Ханец. Вот что он пишет: «Именно в городе на Ангаре вырисовываются контуры новой модели отношений стран социалистической интеграции. И всем, работавшим на Усть-Илиме, несказанно повезло. Мы ведь форпост будущего. Пройдут годы, это движение станет повсеместным, но навсегда останется город на Ангаре колыбелью новой модели нашего содружества».

В декабре 1981 года я присутствовала при пуске второй очереди целлюлозного завода. Теперь выработка ценнейшей продукции значительно возрастет.

По подсчетам специалистов, из усть-илимской целлюлозы промышленность стран СЭВ сможет изготавливать столько же изделий, сколько получилось бы из шерсти, настриженной с семидесяти пяти миллионов овец! А кроме целлюлозы, комплекс будет ежегодно поставлять большое количество пиломатериалов, древесностружечной плиты, древесный спирт, фурфурол, кормовые дрожжи, канифоль, скипидар...

Целлюлозная промышленность требует очень чистую воду. И красавица Ангара отвечает этим требованиям. Тридцать тысяч кубометров воды потребляет в час ЛПК. Половина ее, пройдя очистные сооружения, возвращается в производство. Остальная после очистки сбрасывается в Ангару. Меня очень интересовало, как реагирует река на заводские сточные воды, и я прямо с завода отправилась на очистные сооружения. Это мощная установка с различными стадиями очистки.

Будучи сама по профессии химиком, придирчиво расспрашивала я о самочувствии великой реки начальника производства по водоснабжению и очистным сточным водам Геннадия Аркадьевича Ворончихина. А он опытнейший специалист: принимал участие в создании очистных сооружений в Байкальске, Амурске и теперь вот зорко следит за чистотой Ангары. Подробно просматриваю все цифры, характеризующие очистку сточных вод, и убеждаюсь, что Ангаре пока опасность не грозит. А вот с тайгой у комплекса, к сожалению, не столь благоприятные отношения.

Полностью войдя в эксплуатацию, Усть-Илимский ЛПК потребует 6,5 миллиона кубометров леса в год. Такую потребность вполне можно удовлетворять многие десятилетия без ущерба для тайги. Но лишь в том случае, если лес будет постоянно восстанавливаться, как естественным приростом, так и искусственным, то есть непрерывной посадкой. Однако это обязательное условие не соблюдается. Новая техника, пришедшая на смену привычной пиле «Дружба» и тракторам ТДТ-14, далеко не совершенна, она валит не только те деревья, которые подлежат рубке, но и естественный прирост.

В беседе с директором Илимского лесхоза Никифом Муртазовичем Муртазиным выясняю, что проблема рубки и посадки леса вызывает тревогу и ждет срочного решения авторитетной, научной комиссии специалистов. Как известно, природа Сибири очень ранима. Свои богатства она наращивает веками, трудно. Порядок пользования природой здесь должен быть особо строгим.

Для Усть-Илимского лесопромышленного комплекса требуется главным образом хвойная древесина. Резервы ее есть, и немалые. По самым скромным подсчетам, количество хвойного сырья можно увеличить на двадцать процентов, не срубив при этом ни одного дерева. Дело в том, что уже сваленный, круглый лес пролеживает на складах лесосек годами, не вывозится из-за отсутствия дорог, а в результате гниет.

Когда пускали Усть-Илимский ЛПК, было оговорено, что дерево станет перерабатываться полностью — от верхушки до пня. Но вот уже пущена вторая очередь целлюлозного завода, а на лесосеках по-прежнему остаются не только пни, но и огромные сучья, обрезы верхушек. А ведь они не просто мешают естественному восстановлению леса, они еще и пожары могут вызвать. Не случайно приходилось слышать здесь такую фразу: «Что не сгниет, то сгорит»!

Лес одаривает человека бесценными дарами. Доказано, что один только его гектар улавливает 70 кубометров пыли! Ни с чем не сравнимую радость обретает человек, войдя в лес. Но щедро отдавая все свои сокровища, он требует к себе пристального внимания. Этого нельзя забывать, ибо безответственное отношение к общему достоянию может обернуться непоправимой бедой.

БЫСТРЕЕ, ЛУЧШЕ!

...Лесопромышленный комплекс не только крупнейшее промышленное предприятие, он к тому же и застройщик Усть-Илимска, расположенного на правом берегу Ангары.

Семь лет назад к его строительству только приступали. Теперь же тут целые районы многоэтажных домов с удобной, просторной планировкой квартир, с хорошо оборудованными дворами детских садов, яслей. Радуют ребятишек оригинальные песочницы, грибки, качели, разноцветные навесы, а в некоторых детских садах есть бассейны.

С директором управления капитального строительства города Михаилом Платоновичем Сентюровым сидим в его кабинете на улице Мечтателей и мечтаем о том, каким станет город через несколько лет, когда отстроится полностью. В общем, по лучшим стандартам: учебные и спортивные комплексы, удобная, красивая гостиница с ресторанами, барами, кафе, пансионатом. Большой парк спустится к гранитной набережной...

А пока у строителей множество проблем. И больших, так сказать, глобальных, и тех, которые можно решить в рабочем порядке. Так, например, улучшить окраску балконных экранов. Сентюров и представитель одного из ленинградских НИИ Н. Н. Батричев жалуются на ограниченную гамму красителей, которыми их снабжает Братскгэсстрой. А может, просто надо проявить энергию и самим связаться с заводами, поставляющими красители? Поможет делу и такая новинка: панели и детали домов, уже поступающие с завода на строительную площадку в готовом виде, отделанные цветной фактурой.

Мы ездим с заместителем председателя горисполкома Леонидом Алексеевичем Захаровым по улицам нового города. Выглядят они однообразно, напоминая огромный улей с пчелиными сотами и, честно говоря, не радуют глаз. Почему бы не внести хоть некоторое разнообразие, варьируя высоту домов, используя рельеф местности? А к тому же есть ведь разные типовые серии, проектные организации разработали уже 16 видов типовых проектов. Но Братский железобетонный завод пока освоил всего лишь два вида улучшенной серии. Отсюда и скучная монотонность нового города.

Естественно, освоение Сибири, развитие территориальных промышленных комплексов требуют и индустриальных методов градостроения по типовым проектам. Таково веление времени. Но нельзя же забывать и о таких важных моментах: где именно строится город, как он впишется в природу, кто его будет обживать.

...Каждый день, возвращаясь в гостиницу, я проходила мимо многоэтажных домов и на одном из них приметила полоску розовой плитки, вделанную в панель. Элементарная вроде бы отделка, но она сразу придала дому нарядный вид и выделила его на фоне серых, угрюмых соседей. Наверно, если очень постараться, то можно бы отделать подобными плитками и другие дома. Годятся для отделки и мозаика, ракушечник... Шире могут и должны быть использованы малые архитектурные формы. Город на Ангаре должен быть под стать красавице ГЭС.

Но... «Не хватает жилья, надо быстрей строить»,— эту фразу я слышала от всех усть-илимских строителей. Абсолютно верно! Только это не оправдание серости, безликости. Город построить — не платье сшить.

Испокон веков народные умельцы создавали оригинальные национальные орнаменты, различные архитектурные детали, вроде кружевных наличников, украшавших старинные жилища. Почему бы не вспомнить об этом усть-илимцам? Пригласить архитекторов, специалистов монументальной живописи, художников. Тем более, что небольшой положительный опыт уже есть. Приехали в Усть-Илимск молодой художник из Таллина Валерий Лауэр и его жена Маргарита, выпускница ленинградского Мухинского училища.

Уже создали удачный герб города. Но это, конечно, только первые шаги. Необходимо поощрять подобные поиски, причем безотлагательно. Город-то ведь строится, потом изменить его будет трудно! Очень было бы полезно, чтоб художественные институты направляли своих выпускников на важнейшие стройки нашей страны.

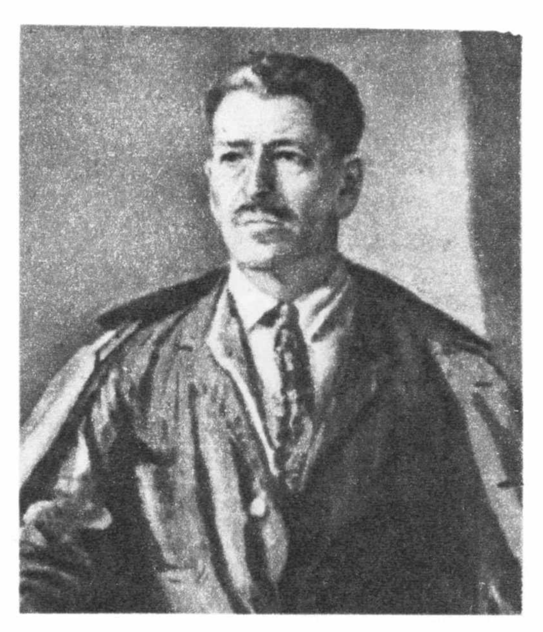
Немалую помощь может оказать ЦК ВЛКСМ, пополняя свои отряды не только строителями, но и архитекторами, художниками различных профилей, народными умельцами.

Наконец, еще одно. Сейчас все силы строителей Усть-Илимска сосредоточены в новом городе на правом берегу Ангары. А часть левобережная считается уже старой, хотя ей нет и десяти лет. И она далеко еще не достроена, однако находится в положении пасынка. Дело в том, что проектировали и воздвигали левобережный Усть-Илимск гидростроители. Мощнейшую ГЭС Братскгэсстрой воздвиг, а вот свои обязательства перед городом не выполнил. Министерство энергетики и электрификации СССР не раз давало обещания выделить деньги для окончания строительства на левом берегу. Но, увы, до сих пор оно законсервировано. А ведь здесь начало города, въезд в него, спуск к Усть-Илимскому морю, к его причалу. Тут центральная площадь, где происходят торжественные собрания, общегородские праздники. Оформление же этой площади далеко не завершено...

Представители различных строительных организаций и, конечно, председатель горисполкома Юрий Федорович Федотов убеждены в том, что Усть-Илимск со временем будет красивейшим городом Сибири. Но чтобы это убеждение стало реальностью, придется приложить большие старания.

Марат САМСОНОВ,
народный художник РСФСР,
член-корреспондент Академии художеств СССР, руководитель Студии военных художников имени М. Б. Грекова

МИТРОФАН ГРЕКОВ

М. Греков. АВТОПОРТРЕТ (фрагмент).

Выдающийся советский художник Митрофан Борисович Греков свой яркий и самобытный талант, сознательную творческую жизнь вдохновенно и с полной отдачей сил посвятил Красной Армии, ее бойцам, отстаивавшим завоевания революции. Понимание исторического значения великого Октября как поворотного события эпохи, умение рассказать о простых людях, самоотверженно сражавшихся за первое в мире государство рабочих и крестьян, причем рассказать языком высокохудожественным и понятным миллионам зрителей, по праву сделали художника основоположником советского батального искусства. Он создал достоверные и сильные по выразительности картины, отобразившие героическую борьбу революционного народа и первой в мире армии, рожденной народом и защищавшей его.

М. Б. Греков родился 3 июня 1882 года в донской станице Шарпаевка. Его детскими впечатлениями были бескрайние степи, быстрые кони, знойное южное солнце и гордые, мужественные люди. Все это питало воображение, развивало склонную к творчеству натуру. Свое художественное образование он начал в Одесском художественном училище, когда ему было семнадцать лет. Занимался настойчиво и успешно, получив по окончании рекомендацию в Академию художеств. Там он также много и упорно учился — сначала у И. Е. Репина, а после — у замечательного баталиста Ф. А. Рубо, создателя широко известных панорам «Бородинская битва» и «Оборона Севастополя».

Начинающий художник был одним из лучших учеников, однако ни медали, ни премиальной поездки в Италию ему не дали, потому что его дипломная работа «Волы», написанная по воспоминаниям жизни в родных местах, не понравилась официальному руководству Академии художеств: тогда там не поощрялись темы, взятые из реальной народной действительности. В 1911 году он был призван на военную службу, которую отбывал сначала в Донском казачьем полку, а с начала первой мировой войны — на германском фронте, где получил тяжелое ранение. В трудных условиях окопной жизни беспрерывно рисовал, запечатлев в многочисленных зарисовках, этюдах, эскизах горькую правду войны. Уволенный по состоянию здоровья, он вернулся в 1916 году в родные места, поселился в городе Новочеркассе, начал работать учителем рисования.

Когда революционная буря пришла на Дон, перед М. Грековым не стояло вопроса, на чьей стороне быть. 9 января 1920 года в Новочеркасск вошли части Красной Армии. Художник вступил в ее ряды, навсегда связав с ней свою жизнь и свое искусство. Позже он написал в автобиографии: «...Самое главное, что сулило будущее,— это то, что в Красной Армии интересовались искусством. На него смотрели серьезно. Под этим бодрящим сознанием я начинаю писать по живым, непосредственным впечатлениям сегодняшнего дня...» Его первым крупным живописным произведением была картина «Вступление полка имени Володарского в Новочеркасск», над которой он начал работать на следующий день после волнующей встречи с красноармейскими бойцами. Основной ее смысл — народный характер Красной Армии. Картина была важным рубежом: она показала, что М. Греков находится в передовом, боевом отряде советских художников.

Потом он скажет: «Несколько месяцев я находился в полосе фронта, в непосредственной близости к боям. Это дало мне возможность наблюдать боевые движения войск, познакомиться с характерными особенностями гражданской войны и красных частей. Их внутреннее идейное содержание рисовало в особом романтическом свете наблюдаемые мною мотивы и эпизоды, которые потом стали темами моих картин». Хотелось бы в этом высказывании замечательного художника обратить внимание на два момента, бывшие для него творческими принципами и ставшие художественными заветами для последующих поколений живописцев, работавших и работающих в батальном жанре: верность правде жизни в сочетании с оптимистическим мироощущением и романтической приподнятостью. Он стремился запечатлеть на своих полотнах боевые походы Красной Армии, ее бойцов, их судьбы. Одна из таких глубоко психологических работ — «В отряд к Буденному». Через образ бойца, прошедшего, как видно, долгий и тяжелый путь, художник показал жизненную дорогу многих, ставших сознательными, активными воинами. И еще одним замечательна эта картина — вниманием к человеку. Восприняв эту традицию русского искусства, М. Греков бережно нес, развивал ее. Что бы он ни писал, какие бы многофигурные композиции ни создавал, он стремился передать не только общую, значительную мысль, но и конкретные образы.

Вспомним в связи с этим его небольшую, но объемную по мысли картину «Красное знамя в Сальских степях». На ней мы видим, как после короткого ночного привала строятся у знамени бойцы, собираясь снова в поход. И как олицетворение юности революции в центре картины — молодой боец, орленок гражданской войны. Он готов скакать на своем коне дальше, весь устремлен вперед, в будущее. Это увиденный в жизни факт, поднятый могучей силой таланта до философского обобщения.

Выбирая для своих полотен темы армейской, военной жизни, художник создавал ясные и в то же время волнующие образы. Независимо от того, писал ли он масштабные, эпические произведения, например «Кавалерийскую атаку» (с ее мощным напором конницы, неудержимостью бойцов, выраженными и в стремительности композиции, и в горении красок), или более камерные, но наполненные не менее острым действием, напряженным драматизмом, как «Ночная разведка».

Всю свою душу, энергию, все помыслы отдавал Митрофан Борисович горячо любимой им Красной Армии, и она отвечала ему благодарностью, вниманием, оказывая всяческую помощь. Лично большое внимание уделяли ему К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. К 1928 году Греков написал уже сто картин о Красной Армии. Да каких! Многие из них экспонировались на художественных выставках, имели успех, получили признание зрителей. «Не могу оставаться равнодушным к темам Красной Армии,— говорил художник,— а тем — родник неиссякаемый». И он творил много и вдохновенно, создавая одно произведение за другим. Теперь они находятся в крупнейших музеях нашей страны: Государственной Третьяковской галерее, Русском музее, Центральном музее Вооруженных Сил СССР и других.

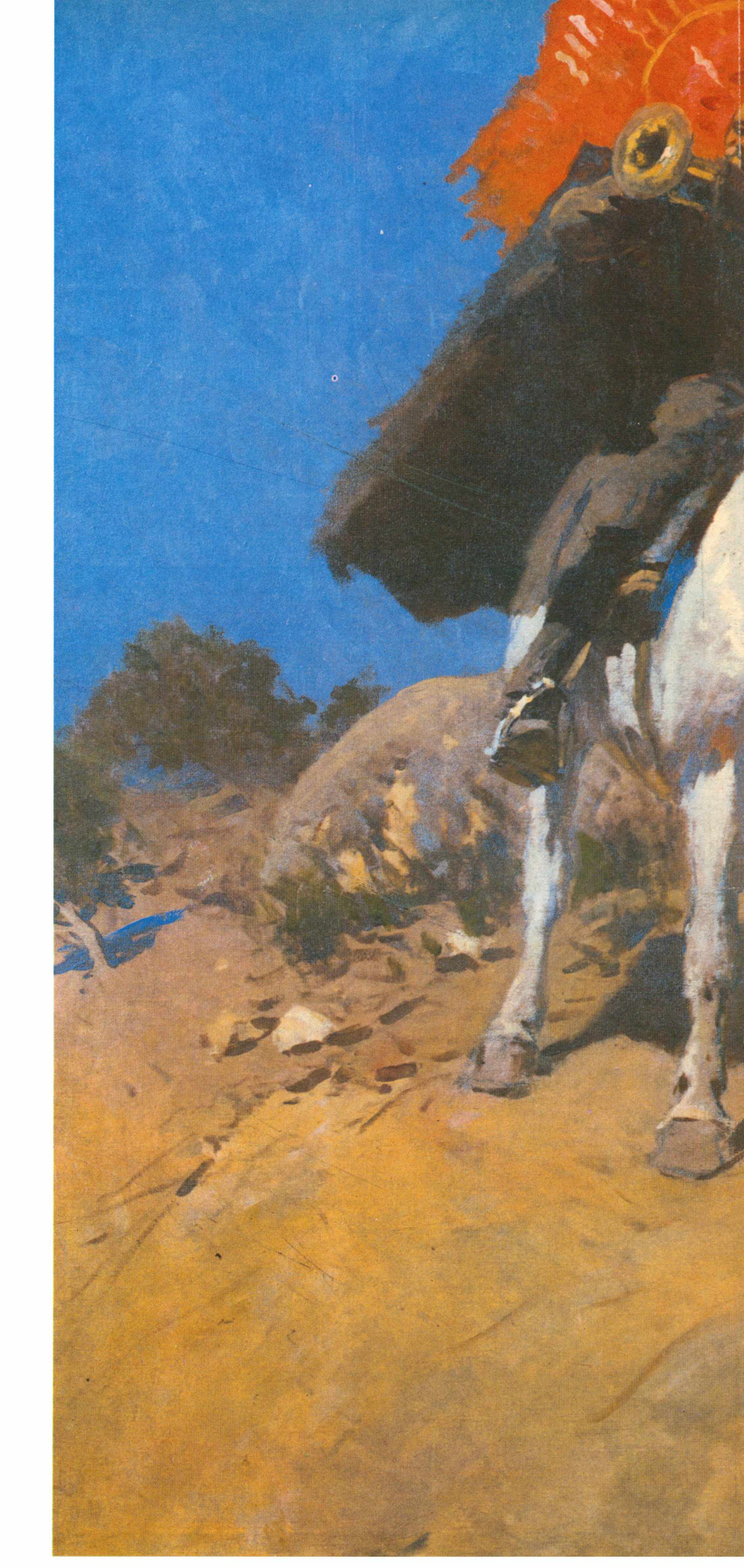
Символичным образом многих его работ стала тачанка: в ее летящей устремленности видится победный образ революции. Один из этих шедевров так и называется «Тачанка». Насыщенное поэтическими ритмами полотно вошло в жизнь нашего народа как любимая песня, потому что отразило чувства людей, их отношение к революции, к Красной Армии. Написано оно в теплом, золотистом колорите, будто пропитано солнцем. На холсте распаленная степь, грозовое небо, бег коней, клубы взбитой копытами пыли, напряженные позы бойцов и — как знак революции — алая ленточка в уздечке коня. М. Грекову удалось с удивительной силой выразить в этом произведении победное шествие революции.

Большая дружба связывала художника с Первой Конной армией. Он любил первоконников особой, задушевной любовью, посвятил им большой цикл картин, запечатлев подлинные события, образы солдат и командиров. Он стал настоящим певцом этой легендарной армии. Когда в 1934 году в Москве открылась выставка «15 лет Первой Конной армии», то из 45 представленных на ней работ 39 принадлежали М. Б. Грекову. Среди них — «Трубачи Первой Конной». История написания этого произведения, которое создавалось почти восемь лет, показательна для художнического метода живописца. Работал он тщательно: продумывал, вынашивал замысел и живописную форму своих полотен, вкладывая в них личные впечатления и размышления. Сделав первые зарисовки «Трубачей» летом 1927 года, он не раз возвращался к этой идее, писал новые и новые этюды, и только в 1934-м родилась сама картина. Трубачи на ней — не те, молодые, веселые ребята, которых он запечатлел в первом этюде. Они более пожилые, немного усталые: ведь позади тысячи пройденных с боями верст. Художник-реалист верно передал их облик, выразил настроение того времени — победное, ликующее, которым насыщен колорит, общий строй картины. В образе командира в белой папахе запечатлен друг живописца Сашко — смелый боец, запевала и гармонист, погибший в одной из атак.

Первая советская диорама, созданная Грековым, также связана с Первой Конной, она посвящена освобождению города Ростова — первоконники одним броском выбили оттуда белогвардейщину. Диорама была показана в Москве, Ростове и имела огромный успех. Дорогими для живописца стали наградные часы, преподнесенные ему командованием Первой Конной. На них надпись: «Художнику —

М. Греков. 1882—1934. КОНАРМЕЙСКАЯ ТАЧАНКА. Фрагмент. 1933.

М. Греков.
ЗНАМЕНЩИК
И ТРУБАЧ.
Фрагмент. 1934.

М. Греков. В ОТРЯД К БУДЕННОМУ. 1923.

мастеру батального слова Митрофану Борисовичу Грекову. 1-я Конная армия».

Он страстно пропагандировал диорамно-панорамное искусство, видел его большие идейно-художественные возможности, призывал к созданию произведений этого монументального жанра. Да и сам задумал выполнить такого рода работу — «Перекоп». Подводило здоровье. Перенеся тяжелую операцию, художник-воин не сдавался: организовал поездку группы художников в Крым для сбора материала к панораме. Поехал и сам, но не выдержало сердце.

Творческие устремления, принципы, замыслы Митрофана Борисовича Грекова дали богатые всходы, оказав огромное влияние на наше изобразительное искусство в целом и особенно на развитие военно-патриотической темы. Немаловажную роль сыграла тут Студия военных художников, которая носит имя замечательного мастера. Она была создана сразу же после смерти художника в 1934 году по приказу наркома обороны, с целью продолжения традиций, заложенных в советском батальном искусстве выдающимся живописцем, для дальнейшего развития начатого им дела патриотического воспитания. Организованная сначала как изомастерская самодеятельного красноармейского искусства, она быстро стала высокопрофессиональным творческим объединением. В ее художественный совет входили известные мастера: П. Соколов-Скаля, В. Бакшеев, М. Авилов, Г. Савицкий, В. Яковлев и другие. Сам факт рождения изомастерской, переросшей в Студию, отражал взгляды и дела М. Грекова как гражданина, человека, художника. В свое время он вел кружок рисования детдомовских детей, учил рисовать курсантов на Кавалерийских курсах. Охотно, не жалея сил и времени, помогал всем желающим познать изобразительное искусство. С самых первых шагов Студия, следуя заветам М. Грекова, поставила задачу воспеть, возвеличить подвиги наших воинов и на их примере проводить политико-воспитательную работу в армии и на флоте.

С начала Великой Отечественной войны коллектив, ставший в эти годы профессиональным, занял свое место в боевом строю. Его участники выезжали на фронты и делили ратный труд с солдатами. И хотя их оружием было искусство, подчас приходилось менять карандаш на автомат и идти в атаку. Художники работали во фронтовых многотиражках, выпускали плакаты в походной обстановке, часто на передовых делали зарисовки, писали этюды. Через десять месяцев после начала войны состоялась первая выставка работ грековцев, которые продолжали колесить по бесчисленным фронтовым дорогам, создавая летопись великой битвы за свободу Родины. В мае 1945 года у поверженного рейхстага встретились художники с разных фронтов, с честью прошедшие свой боевой путь и внесшие немалый вклад в победу над фашизмом. Грековцами были такие замечательные мастера, как Е. Вучетич, П. Кривоногов, В. Богаткин, Г. Прокопинский и Н. Жуков, более тридцати лет являвшийся бессменным художественным руководителем Студии. Изобразительный материал военных лет стал историей, живой, действенной, и сегодня находящей чуткий отзыв в народной памяти.

Началась мирная жизнь, но военные художники продолжали работу. В их ряды вливалась, мужала, набирала опыт талантливая молодежь. В настоящее время в Студии трудится более тридцати живописцев, графиков, скульпторов, которые в своих произведениях отражают жизнь современных Советских Вооруженных Сил, бдительно охраняющих мир.

Тема интернациональной дружбы, братской взаимопомощи стран социализма и поддержки народов, борющихся за свободу и независимость, стала новой, весьма актуальной, находящей яркое и оперативное отображение в произведениях. Художники не только постоянно бывают в частях и подразделениях, на боевых учениях родной армии, но и выезжают в армии братских социалистических стран, а также государства, которым наша страна оказывает бескорыстную помощь в строительстве свободной жизни. По-прежнему творческое внимание студийцев привлекают гражданская и Великая Отечественная войны, события русской военной истории. Показ воина — защитника и освободителя, раскрытие античеловечной сущности войны, борьба за мир во всем мире — эти высокогуманные и острые проблемы постоянно в поле зрения наших художников.

Мирная жизнь армии, свидетельствуют произведения грековцев, дает яркие примеры героизма, который проявляется в упорстве при решении учебно-боевых задач, в освоении новой, современной техники, в трудовых буднях воинов, например, при сооружении Байкало-Амурской магистрали. Здесь и репортажи — графические и живописные — с мест учений, и портрет, позволяющий раскрыть психологию нашего современника, его морально-нравственные качества.

И еще одну мечту М. Б. Грекова осуществили его последователи: монументальную пропаганду через произведения диорамно-панорамного искусства. Теперь практика этого впечатляющего, своеобразного вида искусства, осуществляемая в основном грековцами, утвердила его огромную популярность и притягательную силу. Диорама и панорама стали одним из ведущих жанров творчества студийцев: создано уже свыше сорока диорам, получивших признание народа. Среди них «Переход Суворова через Альпы» А. Интезарова, П. Мальцева, Ф. Усыпенко, «Штурм Сапун-горы» П. Мальцева, Г. Марченко, Н. Присекина, «Битва за Днепр» Н. Бута, Н. Овечкина, «Установление Советской власти в Вятке» А. Интезарова и Н. Соломина и многие другие. Советскими и болгарскими художниками под руководством Н. Овечкина осуществлена панорама «Плевенская эпопея» в болгарском городе Плевене.

В последние годы коллектив художников Студии трудился над панорамой «Сталинградская битва». На гигантском круговом полотне размером 120 × 16 метров, размещенном в специальном большом и красивом здании, изображен переломный момент грандиозной битвы на Волге. Недавно эта большая работа, повествующая о беззаветном мужестве, об удивительной стойкости, неисчерпаемой духовной мощи советского народа, завершилась. Основное содержание панорамы — подвиг 62-й армии, героически выстоявшей в течение многих месяцев на узкой полосе правого берега Волги, главное наступление и окружение фашистских полчищ частями Донского фронта.

Зрители видят город, пылающий огнем, бурлящую от взрывов Волгу, руины Тракторного завода, динамику боя, подвиги героев, одним словом, все то, что свершилось в январские дни 1943 года. В образной форме это предстает перед зрителем как цветовой конфликт, контраст света и тьмы и подчеркивает состояние сил и характер боя.

Над произведением работала небольшая группа, но это хорошо известные в советском изобразительном искусстве и за рубежом мастера батального жанра: Н. Бут, В. Дмитриевский, П. Жигимонт, П. Мальцев, Г. Марченко, Ф. Усыпенко. Принимал участие и автор этих строк.

Исполнилось сто лет со дня рождения Митрофана Борисовича. Почти полвека назад в приказе наркома обороны СССР было сказано, что Греков по праву занял выдающееся место в советской батальной живописи и что его полотна навсегда останутся ценнейшими живыми документами суровой и великой эпохи классовых битв. Время подтвердило это, подняло его имя на большую высоту.

ТЕАТР ВЧЕРА, ТЕАТР СЕГОДНЯ

Трудно судить по каким-то общим меркам о новой книге критика и театроведа Н. А. Абалкина «Рассказы о театре». Трудно потому, что автор задался целью, безусловно, привлекательной, но в то же время нелегкой: поведать читателю о сущности театра и раскрыть ее доступно и впечатляюще, как одно из удивительных, вечных явлений жизни общества.

Несмотря на эту неохватную, кажется, масштабность проблемы, рассказы, думается, состоялись. Причем именно в избранном автором свободном и вольном жанре. И, пожалуй, благодаря привлекательности жанра, рассчитанного впрямую на широкого читателя, небольшая по объему книга становится доступной и познавательной. Ее аналитическая, а порою критическая суть равно подчинена повествовательной, по видимости простодушной манере общения с читателем. Автор будто бы всего лишь отмечает события, называет имена, констатирует итоги... На самом же деле содержание рассказов о театре глубже.

Первый рассказ начинается упоминанием о древнейшей поэтической колыбели сцены — трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида. Завершается же книга рассказом о «Мистерии-буфф» Маяковского. На такой временной дистанции русской, а затем и советской сцены мы встречаемся со многими людьми театра, определяющими самый процесс становления идейных и творческих принципов сценического искусства.

Театр, говорит нам рассказчик, был нужен человеку всегда — в этом его главный секрет. Но что же в таком случае кроется за этим главным? Откуда возникает самый секрет?

Это главное — п ь е с а.

«Драматургия — душа театра!» — уверенно восклицает автор. И тут звучит отнюдь не внешний пафос, а истина вечной, необходимой человеку жизни театра. Истина нравственного предназначения театра, неподвластная никаким веяниям моды, перешагивающая через эту моду, преодолевающая ее силой неоскудевающей эмоциональной энергии... Но ведь и сама эта энергия опять и опять исходит от художественной и моральной силы произведения, созданного драматургом.

Пьесы огненных лет революции, часто самодеятельные, а наряду с ними классика, впервые раскрывшаяся перед «простыми» людьми, вовсе дотоле лишенными доступа к театру, могучая духовная сила идей Островского, Чехова, Горького вошли в жизнь народа и утвердились на театре благодаря живительным открытиям Станиславского и Немировича-Данченко, которые, в свою очередь, опирались на творческие идеи великих предшественников: Пушкина и Щепкина, Гоголя и Ленского, Стасова и Ермоловой... Автор книги живо показывает, как судьбы драматургии, судьбы пьесы теснейше зависят от театра, от умной, реалистической режиссерской и актерской школы.

Художественное творчество сцены, на которой все и всегда рождается сейчас, рождается заново, требует от театра и полнейшей душевной самоотдачи и строжайшей точности, исполнительности — идейной, организаторской, образной, эстетической.

Вне тонкости и глубины именно образного решения театр вообще немыслим.

«Депоэтизация театра сценической обстановкой,— читаем мы в главе «Рассказ о театральном художнике»,— выдается порою за проявление сугубо современного изобразительного мышления. Но какое это убогое и в художественном и эстетическом отношениях мышление. Оно не выражает ни интересов самого искусства, ни интересов нашей действительности. Это беспочвенное мышление, без всякой опоры в жизни. Запальчивое отрицание художественности декорационного искусства приводит к тому, что мнимые новаторы даже стыдятся называть себя ныне художниками. Они уже, оказывается, не художники, а сценографы. Перестроились на западный манер...»

Резко осуждая «эстетическую моду», автор справедливо замечает, что такие моды до добра не доводят; и вполне справедливы его сетования на многие сегодняшние спектакли, идущие в неряшливом, невзрачном оформлении. Бывает, что зритель еще до начала спектакля видит на модно оголенной сцене убогие «элементы» сценографии: «какую-нибудь обшарпанную скамейку или старенький стул, небрежно опущенный канат или веревочную лестницу, выставленную напоказ осветительную аппаратуру».

Размышляя о пьесе и ее осуществлении, автор опирается на высказывания основоположников советского театра. И не зря упоминает, что если им даже случалось ошибиться в выборе драматургии, они говорили об этом прямо. «В начале нынешнего столетия,— пишет Н. А. Абалкин,— Художественный театр поставил пьесу Леонида Андреева «Жизнь человека», о которой Станиславский позже говорил: «Лучше совсем закрыть театр, чем ставить... Андреева... Вы попробуйте теперь, посмотрите или перечитайте «Жизнь человека», и вы в ужас придете от фальши, придуманности, сплошной гримасы...»

В коротких рассказах анализ многих событий театральной жизни порою по необходимости остается неполным. Тем не менее он убедителен в общем контексте книги, отстаивающей идейные позиции советской сцены.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Н. Абалкин. Рассказы о театре. М., «Молодая гвардия», 1981.

Не приходя в сознание

Виктор ПРОНИН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ПОДЛОГ

Еще до того, как развалилась вторая версия Дядькова, он уже начал готовить третью. Однако, чтобы она имела право на жизнь, нужно было провести некоторые подготовительные меры. Мешала, например, детская коляска Павлика Железнова. На ней, возможно, остались царапины после столкновения. Дядьков выяснил, что коляска находится в больнице, там же хранилась и одежда Павлика. Дядькова интересовали верхние вещи, например, пальтишко, на котором также могли остаться следы соприкосновения с машиной; их тоже надо было изъять из больничных кладовок.

И верный человек отправляется на задание. Это случилось в первые дни после наезда, когда малыш был еще жив. Попробуем представить себе, как все произошло. Обстоятельства дела позволяют сделать вполне обоснованную попытку. Например, близкая приятельница или дальняя родственница, соседка или подчиненная, назовем ее Зинаидой, соглашается выполнить поручение. Городок небольшой, почти все знакомы друг с другом, если не впрямую, то через соседей, приятелей. И Зинаида после нескольких встреч, бесед, чаепитий выяснила: есть в больнице свой человек, допустим, нянечка. Тетя Паша.

— Тетя Паша,— начала Зинаида,— вы можете выручить... И меня... И Борю... Знаете, какая беда с ним случилась... Это такой ужас, такой ужас! — Зинаида помолчала горестно, присматриваясь, как отнесется к разговору тетя Паша. Нянечка отнеслась сочувственно.

— Как не знать,— сказала она,— конечно, знаю. Такой был человек! Всегда веселый, видный, а теперь, смотрю, лица на нем нет.— Тетя Паша, конечно, поняла, к кому требуется сочувствие. Поэтому и заговорила не о мальчике, умирающем на втором этаже, а о Дядькове, который, по некоторым наблюдениям, несколько спал с лица.

— Выручайте, тетя Паша! — после нескольких незначащих фраз воскликнула Зинаида.— Только вы можете спасти Борю... Уж он в долгу не останется... А, теть Паш?

— А чего делать-то?

— Вынесите коляску детскую... Она у вас там... Возле кислородных баллонов.

— А на кой тебе коляска-то? — подозрительно спросила нянечка.

— Да я и знать не знаю. Просит Борис, вот я и передала вам его просьбу. Вроде следователь его совсем затаскала, вообще хоть в петлю лезь...

Многословием Зинаида хотела уйти от четкого ответа, и ей это удалось, тем более что тетя Паша и не настаивала. Она догадывалась, что разговор затеян неспроста, что дело ей предлагают не очень чистое. Но незнание как бы освобождало ее от укоров совести, ей самой проще было ничего не знать, и она даже с облегчением слушала Зинаиду, толком так ничего и не сказавшую.

— Попробую,— коротко сказала тетя Паша.— От хорошего человека отчего ж не отвести беду...— Она уже искала оправдания для себя.— Как не понять — беда случилась.

— И это... Теть Паша... Еще бы пальтишко...

— Какое пальтишко?

— Ну, это... мальчика.

— А пальтишко-то зачем?

— Понятия не имею! — прикинулась дурочкой гостья.— Попросил Борис... Очень, говорит, нужно. А зачем — я и спрашивать не стала. Ничего, говорит, не пожалею! — налегала Зинаида на посулы.

Как бы там ни было — удалось. Пропали из больницы и поврежденная коляска и пальтишко Павлика Железнова. Остальные вещички на месте, коляски, оставленные захворавшими малышами, целы, и велосипедики стоят там, где их поставили, а вот коляски Павлика так и не нашли, хотя сил приложили немало. Подумали было, что выбросили как негодную, вынесли на свалку, заподозрили, что в металлолом попала. Предположили, что кто-то из выздоровевших случайно прихватил,— нет, не нашли.

Вскоре Зинаида получила новое задание — натаскать в тот самый кювет, где наезд случился, камней и булыжников. Но так, чтоб ни одна душа живая не увидела. А где их возьмешь, камней-то, после уборки предпраздничной? И отправляется Зинаида на соседнюю станцию, бродит вдоль заборов, у дач, посещает сельские свалки. Задание выполнено — собрана целая хозяйственная сумка камней. И вот, когда затихает городок, когда даже уличные фонари выключают за ненадобностью, крадется она в кромешной темноте к железнодорожной платформе и ссыпает в кювет камни, разбрасывает их по сторонам, старается каждый вдавить в землю, чтоб казалось, будто давно они лежат, с зимы еще.

Наутро, проходя с товарками к платформе, нечаянно глянув в сторону кювета, Зинаида воскликнула:

— А камней-то наворочено! Тут кто угодно голову свернет!

— И вправду! — удивилась женщина.— Надо же, а я вроде и не замечала... Каждый день хожу, а пока носом не ткнут, не увидишь!

— Вот и следовательша тоже, наверно, никак их увидеть не может,— сказала Зинаида.— Ее бы тоже не мешало носом ткнуть. Может, удружишь, а?

— А что, и скажу! Пойду и скажу!

Действительно, пришла однажды к Глазовой странная свидетельница. Так, мол, и так, говорит,— в кювете камни лежат. Сказала, даже не сообразив, зачем ей это понадобилось и какое такое значение имеют камни в кювете. Переборщила Зинаида. Сама же себя и выдала. Наверно, это неизбежно. При таком размахе маскировочных работ где-нибудь обязательно промахнешься. И не от способностей это зависит, не от предусмотрительности. Невозможно изменить сущность преступления, да так, чтоб и следов не оставить.

ДЕВИЦЫ-КРАСАВИЦЫ

Одно из качеств, необходимых следователю, конечно же, терпение, позволяющее спокойно выслушивать очередную ложь, спокойно отводить все попытки вызнать, что известно следствию, спокойно делать свое дело. Здесь следователя можно сравнить с математиком, применяющим в анализе метод постепенного приближения.

В первом приближении Дядьков признался лишь в том, что брал у Бармичева машину и использовал ее в личных целях, хотя не имел на это прав. А поскольку машину у него угнали неизвестные злодеи, то и укорить, побранить за небрежность, не больше, его может лишь хозяин машины.

Во втором приближении Дядьков признал, что не только брал машину, но и был за рулем в момент наезда. Признал, что малодушно скрылся в лесу сразу же после происшествия. Признал, что в машине были девушки. Но при этом утверждал, что это были незнакомые ему, случайные девушки, которых он по доброте душевной согласился подвезти несколько километров. А за это он готов нести полную ответственность по всей строгости закона.

— Сколько в машине было человек? — спросила Глазова.

— Пятеро. Мы с Хлыстовым и девушки. Их вроде было трое. Да, всего получается пятеро.

— А куда делся Батихин?

— Я же говорил, мы оставили его на платформе. Он решил добираться домой электричкой.

— Как же объяснить, что его задержали в машине?

— Он увидел, как мы съехали в кювет, и подошел. Это же рядом, с платформы все видно. Батихин хотел выехать из кювета, чтобы на этой машине доставить мальчика в больницу. Думаю, что он поступил правильно.

— Свидетели утверждают, что он появился из лесу, в котором скрылись и вы вместе с девицами.

— Скажете тоже — вместе! — усмехнулся Дядьков.— Я могу объяснить это лишь тем, что Батихин, очевидно, перед тем как подойти к машине, прошел в лес, чтобы узнать, не случилось ли с нами чего...

— Почему же он не прошел в лес дальше, если его так уж волновало ваше здоровье?

— Трудно сказать.— Дядьков развел руками.— Трудно сказать,— повторил он отрешенно.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

Тамара Васильевна обратила внимание, как изменился за последнее время Дядьков. Если раньше он был безоглядно уверен, что все кончится благополучно, а следователь попросту поможет ему выпутаться из неприятного положения, в котором он оказался, то теперь Дядьков почувствовал, что кольцо вокруг него замыкается. Правда, в кольце чудились ему просветы, он еще надеялся воспользоваться ими и выскользнуть, но это были слабые надежды, да и становилось их все меньше.

В полной мере он ощутил нависшую опасность, когда однажды вечером к нему прибежали три перепуганные девицы — Наталья, Татьяна и Алла. В руках у них были полученные в этот день повестки от следователя Глазовой. Им надлежало явиться в прокуратуру для дачи показаний в качестве свидетелей.

— Ах, черт! — крякнул Дядьков.— Как же она про вас-то пронюхала? Вот чертова баба!

— Очень просто! — ответила Кузькина.— Нас узнали. Там еще, в кювете. Народ-то весь свой собрался, городской. Меня и Татьяну узнали.

— Значит, так...— протянул Дядьков озадаченно.— Хорошо. Слушайте внимательно. Вы тоже можете влипнуть. Нам надо держаться друг друга. Запомните — я вас подвез. Подобрал на дороге и подвез. Вы меня не знаете. Поняли? Вы видели меня только со спины. Все. И второго парня вы не знаете.

— А если спросит про малыша?

— Вы ничего не видели! — заорал Дядьков.— Машина в кювете, вы испугались и ушли. Понятно?! Никаких малышей, никаких колясок не видели! И весь сказ.

— Жидковато все это,— проговорила Татьяна.— На дурачков.

— Что ты предлагаешь? — глянул на нее Дядьков.

— Что я могу предложить... Сказать-то мы скажем, да только не похоже, чтоб нам поверили.

— Ваше дело — сказать. Об остальном я позабочусь. Слава богу, друзья у меня остались, не бросят в беде,— обнадежил Дядьков.

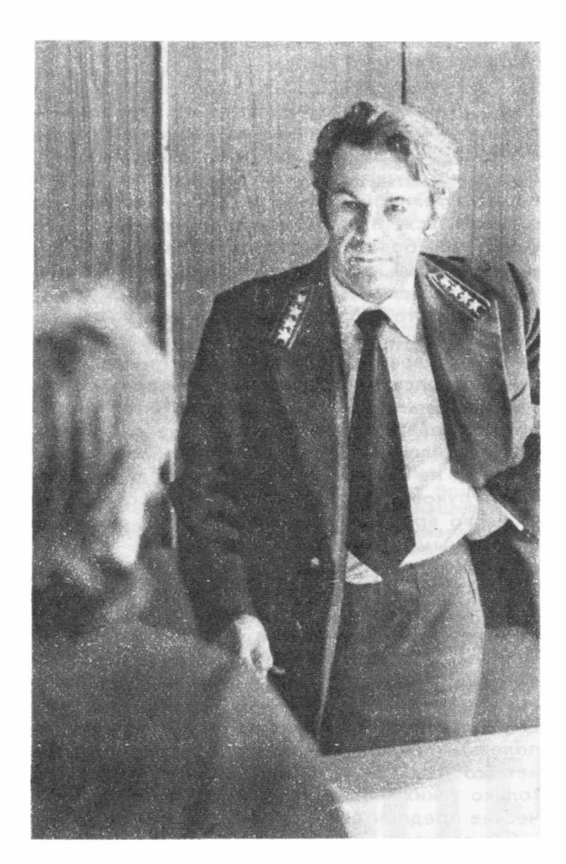
Естественно, после такой подготовки показания городских красоток в кабинете Глазовой полностью совпадали. Даже выражения были одинаковы. Весь день накануне наезда они чуть ли не с утра, оказывается, красили волосы, причесывались, примеряли наряды, смотрели в окно, слушали музыку. Когда наступил вечер, собрались сходить в кино, какое именно, не помнят. Остановили машину, в ней сидели двое мужчин. По дороге они предложили девушкам покататься, девушки, конечно же, отказались, поскольку не имеют обыкновения кататься с незнакомыми мужчинами, они девушки из порядочных. Как машина оказалась в кювете — не заметили, водителя узнать не смогут, поскольку видели со спины. Когда машина остановилась, вышли из нее. «Пошли, девушки, отсюда»,— сказала Таня. Смотреть кино уже не было настроения, поговорили о приближающихся праздниках, о нарядах, о ценах на эти наряды, потом проводили Аллу и разошлись по домам.

Тамара Васильевна добросовестно записала эти показания. Ложь была очевидной. Не могут три человека разного возраста, образования, характера вот так одинаково видеть, слышать, чувствовать. И даже отношение к происшедшему у всех трех было не то что похожим, а полностью совпадало.

— Дядьков поставил вас в дурацкое положение,— сказала Глазова.— Но вы-то должны понимать, что к чему. Зачем вам лезть во всю эту грязь?

— Какой Дядьков? — попыталась было сделать удивленные глаза Кузькина.

— Ваш сосед. Девушки, я же сама выписывала повестки, вы живете в одном доме с Дядьковым, хорошо знаете не только его самого, но и родителей, жену, детей... Вы очень хорошо всех их знаете. Это он предложил вам нести такую чушь? Дядьков по наивности полагает, что чем больше виноватых окажется, тем меньше будет его собственная вина. Послушайте, ведь речь идет о смерти человека. Это серьезно. А ведете вы себя легкомысленно. Вас видели не только в этот день, вы и раньше приятно проводили время.

Прокурор Владимир Дмитриевич Сухачев
Фото Э. Эттингера

— Это еще надо доказать!

— Зачем? — грустно улыбнулась Глазова.— Это уже доказано. Есть даже фотография, где вы вместе сняты примерно год назад. Суетитесь, суетитесь... А мальчика-то похоронили. На сельском кладбище. Здесь, недалеко.

Показания Татьяны Кузькиной, сделанные ею через несколько дней: «Мы в самом деле гуляли по лесу. Нас догнала машина. За рулем сидел Дядьков, на заднем сиденье еще двое — Батихин и Хлыстов. Они предложили покататься. Мы согласились. Всего в машине нас было шестеро. Когда Дядьков, не справившись с управлением, выскочил на левую сторону шоссе и съехал в кювет, мы все разбежались, потому что испугались. И Дядьков нам сказал: разбегайтесь. В лесу мы договорились не выдавать его, сказать, что за рулем сидел незнакомый человек. Когда получили повестки, снова встретились с Дядьковым, и он велел нам ничего не говорить, держаться за прежние свои показания. Сейчас, когда я узнала, что мальчик погиб, решила сказать правду».

О правде. В этих показаниях правды меньше половины. Подруги дали примерно такие же, тоже согласованные и выверенные показания. Поэтому можно сказать, что ссылка на погибшего мальчика не более как прием, в котором опять же нетрудно разглядеть руку Дядькова.

Как выяснилось, он чуть ли не каждый день собирал всех участников происшествия и проводил совещания, подробно обсуждая все вопросы, которые задавала Глазова. На этих оперативках и вырабатывались общая линия поведения, тактика и стратегия дальнейшей борьбы со следователем, согласовывались показания, заявления и даже жалобы на нехорошее к ним отношение.

Девицам нравились эти сборища, они чувствовали себя заговорщицами. А риска никакого — отвечать-то все равно Борьке. «Бедный Борька!» — сочувственно вздыхали они, расходясь поздней ночью по домам. А бедный Борька, проводив гостей, удрученно качал головой, прикидывая количество выпитого — с такими приятелями недолго и по миру пойти. Дороговато ему обходились их показания.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ

Интересные наблюдения высказал прокурор Мытищинского района Владимир Дмитриевич Сухачев, под началом которого работает Глазова. Он говорил о странном отношении некоторых свидетелей к своим обязанностям. По сравнению с тем, что было, например, лет десять назад, нынешний свидетель как-то легче идет на ложь, уж больно просто отрекается от своих же показаний, дает новые, которые зачастую оказываются ничуть не ближе к истине, нежели предыдущие. И при этом не чувствует никаких угрызений совести, не наступает в нем разлада с самим собой. Вроде бы дело личное, дело житейское — сказал так, сказал этак...

Трудно сказать, что стоит за этим. Может быть, юридические знания позволяют недобросовестным свидетелям ориентироваться в следовательском, судебном процессах, самим решать, что хорошо, а что плохо. И они пытаются вершить свой суд, отталкиваясь от собственных представлений о солидарности, стремятся выручить приятеля, даже не сомневаясь в его виновности. Дескать, главное — спасти от суда, а уж там сами разберемся.

Возможно и другое объяснение — лживые показания дают обычно люди, так или иначе замешанные в преступлении, и тогда, конечно же, понятно их желание выйти сухими из воды. В деле Дядькова некоторые свидетели не один раз меняли свои показания, ссылаясь на хорошо знакомые и следователям, и судьям, и прокурорам причины: не осознали значения собственных показаний, не представляли серьезности последствий, прозрели и вот решили сказать правду, и так далее.

Нетрудно представить себе, насколько четкой, грамотной, неуязвимой должна быть работа следователя, чтобы судья мог на основании дела, лежащего перед ним, уверенно, с сознанием правоты и справедливости выносить приговор, несмотря на всевозможные уловки подобных свидетелей.

Возвращаясь к делу Дядькова, скажем: каждая очередная его версия держалась недолго, слишком она была примитивной. Уже через несколько дней Тамара Васильевна Глазова знала, что в машине при наезде находились шесть человек: Дядьков с двумя приятелями и три девушки без определенных занятий. Впрочем, занятия у них были: кто работал, кто учился. Но это были далеко не основные занятия. Больше всего девицам хотелось красиво жить. Причем красоту жизни они понимали довольно своеобразно — даровые выпивки, гонки по ночным шоссе, пикники в сосновых, березовых, дубовых и прочих рощах.

А работать они работали. Ковалева даже на «Скорой помощи» трудилась. Какой-никакой, а все же медицинский работник. Чего стоит этот медицинский работник, можно судить по одному лишь факту: она, не колеблясь, прошла мимо обливающегося кровью малыша и удалилась в лес с наибольшей доступной ей скоростью.

Случайность? Шоковое состояние? Ничуть не бывало. На допросах она полностью, слово в слово, подтверждала первую версию Дядькова, потом столь же убежденно подтверждала его вторую версию, третью...

Последняя версия Дядькова была такова. Он действительно с приятелями и знакомыми девушками — пришлось признать, куда деваться! — ехал в тот злополучный вечер на чужой машине. Прекрасно понимая, что превышение загруженности машины уже является нарушением, он уговорил всех участников неудавшегося пикника в один голос повторять: в машине было пятеро. Так вот, ехали они на малой скорости, а на повороте, объезжая выбоины и вышедших из электрички людей, ненароком съехали в кювет. Вот и все. А что касается прискорбной гибели ребенка, то его отец, видите ли, увидев машину, от неожиданности дернул коляску. Малыш не удержался, выпал и ударился головой о камни в кювете. Таким образом, никакого отношения к смерти мальчика ни машина, ни ее водитель, ни пассажиры не имеют. А вы, уважаемый гражданин следователь, попробуйте докажите, что все было

иначе. Доказывайте. А мы посмотрим, как это у вас получится.

Выложив свои новые доводы, Дядьков раскланялся, заверив, что с нетерпением будет ждать очередной весточки от следователя, и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. А Глазова осталась в кабинетике один на один с толстым томом уголовного дела. Вздохнула и начала не торопясь по своему обыкновению листать уже достаточно потертые страницы, пытаясь найти в них зацепку, нащупать слабое звено в позиции Дядькова.

Надо ли говорить, что за схваткой следователя Глазовой и начальника автопредприятия Дядькова с напряжением следили сотни людей. И все они делали для себя выводы, все получали урок на всю жизнь. И от того, кто победит, зависело, разочаруются они, навсегда уверовав в возможность безнаказанности, или же, наоборот, воспрянут, еще раз убедятся, насколько сильны правда, справедливость, порядочность. Кто победит? Достаточно ли сильно правосудие? Так ли уж могущественен Дядьков? Правда ли, что у него такие покровители, которых не одолеет ни один следователь? Может, и в самом деле законы писаны для кого угодно, но только не для него?

ДЯДЬКОВ

Попробуем поближе, попристальнее взглянуть на преступника, Дядькова Бориса Ивановича. В своем кабинете он бывал обычно подчеркнуто деловит, создавал впечатление, что каждый новый посетитель, телефонный звонок, просьба подчиненных отрывали его от важного дела в самый решающий момент и он никак не мог к нему приступить.

Однако, оставшись в кабинете один, преображался. Становился расслабленным, взгляд его вяло блуждал по бумагам, соскальзывал со стола, упирался в окно, рука непроизвольно тянулась к телефону — любил Дядьков перебросится словцом-другим с приятелями. Те чувствовали себя польщенными, предлагали встретиться в хорошем месте, где их уже ждут, где все приготовлено и дело только за тем, чтобы Борис Иванович уважил и согласился скоротать с ними вечерок. Дядьков обычно не разочаровывал, не огорчал приятелей и, подумав, попричитав, все-таки давал согласие. Свои деньги тратить не любил, приятели знали об этой его маленькой слабости и охотно прощали Борису Ивановичу прижимистость, тем более что он мог подсобить с запчастями, грузовичок по надобности устроить, машину поставить в гараж на ремонт, а оплату опять же принимал натурой где-нибудь в хорошем месте свободным вечерком...

Были у Дядькова и деловые качества. Умел он организовать работу, этого не отнимешь. Но больше криком, давлением, приказом. Возникающие конфликты Дядьков гасить не умел, вольно или невольно еще больше распалял людей, нагнетал страсти. Обиженные не чувствовали удовлетворения от его вмешательства, обидчики понимали — можно откупиться. И все шло, как прежде.

Чем это можно объяснить? Не было духовной культуры, которая бы позволила Дядькову понять человека, принять сторону правого, объяснить заблуждения неправому. И доброжелательности, как-то окупающей недостаток духовности, тоже у него не было. Он являл собой типичный пример жесткого руководителя, который больше полагался на свои административные права, нежели на доводы разума. Во взаимоотношениях подчиненных его интересовала только субординация. Главное — чтоб беспрекословно подчинялся тот, кому положено подчиняться. Остальное, полагал Дядьков, приложится.

Но там, где все сводится только к подчиненности, неизбежно будут и ссоры и жалобы. Этого добра в хозяйстве Дядькова всегда хватало. И все-таки руководителем он считался неплохим. Были и промахи — их объясняли молодостью. Кроме того, Дядьков умел покаяться в грехах и заверить начальство, что приложит все силы, опыт, еще что-то и исправит упущение. Действительно, упущения исправлял. Правда, при этом допускал новые, но начальство знало: стоит Дядькову указать, исправит и новые. Человек он исполнительный, а тщеславие не позволяло ему плестись в хвосте родственных предприятий.

Соседи знали, что Дядьков не всегда ночует дома, но жена молчала. Если это ее и возмущало, то не настолько, чтобы говорить об этом с кем бы то ни было. Когда после наезда выплыли деликатные подробности, жена опять решила отложить выяснение отношений с мужем до лучших времен.

— Сильным этого человека не назовешь,— говорит Тамара Васильевна Глазова.— То, что он проделал, шло не от силы, а от отчаяния. В глубине души Дядьков понимал безнадежность затеянной авантюры, но уже не мог остановиться. Что им двигало? Прежде всего страх. Он боялся лишиться должности, привычных благ, положения, приятелей, приятельниц. Кроме того, не мог допустить даже в мыслях, что его, руководителя пусть небольшого предприятия, но все-таки известного в районе человека, вот так возьмут да и на скамью подсудимых посадят. Не верил, что так может быть. И потому полагал, что просто обязан делать все, чтобы этого не случилось. Ход мышления довольно своеобразен: вы, дескать, не на меня покушаетесь, а на авторитет руководителя. Вот так! И все свои действия во время следствия он считал даже необходимыми.

Если честный человек мог бы задуматься: это недостойно, это недопустимо,— то у Дядькова подобных колебаний не было. Уйди он от ответственности — и на свободе остался бы человек, убежденный в том, что самые подлые действия могут оказаться полезными. Происходило некое накопление дозволенностей. Ему нравилось быть везде своим человеком, полезным, нужным. Вроде бы и плохого в этом нет, но Дядьков того же требовал от других, только таких людей и ценил, им отдавал всяческие предпочтения.

Где-то здесь начиналось разлагающее действие Дядькова, поскольку мнение руководителя, его требования все-таки заставляют людей пересматривать свое поведение, а слабых вынуждают искать возможность попасть в число избранных. И вот уже следующая ступенька — в почете оказываются люди, склонные к угодничеству, продажности, готовые посмеяться над бескорыстностью, откровенностью, если это нравится начальству. Интересы дела оттесняются на задний план, откровенный разговор в коллективе становится нежелательным для приближенных, поэтому честные, искренние отношения искореняются. И все это прикрывается обилием вроде бы правильных слов, ссылками на высокие авторитеты и решения, разговорами о задачах и свершениях. Но поскольку эти правильные слова произносят люди, окончательно падшие в глазах коллектива, все ставится с ног на голову: человеку принципиальному приклеивают ярлык склочника, в честном видят опасность, истинное трудолюбие остается незамеченным, а то и подвергается осмеянию — дескать, все деньги человек заработать торопится. В результате духовные и нравственные ценности общества оказываются обесчещенными.

ПРОКУРОР

Дядьков чувствовал себя все увереннее в новой версии, позволял себе не являться к следователю. когда получал повестку, отделывался телефонными звонками, ссылаясь на занятость, на большое количество работы, подзапущенной в связи со следствием.

Девицы тоже успокоились, пришли в себя. Чувство вины, которое Тамаре Васильевне удалось было пробудить в них, покинуло всех троих. Если раньше они признавали, что их попутчики, или, скажем, кавалеры, говорили об увеселительных целях поездки, то теперь отшатнулись от этих показаний. В этом явно чувствовалось влияние Дядькова.

Через некоторое время оказалось, что дело словно бы расползается на глазах. Показания очевидцев Дядьков истолковывал довольно своеобразно — дескать, взбудоражены были люди, им, естественно, хотелось иметь перед собой виновника, чтобы дать выход, конечно же, справедливому возмущению. Вещественных доказательств наезда не было — основной козырь Дядькова. Коляска похищена, детское пальтишко, на котором могли остаться микроскопические следы соприкосновения с машиной, тоже исчезло. В кювете многие видели камни, о которые мальчик действительно мог разбить голову. Ничто не подтверждало и того, что Дядьков вел машину пьяным. Даже опознание его Железновым ничего не доказывало. Да, он находился за рулем, но коляски машина даже не коснулась. На очередной вызов к следователю Дядьков опять не явился, сославшись на дела необыкновенной важности. Короче, он готов был торжествовать победу.

Как поступить в таком положении следователю?

Ведь от него требуется не просто воссоздание происшествия, его истолкование фактическое или психологическое. Требуются неопровержимые доказательства, на основании которых суд мог бы вынести обоснованный приговор. Решается судьба человека, и вольные предположения недопустимы. Как бы ни было велико наше сочувствие пострадавшим, оно не может служить основанием для приговора.

И вот, когда, казалось, обесценились все показания и доказательства, а Дядьков снова похаживал по городку румяный и уверенный в себе, Глазова пошла в наступление. Вызвав Дядькова в очередной раз на допрос и добившись, чтобы он все-таки пришел, она встретила его с уже подготовленным, подписанным прокурором постановлением об изменении меры пресечения — так называется документ, на основании которого она здесь же, в прокуратуре, взяла Дядькова под стражу. Основания: настойчивые попытки мешать работе следствия, уклонение от своих обязанностей, недопустимая обработка свидетелей.

— Я хочу видеть прокурора! — заявил Дядьков, ознакомившись с постановлением.

— Не возражаю,— ответила Глазова.— Пожалуйста. Пройдите в конец коридора и направо. Сухачев Владимир Дмитриевич.

Тамара Васильевна поднялась следом. Предстоял разговор у прокурора. Вроде все уже обсуждено, согласовано, но вдруг Дядьков приготовил какую-нибудь неожиданность, вдруг у него новая версия? Но нет, на этот раз Дядьков был просто обескуражен, растерян. Слишком уж он уверовал в свою неуязвимость и такого шага от следователя не ожидал.

Вот что об этом разговоре с Дядьковым рассказал Владимир Дмитриевич:

— Наша работа позволяет видеть людей далеко не в самые светлые их дни, не в самом веселом состоянии духа. Но вот на что обращаешь внимание — большинство, несмотря на драматические обстоятельства, все-таки сохраняет достоинство. С Дядьковым же произошло столь неожиданное превращение... Право же, за многие годы работы мне едва ли приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Минуту назад это был нагловатый, бесцеремонный человек, который почему-то уверовал в собственную безнаказанность — некоторым должность дает такое ощущение. Он с пренебрежением разговаривает со следователем, не каждый вопрос услышит, не на каждый ответить соблаговолит. Но вот знакомится с постановлением, из которого явствует, что отсюда, из прокуратуры, он под конвоем отправится в предварительное заключение. И куда все делось! Дядьков готов падать на колени, он просит, плачет, обещает все, что можно обещать и чего обещать нельзя. Заметьте, я говорю все это без преувеличения. Если до этого у меня были какие-то сомнения в его виновности, если мы с Тамарой Васильевной не один раз прикидывали обстоятельства, чтобы, не дай бог, не ошибиться, то теперь мои сомнения рассеялись: Дядьков неожиданно предстал предельно бесчестным человеком. И это был такой контраст с тем, что было минуту назад, что я просто поразился. И подумал про себя: может ли такой человек совершить преступление? Может. Может солгать? Может. Может пойти на уничтожение следов преступления, чтобы уйти от ответственности? Может. Пойдет ли он на уговоры, подкуп, шантаж, угрозы? Пойдет. Знаете, наверно, в этом есть какая-то закономерность. Хам и наглец с оборотной стороны часто оказывается лишенным всякого человеческого достоинства. Очевидно, стремлением унизить ближнего он берет какой-то реванш за свою угодливую сущность. Я так понял этого человека. Конечно же, ни о какой отмене постановления не могло быть и речи.

Окончание следует.

7 декабря 1905 года, в первый день всеобщей политической забастовки, перешедшей затем в вооруженное восстание, на первой странице московской социал-демократической газеты «Борьба» вслед за воззванием Московского Совета рабочих депутатов «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» было помещено стихотворение «Дерзости слава». Оно начиналось словами, полными революционной энергии:

Жить в потемках мы устали,
Мы проснулись, мы восстали —
Слишком долго боя ждали,
Жаждем жизни молодой...

Автору этих выразительных и эмоциональных строк, Евгению Тарасову, было всего 23 года, но за его плечами было уже несколько лет участия в революционном движении.

Оказавшись после тюрьмы и ссылки в декабрьские дни 1905 года в Москве, он не только выступил с призывом к революционному действию, но и сам встал в ряды дружинников, сражавшихся на баррикадах.

Декабрьское восстание напитало поэтическое творчество Тарасова, продолжавшего борьбу своим новым оружием — поэтическим словом.

В начале января 1906 года стихотворение «Дерзости слава» было напечатано в конфискованном властями номере газеты революционного студенчества «Молодая Россия» рядом со статьей В. И. Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении». А затем в большевистском публицистическом сборнике «Текущий момент», вызвавшем одобрение Ленина, появился целый цикл стихотворений Тарасова «Декабрь».

В 1906 году вышла и первая книга Тарасова «Стихи. 1903—1905». Сборник в следующем году был конфискован и уничтожен царской цензурой, но книга уже успела получить широкое распространение. Стихи Тарасова стали популярны в революционной и демократической среде, печатались в передовых журналах и горьковских сборниках «Знание», читались на литературных вечерах, вызывая взволнованные отклики. Такой строгий судья, как Валерий Брюсов, видел в стихах Тарасова «молнийные вспышки поэзии», находил у него «песен дивный дар».

Но вскоре после выхода второго сборника стихов («Земные дали», 1908) Тарасов внезапно прерывает свою литературную деятельность. На легкоранимого и еще не уверенного в своих творческих силах молодого поэта повлияла отрицательная оценка его второй книги в журнальных рецензиях и статьях. Творческому кризису поэта способствовал и отход его, стремившегося стать профессиональным литератором, от непосредственного участия в революционной работе, которое оплодотворяло его поэзию в предшествующие годы. Потеряв связи с одной средой, он не нашел контакта с другой и страдал от своего одиночества.

Тарасов опять садится на студенческую скамью, возвращается к занятиям наукой и техникой, приобретает профессию инженера по сельскохозяйственному машиностроению. В годы Советской власти Тарасов работает в Госплане и Наркомате совхозов. Умер он в эвакуации, в Чкалове, в 1944 году.

Было бы неверно сказать, что имя Тарасова забыто. Некоторые стихи его включаются в сборники, посвященные революции 1905 года, в различные хрестоматии и антологии. Но его биография и литературная судьба недостаточно привлекали внимание исследователей и до сих пор в значительной степени еще остаются белым пятном на нашей историко-литературной карте. Даже внешний облик поэта почти совершенно неизвестен нашим читателям.

Сам Тарасов очень скромно оценивал свое место в истории поэзии.

Мы не поэты: мы — предтечи
Пред тем, кого покамест нет,—

писал он в одном из программных стихотворений, выражая уверенность в том, что из народных масс придет большой поэт революции.

Но и эта роль «предрассветной звезды» заслуживает нашей признательности, нашего внимания.

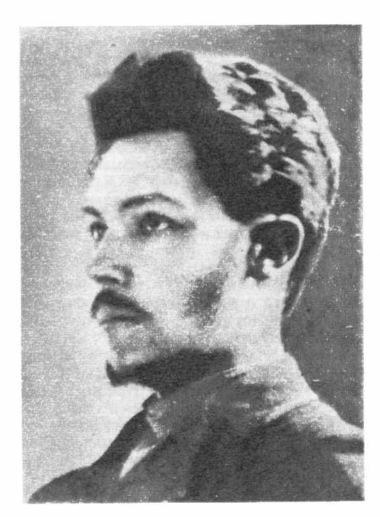
Мы предлагаем читателям автобиографические заметки поэта, которые целиком не воспроизводились в печати и были переданы его дочерью в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

Думается, что в ознаменование 100-летия со дня рождения поэта первой русской революции следовало бы издать сборник его лучших стихов, сопроводив их необходимыми сведениями об авторе.

Ник. ТРИФОНОВ

Евгений ТАРАСОВ

МЫ - ПРЕДТЕЧИ

Евгений Михайлович Тарасов. 1903 г.

Летом 1902 года в Рязань, где я жил под надзором полиции до получения приговора по делу петербургской организации РСДРП, стали приходить известия, что товарищей, привлекавшихся по тому же делу, начинают высылать на 3 и на 5 лет в северные губернии и в Сибирь. Ждать приговора? Списался с товарищем[1], находившимся в таком же положении в Вологде. Решили бежать. Куда? Петербургская организация не оправилась от разгрома, и перейти на нелегальное положение с ее помощью было трудно. Так же трудно было уехать за границу, так как связи с западной границей были также разгромлены. Решили, однако, эмигрировать, чтобы связаться с «Искрой», поучиться («повысить революционную квалификацию») и через несколько месяцев вернуться в Россию. Петербург. Архангельск. Пароход «Николай II». Паспортов нет, но рассчитывали на конвенцию с Норвегией, допускавшую свободный проезд между Архангельском и норвежскими портами. Вардэ. Норд-Кап. Гаммерфест. Тронхейм. Берген. Гамбург. Франко-германская граница и ранней осенью 1902 г.— Париж. Эмигрантская среда, в которой представлены все течения и партии революционной России. Российской социал-демократической партии, по существу, еще нет. Нет еще и большевиков и меньшевиков. С «экономистами» почти покончено. Социалисты - революционеры пользуются значительным влиянием. Борьба с ними, и в этой борьбе — кристаллизация революционной социал-демократической мысли и сплочение, подбор кадров — основная задача «Искры». Целиком примыкаю к ней. Но... «в России рабочие ходят, как керосином облитые» (из письма в «Искру»). Но... недавно прогремел выстрел Балмашева[2]. И молодым социал-демократам кажется, что «эксцитативный»[3] террор против представителей самодержавия может служить полезным и острым оружием в классовой борьбе пролетариата. Разделяю эти настроения. Служу кассиром в русской столовой, где завхозом работает Артем. Слушаю лекции в социалистическом университете. С волнением перелистываю пожелтевшие страницы прокламаций Парижской коммуны. Хочется скорее вернуться на работу в Россию. Шумная парижская толпа не рассеивает тоски по родине.

Эти настроения через несколько лет отразятся в стихотворении «В твоей толпе я духом не воскрес...». Начат и не закончен подбор материалов по истории революционного движения в России. Диспуты с социал-революционерами. Наконец, намечается срок отъезда в Россию — примерно январь 1903 года. <...> Приезд Ленина из Лондона в Париж. Встреча с ним и Мартовым в эмигрантской квартирке. Мы, молодые социал-демократы, могли, по-видимому, выдвинуть неплохие кадры для строительства партии, и вот гигант революционной мысли терпеливо, то очень серьезно, то с искоркой насмешки в глазах, но все время по-товарищески убеждает нас, что индивидуальный террор против царских министров и прочих слуг самодержавия не только не нужен как система, но грозит распылением наших сил, так необходимых для организации пролетариата. И это товарищеское, внимательное отношение Ленина к молодежи, может быть, в той же мере, как и логические (ленинские!) доводы, помогает нам быстро сбросить с себя чуждые позиции классовой борьбы, наносные настроения.

На пути в Россию. Швейцария, Вена, Бухарест, Яссы, граница. Русский жандарм, которому предъявляю румынский паспорт. Россия... Всего 8 месяцев прошло с тех пор, как я покинул ее. Но хочется выпрыгнуть из медленно идущего поезда и припасть к родной земле.

* * *

Нарастающая волна революции 1905 года — от 9 января к октябрьской стачке — доходила до ссылки только крупной зыбью, за которой трудно было разобрать масштабы движения.

О 9 января мы узнали из писем только 17 января («Теперь ты узнала, дитя, почему мы были весь день молчаливы...»). Сознание поражения сменяется первомайской Ганнибаловской клятвой («Мгновение», июнь 1905), но «Надежно связаны крылья у орла».

И все-таки уже 7.VII.1905 написаны стихи «Возникла в глухую январскую ночь...», где только случайно не произнесено слово «революция»: предчувствия событий опережали наше (мое) точное знание о них.

Арестованный в мае 1903 г., я ушел в тюрьму социал-демократом-искровцем (не большевиком и не меньшевиком). Ни в доме предварительного заключения, ни в Кресте, где я сидел на каторжном положении в условиях сугубого одиночества, ни в ссылке возможности самоопределиться не было.

Ледостав на Печоре отрезал нас недели на две от мира. Был поврежден телеграфный кабель. Из вороха телеграмм мы только числа 25 октября узнали о стачках, манифесте, амнистии. Малая пропускная способность таежной дороги на Архангельск заставила нас ехать в порядке жребия. В Москву приехал, вероятно, только 20.XI. <...>

Обстановка усложнилась, а мне — пробывшему в летаргическом сне $2^1/_2$ года — надо было принимать решение немедленно. Впрочем, средства познания партийных разногласий были обильные — была литература, дискуссии, митинги; выбор мною был сделан очень быстро. Удалось установить связь с большевистской организацией, и в конце ноября и начале декабря выступал по поручению МК агитатором на рабочих собраниях: дважды на заводе на Николо-Ямской (какой завод — не помню) и один раз в типографии Кушнерева (Пименовская). Одновременно вхожу в десяток дружинников, прохожу курс обучения в подвале дома в Даевом переулке. У нас 3—4 револьвера. Наступают декабрьские дни, когда слово уступает место оружию. <...>

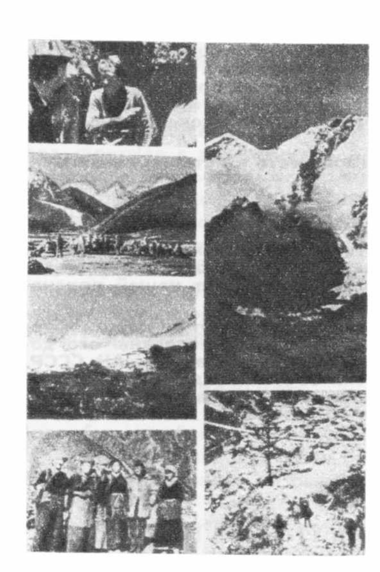
---

[1] Речь идет о С. Г. Струмилине (1877—1974), впоследствии академике.

[2] Балмашев Степан Валерианович — эсер, студент Киевского университета, застреливший в Петербурге 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Сипягина в знак протеста против репрессий царского правительства.

[3] Эксцитативный — здесь: рассчитанный на привлечение общественного внимания.

ВЕЛИКАЯ ТРОПА

Юрий **МАКУНИН**
Фото автора

Лобуче в Гималаях — так зовется стоянка на высоте 4930 метров.

Лобуче! Это входная дверь в святая святых Гималаев, в цирк третьего полюса мира. Великую гору, господствующую не только над Лобуче, но и над всеми горами мира, непальцы называют Сагарматхой, тибетцы и шерпы — Джомолунгмой, европейцы — Эверестом.

Лобуче — это два сарая из крупных темных камней, жилище местных шерпов. На одном из сараев вывеска: «Отель «Земля обетованная». Добро пожаловать». После крутейшего подъема испить горячего шерпского чая, обогреть душу, сбросить усталость необходимо. Носильщики устанавливают наши палатки. Споро, весело, а на улице крупными хлопьями валит снег. Майский! Для высокогорья это не новость. Но мы еще чувствуем на себе тропическое солнце Катманду, его сварочное жжение, и контраст как-то не укладывается в сознании.

У другого сарая появляются два крохотных мальчугана. Тот, что чуть-чуть держится на ногах, учит ходить почти грудного. Грязные, в лохмотьях, с мокрыми от снега ножками. А маму не волнует, что дети могут простудиться. Она выбрасывает сыновьям на улицу игрушку: налобную лямку для переноса грузов, миниатюрную копию лямки взрослых. Игра, так сказать, прикладного характера.

На ближних склонах позвякивают колокольцы яков, недовольных снегом, закрывшим короткую травку. Где-то здесь в 1980 году кремировали двадцатилетнего шерпа Наванга Карпанга, убитого куском льда, летевшего со склонов Джомолунгмы (шерп работал в составе итальянской альпинистской экспедиции). Спрашиваю вышедшего из «отеля» носильщика, где место кремации. Он показывает едва приметное кострище у ручья.

В той же итальянской экспедиции на Эверест погиб восходитель Франко Пьяна. Его так и не нашли в недрах снежной лавины, по-цементному быстро твердеющей. Внизу, в палатке, обнаружили дневник Франко. За день до гибели он писал: «Не знаю, правильно ли я сделал, заставив волноваться за себя семью и друзей. Но здесь так прекрасно. Это тот случай, когда риск оправдан».

Лобуче! Никогда в предыдущие годы здесь не звучала русская речь. И вот пришли, увидели, победили... И ни одной жертвы, трагедии. Вон перед «отелем» «Земля обетованная», почти загораживая его, пламенеет обширная альпинистская палатка, сделанная на Солнечногорском механическом заводе, шефствовавшем над нашими восходителями. От имени рабочих завода она подарена советскими спортсменами местным работягам-шерпам.

Валит снег. Он снизил видимость до нулевой.

А ведь Лобуче окружена красивейшими вершинами Центральных Гималаев — соседками Джомолунгмы: пяти-, шести-, семи- и восьмитысячниками. Я пережидаю непогоду в палатке-столовой, изучаю карту, заполняю дневник.

Шерпы к английским словечкам прибавили русские.

— Чомолунгма любила руссия,— сказал мне один из носильщиков. Значит, и сам он полюбил советских спортсменов, Россию.

Часть нашей спортивно-журналистской группы свершила посильный для нас подвиг — дошла до базового лагеря гималайской экспедиции. К этой части принадлежу и я. Разница между нами и альпинистами сборной в том, что основная работа последних только начиналась от базового лагеря.

Хотелось, чтобы встреча с восходителями у нас состоялась именно в базовом. Но альпинисты сократили свой график, а мы на день задержались в Катманду из-за нелетной погоды. И место свидания переместилось с высоты 5300 на 3500, то есть гораздо ниже Лобуче.

А было так. Тропа тянулась по райскому уголку. Кругом цвели розовыми, синими, оранжевыми кронами деревья-рододендроны метров по пятнадцати в высоту (на Кавказе самые крупные достигают 20—30 сантиметров). То и дело мы переступали через энергичные ручейки. Зачерпнуть при дикой жаре ладонь воды, плеснуть на голову, шею, грудь — все, что нужно для полного счастья. Нередко ручеек вращал молитвенные барабаны, обклеенные тибетскими текстами. Когда же тропа ныряла в прохладные коридоры из рододендронов, то это казалось вычурной фантазией театрального декоратора.

И вот из глубины солнечно-красочного цветения стали появляться они, наши герои. По одному, по двое, по трое... Председатель Федерации альпинизма СССР, тренер экспедиции Борис Романов... Начальник экспедиции Евгений Тамм и старший тренер Анатолий Овчинников... Спортсмены Николай Черный, Сергей Ефимов... Ерванд Ильинский, Владимир Пучков, Казбек Валиев... Юрий Голодов, Сергей Бершов, Вячеслав Онищенко, Владимир Шопин... Михаил Туркевич, Владимир Балыбердин, Валентин Иванов... Валерий Хомутов, Сергей Чепчев... Их помощники Юрий Кононов, Владимир Воскобойников, Свет Орловский, Акакий Хергиани...

Успеешь ли наговориться на тропе вдоволь? Да еще зная, как люди устали? Прошу их расписаться на флаге с олимпийской символикой. Флаг этот не просто спортивный сувенир. Его выдали мне в Оргкомитете Олимпиады-80 накануне Московских игр для поднятия на Эльбрусе — высшей вершине Европы. Затем флаг побывал в альпинистских экспедициях в Западном и Центральном Тянь-Шане, заслужив тем самым путевку и сюда, в Гималаи.

...Пока ребята расписывались на флаге, радовались встречам с земляками вдали от родных пенат, я выспрашивал своего доброго товарища Бориса Романова. Излагая хронику и динамику событий, он, в частности, отметил:

— Все сложилось гораздо труднее, чем мы предполагали.

Переохлаждение испытали даже те, кто находился в базовом лагере. И несмотря ни на что — одиннадцать победителей. Юго-западный контрфорс! Два ночных подъема. Такого еще Сагарматха не видывала!

Условившись о продолжении наших бесед в Катманду, я расстался с Борисом Романовым и подошел к Ерванду Ильинскому.

— Мое восхождение в Гималаях началось в Катманду. Отсюда надо было перебросить четырнадцать тонн груза. Дистанция — триста пятьдесят километров. Никогда еще не видел я столь длинных караванов. Насмотрелись да и натерпелись всего. Некто невидимый перекупал, сманивал шерпов, всячески замедлял наше продвижение вперед. Но шерпские профсоюзы, туристско-альпинистская администрация Непала заняли нашу сторону. Дорога до базового изрядно вымотала, ведь мы вкалывали наравне с шерпами, что, кстати, их сильно удивляло. Словом, пришлось экономить на акклиматизации под Эверестом, но на готовности моей четверки атаковать вершину это не сказывалось. Меня еще в Москве избрали парторгом экспедиции, а это ко многому обязывало. У меня с Чепчевым получились две ночевки на высоте восемь тысяч пятьсот. А между ними — работа, помощь другим восходителям. Валиев и Хрищатый вернулись с вершины измотанными, исхудавшими. Мы советовались. Единогласно решили, что им хватит сил идти вниз, а нам с Чепчевым вверх. Но в наше решение внес поправку тот, кто находился на три тысячи метров ниже нас,— начальник экспедиции Евгений Игоревич Тамм. «Ильинский и Чепчев, спускайте Валиева и Хрищатого!»

Решение он принял после нашей информации о состоянии восходителей, о характере обморожений. Решение, как видишь, шло вразрез с нашим. Вот и представь мое состояние: Эверест рядом и не рядом. Бурю протеста в душе по-

Встреча на тропе.

К ВЕЛИКОЙ ГОРЕ

могла задавить мысль о том, что я парторг экспедиции, а не только спортсмен.

В базовом лагере после медицинского обследования Валиева и Хрищатого я вновь убедился, что самая суть мудрости альпинизма в умении подчиняться руководителю. Обморожения, особенно у Хрищатого, оказались серьезными. И не руки, как думали мы, а ноги крепко прихватил мороз. Уйди мы с Чепчевым вверх — все могло обернуться трагедией.

Словом, у меня вершины Эвереста нет, но есть тот альпинизм, который наполняет мою жизнь смыслом и радостью. Спасибо за это всей нашей команде...

...От Лобуче мы последним рывком добрались до Горак Шеп. Здесь, на высоте 5160 метров, стоял лишь один каменный сарайчик, он же «лоджия», он же «отель». Когда-то швейцарцы избрали это местечко для своего базового лагеря. Теперь вот стал Горак Шеп последним местом туристского маршрута в Центральных Гималаях. Тут уж самое что ни на есть подножие царственного трона Сагарматхи. Сиятельными придворными ее являются вершины Кхумбу, Пумори, Нупце, Лхоце, Лхоце Шар. От одних этих названий затрепещет сердце любого альпиниста, путешественника.

Нам почти повезло с погодой. Вначале облака закрывали поочередно каждую вершину, а потом их сдуло. И сонм семи- и восьмитысячников, увешанных ледниками и снежными полями, застыл к вечеру в полном безмолвии.

В дороге я особенно сдружился с шерпом Гян Прасад Груном. Он нередко помогал мне. Отпросившись у руководителя, я отправился с Гяном в сторону советского базового лагеря. Вид на него открылся с противоположной морены. Пустынный участок ледника Кхумбу — ничего более. Каждая экспедиция оставляет там вышедшее из строя оборудование, какую-то мелочь. Некоторые шерпы приходят туда, чтобы подобрать нужный для хозяйства предмет.

Возвратившись в Горак Шеп, я наблюдал то, что тибетцы называют «цэ шар» — сияние вершин. Всем побывавшим в театре знакомы те две-три минуты, когда музыканты заканчивают настройку своих скрипок и виолончелей, меркнет свет, начинается священнодействие... Именно театр вспомнился мне, когда солнечный свет на вершинах из серебряного стал плавиться в красноватые тона. Очень мощный по толще перевальный ледник Лхо Ла (6006 метров) демонстрировал игру изумрудных лучей. От ярко-зеленого на солнце он густел до сине-голубого под облаком. А на склонах ближних великанов безмолвно бушевало угасание красного, размывалось розовой водичкой, как на акварельном листе. Сияние, мерцание, цэ шар... Сладкозвучный аккорд неслышимых скрипок, прощающихся с очередным днем в вечных горах! Это не просто камни, тени, блики, льды, снега, закатное солнце. Это цэ шар — мудрейший и мощнейший спектакль природы, в котором осветители размещаются в небесах, в ущельях, пещерах, в недрах ледников.

По дороге вниз легче думается о том, на что при восхождении не хватало времени. Взять вот эту тропу. Об опасностях и коварстве горных троп написано немало. И все-таки о Тропе, которая ведет к Джомолунгме, хочется говорить вновь и вновь. Во всех необъятных Гималаях, среди тысяч иных троп она заглавная Тропа. Шерпы именуют ее священными для них словами: Великая Гималайская Альпинистская Тропа. Она подновляется шерпами, расчищается от опасных нависших камней, сооружаются фундаменты в провалах, в руслах селей. В иных местах вниз лучше и не заглядывать. И все же тропа удобная, надежная. Часто на ней встречаются плоские камни, испещренные буддийскими молитвами. Шерпы в этих местах идут в сторонку и просят своих богов о заветном. Иные камни — уникальные памятники тибетской письменности. Один мы измерили приблизительно. Получилось 20 метров у основания и 10 высоты. Сколько поколений каменотесов писали на нем? Никто не знает. Но сотней лет здесь не обойдешься.

Наиболее крупные селения на тропе — Тянгбоче (3867) и Намче-базар (3440). И оба они знамениты.

В Тянгбоче расположен главный буддийский монастырь региона. Нас принимал верховный лама монастыря. Одна из волнующих его проблем — трудности привлечения молодежи в монахи. Сурова монастырская жизнь, да еще и обет безбрачия положен. Малыши — будущие ламы — здесь обучаются и некоторым светским дисциплинам. Мы слышали, как они бубнили молитвы. Еще мы увидели и услышали, как малыши учатся играть на ритуальных трубах. Далеко по ущельям растекаются гортанные звуки. Под этот аккомпанемент как-то четче видится неповторимый облик всего монастырского комплекса.

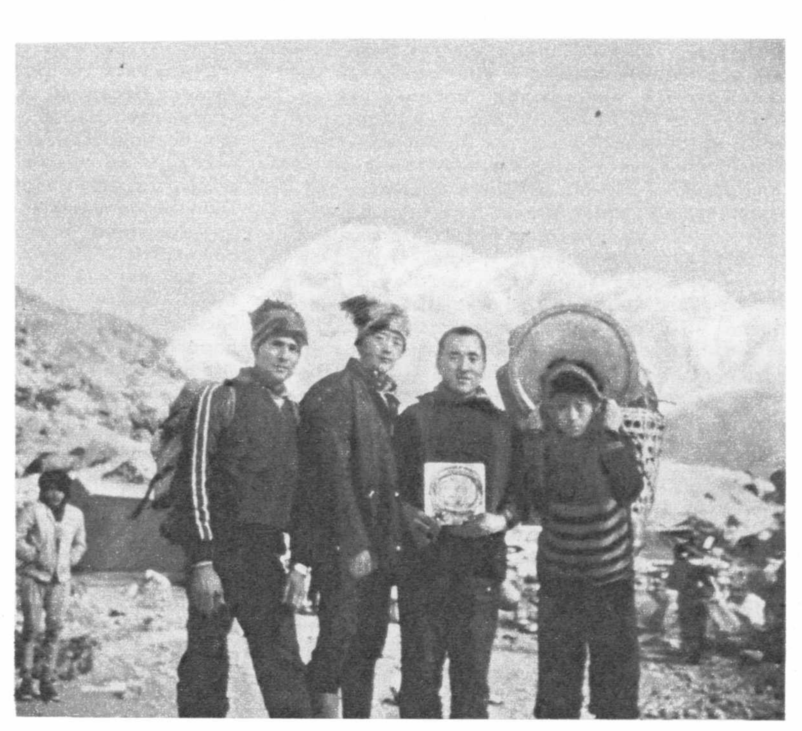
Намче-базар называют столицей шерпов. Недалеко от Намче вырос первовосходитель на Эверест Норгей Тенцинг. И сейчас в Намче-базаре его чтут наравне с королем Непала. Через Намче проходит тысячелетняя тропа торговли Индии и Непала с Китаем. Проходили в разные века здесь и армии воюющих стран.

На улочках Намче вы уступаете дорогу яку, а як вам. Причем мы не раз смущали яков тем, что привыкли к правостороннему движению, а мохнатые МАЗы Гималаев — к левостороннему.

Мне крупно повезло на аэродроме в Катманду. Из спортивного самолета вышла группа пассажиров. Среди них оказался Юрий

Шерпы с олимпийским флагом.

На память — книга о Ю. Гагарине.

Сенкевич, к которому и кинулись наши, а стороной шел высокий красивый седовласый человек. Неужто Хиллари? Эдмунд Хиллари, с которым поднялся на вершину Эвереста Тенцинг. Подошел, уточнил:

— Да, я Хиллари. Снять? Пожалуйста.

Хорошая улыбка, мудрое лицо. Он каждый год приезжает в Непал. Помогает строить в любимых его сердцу Гималаях мосты, школы, приюты для альпинистов... О восхождении советских спортсменов он сказал так:

— Я не знаю еще многих деталей, но маршрут, количество восходителей, ночные восхождения — все это не только грандиозно, но это повлияет на кое-какие процессы в мировом альпинизме. Ваш коллективизм приносит необычные плоды...

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото М. САВИНА

ДВЕРЬ В КОСМОС

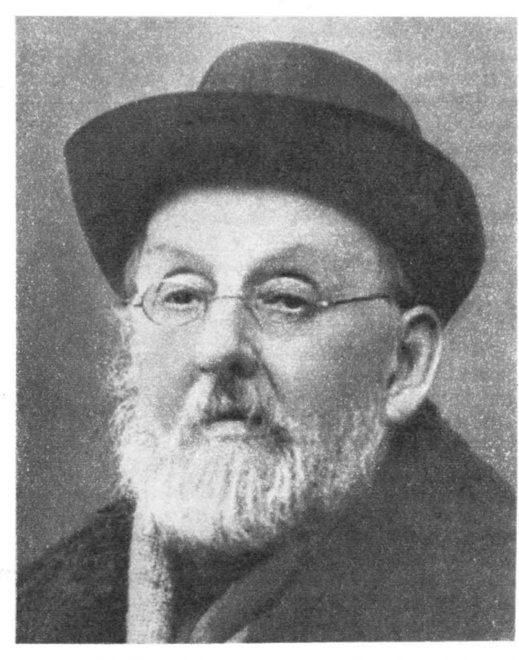
«Дверь в космос» — так родные Константина Эдуардовича Циолковского называли шутливо деревянную дверку, что выходила из самодельной мастерской ученого на плоскую крышу дома на берегу Оки. Отсюда скромный калужский учитель математики, гениальный русский ученый, первый в мире теоретик освоения космического пространства и межпланетных путешествий, видел Вселенную. А через тридцать лет после смерти Циолковского, солнечным весенним днем 1965 года, эту дверь распахнул Алексей Леонов. И, перешагивая ее порог, невольно ощутил те же чувства, что там, в космосе, когда открылся люк шлюза и он шагнул в иссиня-черную бездну.

«Разные двери вели нас в космос,— задумчиво произнес тогда советский космонавт,— но не будь этой, деревянной, не было бы и моей... Не было бы и 12 апреля, дня, навсегда связанного с именем Юрия Гагарина».

Чем дальше во времени уходит от нас этот удивительный человек, тем яснее становится всем многогранность его таланта, современнее кажутся научные труды. Имя К. Э. Циолковского вошло в энциклопедии мира, в школьные и вузовские учебники. Его работы изучают сегодня ученые, инженеры, космонавты. Каждая новая победа в освоении космоса вновь и вновь напоминает о гениальных предвидениях Циолковского. Дом в Калуге, где он жил и работал, сейчас не просто музей, он стал святым местом для каждого человека Земли и особенно для тех, кто осуществляет сегодня его мысль. Полный чувства благодарного восхищения входил в этот скромный кабинет Главный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев. Здесь не раз бывал Главный теоретик космических полетов Мстислав Всеволодович Келдыш. И Юрий Гагарин именно в Калуге произнес свои замечательные слова о том, что труды Циолковского всегда будут для нас программой, всегда будут звать вперед. И Алексей Леонов, первым осуществивший одну из главных идей Циолковского — выход в открытый космос. Правда, не в 2017 году, как предсказывал гениальный калужанин, а в 1965-м — на 52 года раньше. И американский астронавт Нейл Армстронг, сделавший, как образно говорил Циолковский, «по-воробьиному» шаги на Луне...

С каждым годом растет общественный интерес к работам и личности К. Э. Циолковского. При жизни ученый написал несколько автобиографий — чрезвычайно интересных, довольно откровенных, но, к сожалению, лаконичных. О себе он всегда говорил кратко, не придавая значения собственной персоне. И сегодня, несмотря на все написанное об ученом, в наших представлениях о его образе, о его жизни остаются пробелы. А людей, которые могут их восполнить, которые знали, видели Циолковского, переписывались с ним, становится все меньше — время неумолимо. Поэтому так важны их воспоминания, так дорога каждая новая открывающаяся нам черточка характера Циолковского, каждый новый штрих в его биографии.

Ежегодно в день рождения К. Э. Циолковского в Калуге проходят научные «чтения», посвященные его памяти. Ученые, конструкторы, космонавты, инженеры, физики, математики выступают с научными докладами, сообщениями, связанными с работами Циолковского, с освоением межпланетного пространства. Среди участников «чтений» я разыскала некоторых из тех людей, кто лично знал Константина Эдуардовича, переписывался с ним. И, что интересно, перед всеми, кто так или иначе соприкасался с этим пронзительной чистоты и таланта человеком, тоже открывал он «дверь в космос», дверь в большую жизнь, помогая угадать призвание, понять себя...

«ВЗДОРНУЮ ФИЛЬМУ НАМ НЕ НАДО!»

Стершаяся любительская фотография запечатлела беседу К. Э. Циолковского с молодым человеком. Видно, что Константин Эдуардович говорит серьезно и спокойно, а его собеседник не сводит с него восхищенного взора. Фотографии этой почти полвека. И восторженный молодой человек из начинающего работника кино превратился в маститого кинорежиссера. Такие его фильмы, как «Граница на замке», «Пятнадцатилетний капитан», «Гибель «Орла», широко известны. Но самому Василию Николаевичу Журавлеву особенно дорог один из самых первых фильмов — «Космический рейс», тот, что свел его с Константином Эдуардовичем.

— Была у меня еще со времен гражданской войны юношеская мечта — снимать научно-фантастические фильмы о межпланетной революции, о полетах на другие планеты, о полетах на Луну,— рассказывает Журавлев.— Тогда это была самая невероятная фантастика. Но я все же решил искать научного консультанта и бросил в почтовый ящик письмо: «Калуга. К. Э. Циолковскому».

Через несколько дней пришла на мой адрес бандероль с книгой Константина Эдуардовича «Вне Земли». А еще через два дня я получил его первое письмо. Всего писем Циолковского у меня девять. Ученый писал, что фильмом заинтересовался, консультантом быть согласен и мы можем приехать к нему после 12 декабря (потом я узнал, что в это время он хворал). И еще писал, чтобы приходили к нему не раньше одиннадцати утра (он по утрам работал) и обязательно захватили с собой мягкую недорогую куклу на шарнирах.

Я, помню, удивился: зачем куклу? И решил: куклу внукам, а недорогую потому, что ученый человек скромен и не хочет обременять нас...

Василий Николаевич на минуту останавливается, чтобы припомнить мельчайшие подробности этого дня. Я представляю, как идут они пыльными калужскими улочками, отыскивают деревянный двухэтажный дом на окраине города и ровно в одиннадцать звонят в колокольчик у дверей.

Дверь открывает Варвара Евграфовна — жена и верный друг Константина Эдуардовича. Из темноватой прихожей вверх ведет крутая лестница. Ее сделал сам Константин Эдуардович, точно высчитав широту своего шага. И тотчас раздаются по ней легкие шаги. Тук, тук, тук — мгновение, и уже внизу веселый голос спрашивает: «Так это вы на Луну собрались?..»

— «Так это вы на Луну собрались?». Он спросил это так хорошо, весело, но без насмешки, которой я, честно говоря, побаивался,— продолжает Василий Николаевич.— И сразу второй вопрос: «Ну, а что вы знаете о Луне?» «Мало,— честно ответил я,— но хочу знать все». Он внимательно оглядел нас и сначала повел пить чай, который уже заваривала приветливая Варвара Евграфовна.

— А как выглядел Циолковский?

— Высокий, седой. В просторном мягком пиджаке. Держал у уха слуховую трубу, которую сделал сам. Взгляд удивительный — чуть наивный, открытый и в то же время мудрый, внимательный — понимаешь, что он видит тебя насквозь, но деликатно не показывает этого, чтобы тебя не смущать.

После чая мы попросили Циолковского показать нам свою мастерскую. Вылезли через «дверь в космос» на плоскую крышу. И вот здесь-то и начался деловой разговор.

Никогда за всю мою долгую жизнь я не встречал такого консультанта — нет, не просто знающего предмет, увлеченного, но наделенного ярким, образным, я бы сказал, кинематографическим видением. Он сразу в своем воображении увидел наш фильм, еще раньше нас, и повел нас за собой... «Вздорную фильму нам не надо!» — серьезно говорил Константин Эдуардович. Фильм, хотя и фантастический и художественный, должен иметь научную основу. Надо правильно, реально показать и мир без тяжести, и кабину космического корабля, и одежду астронавтов, и черный космос с немигающими звездами, и мягкую посадку на Луну... Нет, он не требовал строго научного фильма, чего мы опасались. Этот человек, кроме своего научного гения, был наделен мощной фантазией сказочника и поэта. С ним удивительно работалось, легко, радостно. Здесь-то вспомнил он о мягкой кукле на шарнирах. Оказывается, она была нужна ему, чтобы наглядно продемонстрировать нам положение человека в невесомости межпланетного корабля и открытого космоса. Он положил к себе на колени дощечку и легко набросал некоторые эскизы к фильму, космический ракетоплан, выход межпланетного путешественника в открытый космос, скафандры. Причем интересно, я недавно показывал эти эскизы космонавтам. Один из них, кажется, Севастьянов, удивленно воскликнул: «В таком скафандре я только что тренировался!»

О космосе, о Луне, о звездах Циолковский знал все, будто сам побывал там. Он так и рассказывал: «Когда я впервые вышел из ракетоплана на Луну, на мне был скафандр... Я сделал легкий прыжок вперед и улетел на несколько шагов...» И как бы между прочим: «Вы запомнили, что притяжение на Луне в шесть раз меньше, чем у нас? Вот скачками и можете двигаться вперед, а лучше — по-воробьиному». Он негромко рассмеялся и продемонстрировал нам, как это — «по-воробьиному».

— А потом, виделись ли вы с ним потом? — нетерпеливо спрашиваю я.

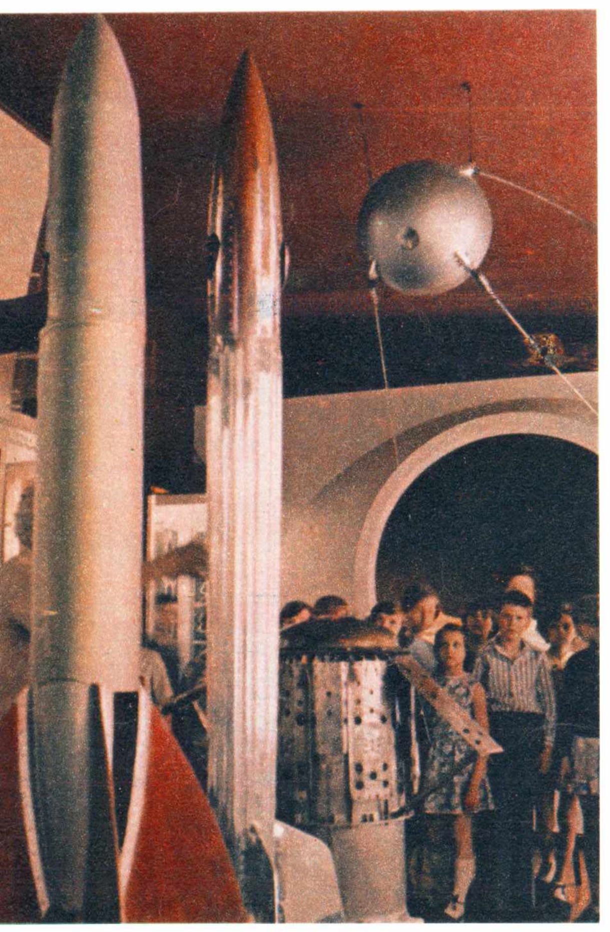
— Виделись. И переписывались. Свои обязанности научного консультанта выполнял Константин Эдуардович с редкой добросовестностью. Писал нам, давал советы, сам сделал множество рисунков и схем с поясняющими подписями. Письма его полны заботы, фактических советов. Я с восторгом работал над фильмом и не очень задумывался над тем, что старый ученый не только распахивал передо мною дверь в странный мир космоса,— незаметно, ненавязчиво он открывал передо мной путь к мастерству, к точности, к глубине постижения темы. Он был не просто ученым — Учителем, Воспитателем с большой буквы.

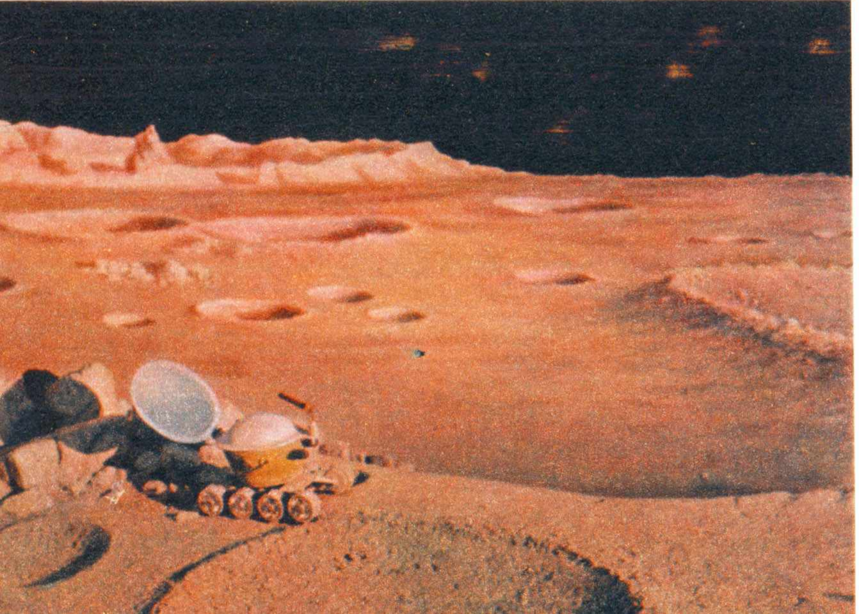
Вторая встреча была весной тридцать четвертого года. Мы привезли нашему консультанту сценарий, эскизы, которые он одобрил.

«Ну теперь можете отправляться в космическое путешествие,— сказал он на прощание, и уже серьезно прибавил: — До последнего времени я предполагал, что нужны сотни лет для полетов с космической скоростью. Но непрерывная работа в последнее время поколебала мои пессимистические взгляды: найдены приемы, которые дадут изумительные результаты уже через десятки лет».

В музее К. Э. Циолковского в селе Ижевское на родине ученого. Лунный пейзаж * Фисгармония в гостиной Циолковского.

УЧЕНЫЙ-ОТШЕЛЬНИК! НЕТ, УЧЕНЫЙ-ОРГАНИЗАТОР, УЧЕНЫЙ-ГРАЖДАНИН!

Жил в станице Славянской мальчик. Увлекался техникой и особенно авиамоделированием и ракетным делом. Взахлеб читал научно-фантастические романы. А когда он перешел в 7-й класс сельской школы, услышал от учителя, что в Калуге живет ученый, теоретически обосновавший космические полеты. В этот же день мальчик послал письмо в Калугу — просил ученого прислать ему свою книгу о межпланетных сообщениях.

— Ох и ругали меня дома,— вспоминает Аркадий Тигранович Улубеков, ученый секретарь совета ветеранов Федерации космонавтики СССР.— «До тебя ли ученому? Не будет же он переписываться с пионером!»

А он стал переписываться с ним, как со многими и многими другими. И присылал мальчику свои книги, те, что он написал в Калуге, с разъяснениями на обложках, сделанными карандашом его характерным крупным почерком.

Вот уже много лет конструктор и изобретатель, автор книги «Земля — космос — Луна» А. Т. Улубеков принимает участие в чтениях Циолковского, пропагандирует его идеи.

— Я часто думаю, что именно Циолковскому, его книгам, его личным объяснениям, советам обязан я тем, что увлекся техникой, авиацией, ракетами,— говорит он.— Первое письмо я написал ему в тридцать первом году и переписывался все три года, пока не окончил десятилетку. А уже после его смерти, в тридцать шестом, поступил на мехмат МГУ.

В тридцатые годы комсомольцы-энтузиасты, увлекающиеся ракетной техникой, молодые ученые и конструкторы группировались вокруг газодинамической лаборатории — ГДЛ, ГИРДа — группы изучения реактивного движения, реактивного НИИ и Стратосферного комитета Осоавиахима. Там начинали пионеры ракетной техники, будущие академики С. П. Королев и В. П. Глушко, известные конструкторы М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев, А. И. Полярный, И. А. Меркулов и многие другие. В те годы страна штурмовала стратосферу. С организациями Осоавиахима был тесно связан К. Э. Циолковский, помогал ученым, давал советы. Например, в своей статье «Труды о космической ракете (1903—1929 гг.)», которую Циолковский послал в 1934 году в Центральный совет Осоавиахима, он писал: «Ценность моих работ состоит главным образом в вычислениях и вытекающих отсюда выводах. В техническом отношении мною почти ничего не сделано. Тут необходим длинный ряд опытов, сооружений и выучки. Этот практический путь и даст нам решение вопроса. Длинный путь экспериментального труда неизбежен». И ученый надеялся, что этот «длинный путь экспериментального труда» пройдут они, его молодые последователи. В том же году С. П. Королев, бывший одним из организаторов ГИРДа, издал свой первый труд — «Ракетный полет в стратосфере» и подарил его Циолковскому, которого считал учителем. И как радовался Циолковский успехам своих молодых последователей, как помогал им советами, и научными, и организационными!

Об этом времени рассказывает мне Игорь Алексеевич Меркулов, бывший тогда руководителем ракетной группы Военно-научного комитета.

Еще в тридцатые годы Меркулов спроектировал на основе трудов академика Б. С. Стечкина первый в мире прямоточный воздушно-реактивный двигатель для ракеты, в 1939 году под Москвой, на станции Планерная, успешно была запущена двухступенчатая ракета его конструкции. У него около 100 научных работ, он постоянный участник чтений Циолковского. На этот раз Меркулов привез в Калугу доклад об эффективности идей Циолковского о разгоне космических ракет на эстакаде.

— Мне кажется, до сих пор не всегда правильно оценивается образ Циолковского,— задумчиво говорит Игорь Алексеевич.— Ему выпала действительно трудная жизнь. Он мужественно сносил болезни, глухоту, материальные трудности, непризнание своих работ, нет, не учеными, а чиновниками от науки, особенно в царское время. Но несмотря ни на что, Константину Эдуардовичу выпала счастливая судьба. Да, он был счастливым человеком. Он был счастлив в своем научном творчестве, знал, понимал, какие интереснейшие проблемы, какие величественные перспективы открываются перед человечеством. И сам, познав эту радость научного творчества, стремился открыть ее и другим. У него был не только талант ученого, но и воспитателя и, безусловно, организатора. Поэтому-то, по существу, все возникавшие в тридцатые годы группы по ракетной технике писали ему, обращались за советом. Так, в январе тридцать четвертого, когда возникла наша ракетная группа при Военно-научном комитете, написал и я.

— Чем помогал вам Циолковский?

— Прежде всего самым главным — своими научными работами, которые высылал нам. При его поддержке мы стали издавать сборник «Реактивное движение». Во втором номере этого сборника, например, были опубликованы некоторые работы Циолковского.

Игорь Алексеевич показывает несколько фотокопий писем Циолковского к нему. Письма эти мало известны и полностью еще не публиковались. Беру наугад одно из них, от 24 июня 1934 года.

«Многоуважаемый И. А., я очень сокрушаюсь, что совершенно не могу выполнить лестное для меня желание Секции о приезде в Москву: старость, болезнь и глухота мешают.

Но статьи для Секции у меня есть, и я рад ими служить делу. Но, к сожалению, мои работы революционного характера и когда попадают на суд ученых и специалистов, то задерживаются, как несогласные с обычным течением вещей.

Во всяком случае, я попытаюсь прислать Вам работу для следующего сборника...

Я мог бы дать Вам одну из моих речей по реактивному движению, прочитанных (не мною) по радио — для замены меня самого на Вашем празднике. Кто-нибудь из Вас может ее прочесть.

Кстати, у меня есть новые мысли и расчеты о легких, уместительных (компактных), дешевых и могучих двигателях. Где их напечатать и куда обратиться, если это нужно будет засекретить для СССР?

Они применимы: к заводам, быстрым поездам, автомобилям, аэропланам, дирижаблям и, в особенности, — к стратопланам.

Не знаю, есть ли у нас Институт моторов? С товар. приветом

К. ЦИОЛКОВСКИЙ».

— Мы настойчиво приглашали Константина Эдуардовича в Москву на праздник Дня авиации,— комментирует письмо Меркулов.— Были убеждены: его поддержит наша любовь к нему, восхищение его трудами. Он увидит, что они уже стали практически осуществляться. Я уж не говорю, как важна была встреча с ним для нас! Думаю, и ему хотелось своими глазами посмотреть парад, увидеть то, что мы делаем. Ведь он возлагал большие надежды на коллектив молодых ученых и инженеров, объединенных, увлеченных одной идеей. А мы были как раз таким коллективом. Но здоровье его ухудшалось. Вот видите, он пишет третьего августа того же года: «Я почти не встаю с постели, и едва ли мои поездки в Москву состоятся. Пока высылаю для сборника или для журналов три небольших статьи... Для № 2 сборника и следующих у меня найдется достаточно статей (довольно доступных и оригинальных) на темы: трения, сопротивления среды, новые моторы и проч. И я рад быть полезным».

Беру в руки фотокопию еще одного письма Циолковского к Меркулову: грустное, мужественное, доброе. Оно написано 12 августа 1934 года.

«Многоуважаемый Игорь Алексеевич,

Мое тело представляет печальную картину старческого разрушения. Не говорил бы об этом, да надо оправдаться... Только еще мозг немного работает. Надеюсь еще быть полезным. Эта надежда заставляет меня хранить жизнь. Лучше живой в Калуге, чем мертвый в Москве. Так я думаю, хотя, может быть, и ошибаюсь... Я охотно принимаю желающих со мною посоветоваться. Хорошо только предупреждение. Но и без предупреждения дело обходится... Есть ли у Вас мои книжки? Вам, как руководителю, может быть, желательно их иметь. С удовольствием вышлю, если у Вас их нет под рукой.

Ваш ЦИОЛКОВСКИЙ».

— А какое письмо вы получили от Константина Эдуардовича последним?

— Вот это. Мы поздравляли его с днем рождения, вспоминали о праздновании его 75-летнего юбилея в 1932 году в Москве, в Колонном зале Дома союзов, говорили о его огромном авторитете, любви к нему самых широких масс. «Мы надеемся,— писали мы,— вместе с Вами совершить многое в нашем великом деле и добиться полетов людей на аппаратах с реактивными двигателями». Он ответил 8 декабря 1934 года: «Дорогие товарищи! Я очень тронут Вашим вниманием и благодарю за него. Ваши надежды я разделяю и верю в их осуществление. Работаю мысленно с Вами. Ваш К. Циолковский.

Не поможете ли пристроить работу о предельной скорости вращающихся частей. Много формул. Всего 10 страниц машинописи».

И еще одна приписка: «...Ломаю голову над легкими (компактными) и мощными двигателями для стратоплана».

— Он трудился до последнего вздоха,— тихо говорит Меркулов.— И как нам не гордиться, что первое воплощение его мечты родилось в нашей стране. И не случайно 25 лет назад, в столетний юбилей Циолковского, ушел в космос первый искусственный спутник Земли.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ

Виктор Александрович Сытин сам калужанин и знает Константина Эдуардовича со своих шести лет. Ученый был близок с его дедом — хранителем Калужского музея Ассоновым.

— То была предыстория,— улыбается в бороду Виктор Александрович.— А если говорить всерьез, то я четыре раза встречался с Константином Эдуардовичем. Первый раз — в тридцать втором, последний — в тридцать пятом.

В. А. Сытин — писатель и один из старейших деятелей нашей авиации. Работал в газодинамической лаборатории, был руководителем Стратосферного комитета Осоавиахима, преподавал в Институте гражданской авиации. Им была написана интересная, в то время новаторская книга «Стратосферный фронт», рецензию на которую опубликовал в 1937 году С. П. Королев, среди прочих ее достоинств отметив, что она «прекрасно написана».

Спрашиваю, как встретил его ученый, что говорил.

— Встретил радушно, как встречал всех. Увидел меня — замахал рукой: «Я ничего не слышу. Входите, пожалуйста. И ничего пока не говорите. Может быть, вы хотите есть? Или чаю?»

А когда мы поднялись к нему наверх, выслушал меня, приставив к уху свою трубку, похожую на воронку, и рассказал, что к нему часто теперь приезжают те, кто практически интересуется его идеями. Был из ГИРДа Тихонравов, пишет Глушко. Были из ЦАГИ насчет дирижабля. «Я очень радуюсь этому. Я понимаю, что им трудно, а как же иначе? Изобретения идут в жизнь всегда, преодолевая препятствия». И еще он говорил о том, что наука теперь в нашей стране стала народной. Есть люди, которые, как и он, уверены в том, что человек не может вечно оставаться на Земле, он обоснуется во всей солнечной системе.

Помню, я спросил его: почему на его книжках, что он издал в Калуге, нет цены? И знаете, что он ответил? «Книга — это материализованная человеческая мысль. А разве можно оценить мысль? Поэтому и книги не должны иметь цену. Я уверен, в будущем все книги будут бесплатными. Кому нужно, тот и возьмет, что ему необходимо для чтения — развлечения или для дела».

Потом Сытин приезжал в Калугу осенью 1934 года по делам Стратосферного комитета. Теперь Константин Эдуардович получил новый дом.

— Я рассказал ему о нашем комитете, о конференции по изучению стратосферы,— вспоминает Виктор Александрович.— Сказал, что обязательно пришлю ему труды конференции, как только выйдут. Там печатается и его работа о стратостатах.

— А когда вы были у него последний раз?

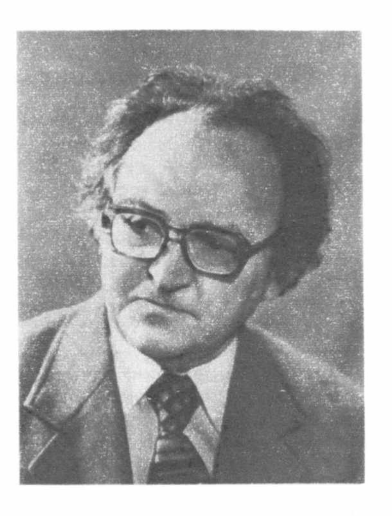
— В тридцать пятом. Он был очень плох, лежал в постели. Сказал: «Простите старика, разговаривать не могу... Берегу силы... Продолжаю работать. Прощайте, и всего вам доброго».

Он берег силы, чтобы работать. Вскоре я получил от него новую статью — «Авиация, воздухоплавание и ракетоплавание в XX веке». «За эрой самолетов винтовых последует эра самолетов реактивных... Ракеты преодолеют земное притяжение...» — писал он слабеющей рукой, но с твердой верой, что все это осуществится.

...«Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры» — таким было завещание ученого-гражданина, человека, который незадолго до смерти сказал: «Только моя пролетарская великая страна, только моя родина может поддерживать и воспитывать людей, которые смело ведут новое человечество к счастью и радости».

В музее К. Э. Циолковского в селе Ижевское. Рабочий стол * Модели ракет * Луноход * Панно «Первый космонавт» * В Музее истории космонавтики в Калуге — городе, где жил и работал К. Э. Циолковский.

БАБКИН ЛАЗАРЕТ

Иван ЛАЗУТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди...

К. Симонов

Как-то, наводя порядок в своем письменном столе, где иногда накапливается столько необязательных бумажек и наспех брошенных писем, я совершенно случайно наткнулся на реликвию военной давности — на иконку, выпавшую из старой, уже пожелтевшей записной книжки. На маленькой, не больше игральной карты, тонкой картонке был изображен лик Георгия Победоносца.

Нахлынули воспоминания, связанные с иконкой. Я даже не заметил, как в мою комнату вошел сын, озорной дотошный пятиклассник, и, подкравшись ко мне из-за спины, как он это часто делал, крепко обнял меня. На его языке это означало: «Доброе утро, папа, я встал...»

Я даже потом, спустя полчаса, не мог понять, почему я так резко и так поспешно, словно застигнутый за чем-то неприличным, попытался спрятать иконку, чтобы ее не видел сын. Но дети есть дети. Горизонт их любопытства уходит в бесконечность. А запретный плод для них в сто раз слаще, чем для взрослых.

— Папа, ты чего спрятал? — спросил сын и строго, как-то не по-детски посмотрел на меня.

— Это так, сынок... Документ один,— попытался отговориться я, но это сына не убедило.

— Папа, это не документ. Я знаю, что это.

— Что?! — в раздражении вырвалось у меня.

— Это иконка. Я знаю... Документы бывают не такие.

— Ну и что ты хочешь сказать этим?! Ну, допустим, иконка, а дальше?

Мой раздраженный тон явно не понравился сыну. Его желание повозиться со мной и посыновьи пообщаться в это прекрасное воскресное утро, когда в его комнатке не трещит будильник и когда через полуоткрытую дверь после звонка до его слуха не доносится голос матери с одними и теми же неприятными словами побудки: «Сынок, вставай...», «Ну, сколько можно тебя будить?», «Опоздаешь в школу...» — сразу погасло,— оттолкнул мой тон, холодный, с нескрываемым раздражением.

— А еще коммунист!.. Еще в партбюро неделю назад избрали...— Сын стоял посреди комнаты с кислой физиономией и отчитывал меня. Я даже растерялся. Первую минуту я не знал, что ему ответить, смотрел на него и сразу не мог сообразить: кто из нас прав? Что нужно делать: строжиться, немедленно выгнать его из кабинета, сказать, чтоб не совал свой нос в дела взрослых, или... поговорить. Причем поговорить серьезно, по-отцовски. И пока я раздумывал, какое мне принять решение, сын вскочил на стул, с книжной полки достал том в темном переплете и положил передо мной на стол.

— Прячь свою иконку вот в эту книгу. Чего ей зазря стоять?

Передо мной лежала «Библия для неверующих», которую я купил год назад, но так еще и не удосужился перелистать.

Вот тут-то уж я понял, что окриком здесь не обойдешься, тут нужна тонкая, умная беседа, вернее, рассказ, причем рассказ честный, о том, как попала в мою старую записную книжку крохотная бумажная иконка Георгия Победоносца.

— Ты завтракал? — спросил я.

— Нет,— ответил сын, все еще глядя на меня исподлобья.

— Тогда ступай позавтракай, и я расскажу тебе об этой иконке.— Я отодвинул ящик стола, достал из него иконку и подал ее сыну. Он долго и внимательно рассматривал ее и, ничего не сказав, протянул мне.

— Вначале расскажи, а потом буду завтракать.— Сын уселся поудобнее в кресло и приготовился слушать. Он всегда любил слушать, когда я рассказывал о войне.

В марте 1944 года, после успешно проведенной артподготовки, в результате которой под нашими гвардейскими снарядами легла целая неприятельская дивизия, занимавшая город Энск, наша бригада, прорвавшая во взаимодействии с пехотой линию вражеской обороны, была отведена на кратковременный отдых в небольшой белорусский городок Речица. Со своим неразлучным другом сержантом Алексеем Вахрушевым мы определились на постой к одинокой старушке, которую все звали попростому бабкой Василисой. Была она кругом одинока: дочь угнали в Германию, два сына погибли в партизанах, муж погиб в гражданскую — и жила до того бедно, что трудно представить, как она до сих пор таскала ноги и не померла с голода и от нужды. Кроме нескольких мешков картошки, чудом сохранившихся после отступления немцев, у старухи не было ничего. В избе хоть шаром покати — голые стены и голые сосновые лавки вдоль стен. Расшатанная деревянная кровать была накрыта грубым рядном, которым бабка укрывалась ночью, подкладывая под голову какое-то тряпье. Даже подушки — и той не было у старухи. А когда сержант спросил, где же ее подушки, неужели и их немец взял, бабка Василиса вздохнула и махнула рукой.

— Все, что у меня было, увезла сыновьям в партизанские землянки. Сама ютилась у двоюродной сестры до прихода наших, а когда вы пришли, то надумала умирать в родной хате. Хорошо, что бульбочка спасает. Да ничего, мне-то что... Вот вам бы домой живыми-здоровыми вернуться.— Бабка встала и трижды перекрестилась на иконку, висевшую в правом переднем углу. Остальную обстановку хаты довершали колченогая сосновая табуретка, грубо сбитый квадратный стол, до того расшатанный и так заскобленный, что сучки в досках выпирали, словно бугры-нарывы на золотушном теле больного человека. Из-под печки торчали черные ручки ухватов и клюки. Даже ведро с водой и то было в нескольких местах залеплено не то глиной, не то воском.

Вставала бабка Василиса рано. Наспех умывшись, как кошка лапой, она тихо, бесшумно, чтобы не разбудить нас, опускалась на колени и долго молилась, кладя земные поклоны, и при этом что-то нашептывала.

Первое, что делала бабка после утренней молитвы, это лезла в подпол и доставала оттуда полведра картошки. Потом, склонившись над чугуном, чистила картошку, растапливала бог весть откуда принесенными дровишками печь, бесшумно на катке закатывала в нее чугун с картошкой и уже почти не отходила от печки.

Сержант Вахрушев с самой осени страдал фурункулами. Не успеет пройти один — где-нибудь поблизости назревает другой. С наступлением весны фурункулез обострился. С ног и груди чирьи переползали выше, к голове. А последние две недели он и вовсе не мог поворачивать голову. Окликнешь его — он на зов разворачивался по-волчьи, всем телом. Командир батареи посылал его в бригадный медсанбат, поговаривал о госпитализации, но Вахрушев, закрыв глаза, еле заметно молча покачивал головой: не хотел отставать от своей части. Ведь с нею он участвовал в жестоких боях на Орловско-Курской дуге, где горело все: земля, железо, небо, люди... Сколько боевых друзей осталось лежать в земле, которая в истории войн навечно врублена под именем «дуга».

На третий день своего постоя у бабки Василисы мы привезли ей огромную машину дров, благо, что леса белорусские, как нам на солдатский глаз казалось, простираются без конца и края. Сосновые, смолистые дрова горели дружно, звонко постреливая в печке. Испилили, искололи их до последнего бревна, высокой поленницей сложили в сенцах и в чулане. Бабка радовалась, не знала, чем угодить нам. И все выискивала случай ответить на нашу заботу добром: то выстирает, пока мы спим, портянки, то сапоги вымоет и смажет березовым дегтем, который у нее еще с довоенных времен висел в чулане в черепушке. Когда мы узнали, что она уже давно не стирала с мылом (да и что ей стирать-то было — одному богу известно), то принесли ей целое ведро жидкого пахучего мыла. Она вначале сочла его за деготь, а когда поняла, что это мыло не хуже, а даже лучше твердого, в кусках, то тут же полезла в погреб, достала оттуда несколько молочных кринок, затянутых паутиной и подернутых пылью и плесенью (молоко в них бабка наливала до войны), и принялась в них опрастывать ведро.

Мы смотрели на бабку и молчали. Не знаю, как в тамбовской деревне у сержанта были дела с мылом, а мне из Сибири мать писала, что с мылом до самой зимы дело совсем было плохо, а в середине января у железнодорожного переезда полетела под откос цистерна с каким-то жидким жиром, так они ее чуть ли не всем селом украдкой возили на санках и научились сами варить мыло. Да еще какое получается мыло, писала мать, что твое ядровое. А перед Новым годом даже удалось потихоньку продать на базаре десять кусков и купить Петру, младшему брату, новые валенки.

Опростав ведро, бабка Василиса заколготилась, не зная, как бы и чем бы его отмыть от мыла, что осталось на дне и на боках ведра. Первую минуту мы с сержантом тоже ломали голову и даже хотели остатки мыла выжечь в печке, но потом вдруг Вахрушев, словно осененный чем-то, закрыл глаза, замер, поднеся ладонь к лицу, и от души громко расхохотался.

— Чего ты ржешь, Пичава-матушка? — спросил я.

«Пичавой» я иногда называл сержанта, когда подтрунивал над ним. Уж больно любил он

нахваливать свое село Пичаву, в котором, по его словам, звон колоколов пятиглавого собора слышен аж на сорок верст. Даже до города Моршанска доносится гул самого большого, в тысячу пудов. А что колокол весит тысячу пудов, Вахрушев чуть ли не клялся.

— Голова садовая, зачем его выжигать? Ведро нужно просто-напросто вымыть, причем вымыть с мылом. А мыло уже в ведре.

Тут и нас с бабкой разобрал смех. Василиса махнула рукой и поправила под старым клетчатым платком то и дело спадающую на лоб жиденькую прядку седых волос.

— Совсем из ума выжила старая. Да и вы-то хороши, за мной туда же. От мыла вздумали отмывать. Эко сообразили.

А когда бабка узнала, что в придачу к мылу и ведро получила от нас в подарок, тут уж она вовсе возрадовалась.

— А я-то мыкалась со своим: в одном месте заткнешь — в другом потекло. Да, как на грех, жестянщик Кузьмич зимой ослеп. Даже солнца не видит. Пробовал на ощупь кое-чего по мелочи делать, а без глаз-то куда? С утра до вечера сиднем сидит на завалинке и все на солнце глядит, а не видит его. Идешь мимо его хаты — аж сердце сжимается.

В тот же вечер бабка по-жаркому, не жалея дров, истопила соседскую баню, а когда мы вымылись и переоделись в чистое белье, что получили от старшины батареи, бабка прожарила в бане над раскаленными камнями наше грязное, потное белье, выстирала его, за ночь просушила у печки и утром прокатала рубелем. Сквозь сон я слышал знакомый глуховатый грохоток, но никак не мог догадаться, что это за звуки доносятся из первой половины хаты. Но, открыв глаза, сразу все понял. И тут же мысленно представил свою бабушку, которая где-то далеко в Сибири вот так же стоит у стола и катает рубелем белье.

Сухой паек, который мы получали с сержантом, полностью отдавали бабке. А когда она увидела на столе перед собой большой, граммов в триста, кус сахара, то даже прослезилась.

— Господи!.. Неужели люди снова будут жить, как люди? Больше двух лет не пила чай с сахаром. Даже отвыкла. Как будто его сроду и не было. Да только не откусить мне его, всего три зуба осталось. Уж я как-нибудь без сахара, детки мои хорошие. Я-то по-стариковски обойдусь и без сласти.

Удивительное чувство душевной радости и просветления испытывает человек, когда, не теряя почти ничего или мизерную долю каких-то своих личных удобств и удовольствий, приносит ближнему человеку радость и облегчение.

Всякий раз, когда мы втроем садились за стол и начинали наше солдатское пиршество (а для наголодавшейся Василисы наши обеды и ужины казались поистине пиршеством), бабка, расчувствовавшись, не раз подносила к влажным глазам уголок своего клетчатого платка. А кормили нас, гвардейцев, хорошо. Все было: и мясные консервы, и полторы буханки хлеба на день, и сахар, перепадала и душистая американская тушенка.... Ну и, конечно, из песни слова не выбросишь: «...По сто грамм нам положено, фронтовой наш паек...» Правда, после первого нашего общего обеда, когда сержант налил бабке «лампадку» водки, она замахала руками и наотрез отказалась:

— Ни капли!.. Грех... Пейте сами. Зарок дала.

Мы не стали настаивать, так как и самим-то было мало, да к тому же не хотели нарушать бабкиного зарока.

Одним словом, пока мы квартировали у бабки Василисы, она была для нас всем: и начпродом, и поварихой, и прачкой. Только я заметил: то ли она боялась нас объесть, то ли за годы оккупации так наголодалась, что обходилась с едой как-то по-цыплячьи; в общем, что получше, то нам с сержантом, а себе шкварочки, остаточки, все на ходу да на скорую руку... Уж такой у нее был характер и такая душа. О сыновьях-партизанах, казненных карателями, мы узнали от соседей через три двора, когда искали себе хату на постой. Те посоветовали не расспрашивать бабку о гибели ее сыновей, заживо сожженных в старой мельнице соседнего села. Мы и не стали расспрашивать даже тогда, когда она сама показала нам их фотографии. Просто сочувствующе помолчали и закурили.

Спала бабка Василиса, как сверчок, на узенькой лежанке между русской печкой и глухой, давно не беленной стеной. Постелью ей служил холщовый мешок, набитый уже слежавшимся и давно превратившимся в труху сеном, в изголовье пестрели какие-то тряпки, и все это было накрыто стареньким ватным одеялом из разноцветных лоскутов-треугольников.

Сержант Вахрушев из-за фурункулеза (бабка в первый же день сказала: «Первое средство от чирьев — тепло и хороший харч...») свил себе гнездо на русской печке, где при его почти саженном росте приходилось спать скрючившись и, как он шутил, «по диагонали». Правда, слово «диагональ» бабка Василиса поняла по-своему, по-бабьему, по-довоенному.

— Эх, Алеша, какая тут дигональ?.. Сейчас бы хоть ситчику на белье да аршин десять милюстину, чтобы справить себе смену. А то ведь в чем в подпол, в том и в церковь. Прямо грех на душу берешь. А где взять? Да и на что?..— Бабка вздохнула, а сержант не стал напрягаться, чтобы объяснить старушке, что та диагональ, о которой он сказал, вовсе не материал.

Я устроился на широкой деревянной кровати, накрытой рядном. В изголовье приспособил старую фуфайку из списанного обмундирования, которую выпросил у старшины на ветошь для протирки боевой машины. Накрывался шинелью. Для пинских болот, где ни вырыть блиндаж, ни укрыться в землянке, наш постой был роскошью. А чтобы шло тепло и в мою комнату, дверь днем и ночью была настежь открыта, и мне было хорошо видно, как сержант Вахрушев, кряхтя и не поворачивая головы, осторожно, медленно и со сдержанным стоном размещался на печке «по диагонали» и замолкал.

Словно помогая нам наверстывать старый

«недосып» (в это время среди фронтовых солдат прочно жила теркинская тактика «спать за прежний недосып»), бабка не жалела дров, топила печь так, что краснел под и ожившие тараканы тучами ходили по чувалу печи и по потолку над сержантом, который насчет тараканов сделал свое веское заключение: «Русская печь без сверчка и тараканов — все равно что свадьба без гармони». Эта шутка бабке понравилась. И она не замедлила подкрепить философское обобщение Вахрушева:

— Что верно, то верно. Сверчок да таракан не в каждой избе приживаются. Их к добру тянет. Рядом со злым человеком сверчок дохнет, а таракан уходит к соседям. Это еще до меня старики заметили, я, когда была девчонкой, слышала это.

А сержант, обжигая о горячие кирпичи бока, подтыкая под себя шинель и вещмешок, подавляя стон, шутил:

— Бабуся, эдак я взорвусь, как бочка с порохом!.. Кирпичи уже шипят.

— Грей, грей косточки-то,— ворчала бабка с материнской сердечной теплотой, закрывая задвижки в трубе.— Хворь простудная боится тепла, как черт ладана.

Как ни гнал мой друг простуду теплом, она его все-таки одолевала. Четыре фурункула, вскочившие на шее ниже затылка, разбухали все сильнее, наливались кровью и сплывались в единый огромный нарыв. Временами сержанта прошибал пот, у него поднималась температура — я это ощущал без градусника приставленной к горячему лбу ладонью,— и он, мокрый, как мышь, тяжело дыша, тихо стонал.

Я уже в который раз принимался уговаривать его лечь в госпиталь, а не глотать таблетки стрептоцида, которыми его с самой зимы пичкал наш военфельдшер. Но сержант был неумолим.

— Ты что, хочешь сбагрить меня из гвардии в какой-нибудь хозвзвод запасного полка?! Нет, Ваня, шалишь... Мы еще дадим с тобой гвардейские залпы по Берлину. А в Берлине, говорят, есть какой-то рейхстаг, откуда идут все команды фашистов и где находится главный кабинет Гитлера.

Я видел, что все мои уговоры бесполезны, и умолкал. Я хорошо понимал сержанта. Провоевать всю войну на «катюшах», пережить ад Орловско-Курской дуги и остаться живым, потом с тяжелейшими боями форсировать Днепр, на обоих берегах которого похоронили лучших боевых друзей, и вдруг из-за каких-то фурункулов, которые и раньше, до войны, не раз и не два беспокоили его, отстать от своей части.

На пятый день жительства у бабки сержант к обеду не встал: сказал, что пшенный суп ему осточертел. Отказался он и от поданной ему на печку рисовой каши с жирной американской тушенкой, которую бабка сварила на духу в печке. Когда я, поднявшись на приступок печки, протянул ему стакан водки — нашу общую дневную норму, он болезненно искривил лицо.

— Не могу... Голова... Раскалывается... Как будто в ней пожар... И боль...

Видя, что болезнь принимает серьезный оборот, я отложил обед и пошел к дивизионному военврачу, который со своим медпунктом расположился в уцелевшем крестовом доме на соседней улице. Но, как назло, военврача в медпункте не оказалось. Пришлось разговор вести с дежурной медсестрой, которая о фурункулезе сержанта уже знала давно и так же, как и я, советовала ему ложиться в госпиталь.

— У него уже не фурункулы, а огромный карбункул, и не где-нибудь на теле, а у самой головы, где проходят крупные кровеносные сосуды к мозгу. С этим шутить нельзя. А то с его упрямством будет ему и Берлин и рейхстаг,— ворчала медсестра, семеня следом за мной.

Маленькая и, как веточка вербы, тоненькая, в больших сапогах и туго перехваченная широким командирским ремнем, который опоясывал ее чуть ли не два раза, медсестра в свои восемнадцать, от силы двадцать, лет напоминала мне моих школьных сверстниц сорок первого года, с которыми мы танцевали на выпускном вечере школьный вальс за два дня до начала войны.

Шмыгая носом, она сняла шинель и, как козленок, легко забралась на печку с градусником в руке. Сунув его под мышку сержанта, она принялась расспрашивать его о самочувствии, а сама держала свою маленькую холодную ладошку на лбу больного. Сержант словно выдавливал из себя слова.

Сестра аккуратно разбинтовала шею сержанта, зажгла спичку и молча осмотрела фурункулы больного.

— Где больше болит? — тихо спросила она.

— Голова... С затылка...

— Кроме стрептоцида, ничем помочь не могу. А его ты переглотал дай боже. Влияет на сердце. Тебе бы порошков десять пенициллина. Это так хорошо помогает при фурункулезе. Но его у нас нет.

— Заходил я вчера в медсанбат соседней пехотной дивизии, просил, хотел даже купить, но он, говорят, на вес золота,— сказал я сестре.— Но старшина обещал.

Не зная, чем помочь больному, сестра рассеянно смотрела на наручные часы, сторожа время, чтобы взять у больного градусник.

— Да, температура высокая,— вздохнув, сказала сестра и стряхнула градусник.— Тридцать восемь и пять. В госпиталь, немедленно в госпиталь! — Гремя сапогами, она стала слезать с печки.— Я сейчас же иду к военфельдшеру и выписываю тебе направление. А ты,— она посмотрела на меня, словно я был у нее в подчинении,— сейчас же иди к начальнику штаба и выписывай на сержанта аттестат. С такой температурой шутить нельзя.

Упоминание о госпитале резануло сержанта, как ножом по сердцу. За войну он уже три раза лежал в госпиталях: два раза по ранению и раз после контузии. Кроме больничной тоски, запаха лекарств и коечных смертей, ничего в госпиталях он не увидел. Лежать в одной палате со слепыми, с безногими, с искалеченными на всю жизнь...

— Сестрица, пока не нужно... Подождем еще денька два, постараюсь здесь отлежаться... Старшина медсанбата мне обещал достать десять грамм пенициллина. Думаю, не обманет.

Только после ухода медсестры сержант под строгим секретом сказал мне, что за пенициллин он обещал старшине немецкий восьмизарядник-«браунинг». Этим трофеем сержант гордился. Он снял его с убитого генерала на Орловско-Курской дуге, в блиндаже под Поныпями.

Пенициллин... Когда-то ты был великим открытием времени. Ты вооружил медицину могучим орудием борьбы за человеческую жизнь и ознаменовал собой новую эпоху — эру антибиотиков. Теперь же, когда достижения фармакологии возрастают в геометрической прогрессии, более молодые и усовершенствованные собратья-антибиотики (названия их уже не перечислишь) обскакали тебя по своим лечебным результатам, и на тебя кое-кто стал смотреть так же, как в век космических ракет, электропоездов, гигантских тракторов и усовершенствованных комбайнов смотрят на двухлемешную патриархальную соху, которую некогда, изнемогая, тащила лошадь, ставшая в классической физике единицей измерения механической работы.

Тебя многие уже обошли, старик пенициллин, но ты был одним из первых в ряду грандиозных открытий века.

В сенках я упросил сестру пока не говорить военфельдшеру о состоянии здоровья сержанта. Я почему-то верил, что его организм переборет болезнь и дело пойдет на поправку. Тут же попросил ее принести каких-нибудь лекарств, хотя бы аспирину, чтобы сбить температуру. Сестра ничего не ответила и, сгорбившись, вышла из сенок.

Через полчаса она вернулась, принесла несколько порошков сульфидина, который тоже был дефицитом, две таблетки аспирина, велела тут же их принять и, не беспокоя больного, который, измученный болями, заснул сразу же после ее ухода, наказала мне следить за ним.

Поздно вечером, часу в одиннадцатом, сержанту стало хуже.

Я курил папиросу за папиросой, чутко прислушиваясь через открытую дверь к звукам, доносившимся из соседней комнаты, откуда время от времени в равномерную однотонно-скрипучую песнь сверчка вклинивались протяжные глухие стоны, перемежающиеся сдавленными всхлипами. Потом до слуха моего донеслись знакомые звуки металлического цоканья. Как бывалый солдат, более двух лет проносивший на груди автомат, я знал, что такое цоканье получается, когда досылаешь в патронник автомата патрон, чтобы сделать одиночный выстрел. «Неужели он, черт, задумал?..»— пронеслась в голове моей страшная догадка, и я, сбросив с себя шинель, вскочил с кровати. Через несколько секунд я был уже на печке рядом с сержантом. Автомат, который днем висел на крюке, вбитом в стену возле печки, теперь лежал около него, дуло находилось на уровне головы Вахрушева.

— Ты что надумал, Пичава?! С ума сошел?!

— Не могу, Ваня, сил больше нет терпеть...— И тут я услышал горькие рыдания. Плакал солдат, который в лицо видел смерть и ни разу не дрогнул перед ней. А тут...

— А ты терпи! — почти закричал я на сержанта, взял в руки автомат, разрядил его и спустился с печки. Меня всего трясло. После артобстрелов и бомбежек, под которыми приходилось лежать не раз, меня не бил такой колотун. Хорошо, что сердце словно почуяло беду и я, ворочаясь, долго не мог заснуть, ловя чутким ухом звуки, доносившиеся из кухни. Я оделся, закурил и уже хотел было идти за фельдшером, но меня остановил голос сержанта, жалобно донесшийся с печки:

— Не ходи, два местных госпиталя забиты ранеными, повезут в тыловой... А до него...

— Ну и хорошо,— возразил я.— В тыловых госпиталях лучше лечат.

— Но это несколько дней тряски...— еле слышался с печки голос Вахрушева.— В грузовике, потом в вагоне... Не выдержу... Не могу шевельнуть головой.

Я снова залез на печку, сел рядом с сержантом и принялся его уговаривать:

— Да ведь и так дальше нельзя... Какие муки-то принимаешь, а там как-никак врачи, есть даже профессора. Вылечат как миленького, получишь аттестат в зубы и нагонишь нас... Мы к этому времени будем где-нибудь уже у границы, если, конечно, будем живы...

— Нагонишь вас... А как миновать пересыльный пункт? Там не разбираются, кто ты — гвардия или не гвардия.

— А ты сделай, как Митрошкин. Тот мимо пересыльного пункта продул на четвертой скорости. Вышел на «варшавку», голоснул четвертинкой и к вечеру был уже у себя в батарее. Не падай только духом. Язык до Киева доведет. Что у тебя, память, что ли, отшибло: Первый Белорусский фронт, 5-я гвардейская минометная дивизия резерва Главного командования, 22-я гвардейская минометная бригада, а там-то свой-то дивизион, свою-то батарею, свою братву найдешь с завязанными глазами,— утешал я сержанта и в отсвете зажженной спички видел, что слова мои на него подействовали.

— Ну, ладно... Только сейчас не ходи, лучше утром,— тихо проговорил он.— Заверни мне, у меня табак под подушкой.

Я завернул добротную самокрутку, прижег ее, раскурил и, нашарив в темноте руку сержанта, вложил ее ему в пальцы.

И вдруг в темноте избы откуда-то снизу, из-за печки раздался скрипучий голос бабки:

— Вань, зажги свою лампадку, я встану...

Лампадкой она называла нашу блиндажную «люстру», сооруженную из гильзы 45-миллиметрового снаряда, в которую мы засовывали ленту шинельного сукна, потом сплющивали обрез гильзы и наливали в нее бензин, предварительно растворив в нем горсть соли, чтобы бензин не вспыхивал. Это изобретение, как рассказывали бывалые солдаты, появилось еще осенью сорок первого года в боях за Москву.

Я слез с печки и зажег «люстру». По избе разлился печальный желтоватый свет. Вылезла из своей конуры и бабка.

Нащупав ногами в темных шерстяных чулках валенки с прохудившимися литыми галошами, которые в войну местные умельцы научились клеить из негодных автомобильных камер, она обулась, набросила на голову свою клетчатую вигоневую шаль и обратилась ко мне:

— Ванюшка, ты посвети мне своей лампадой в сенцах, я на чердак слажу.

— Куда слазите? — вырвалось у меня.

— На кудыкину гору.— Взяв со стола «люстру», бабка вышла в сенки, ища глазами, на что бы ее поставить. Но, не найдя ничего, протянула ее мне.

— Держи. А кудыкать не имей привычку. Плохая примета. Пути не будет.

По ветхой лесенке, приставленной к стене, она легко забралась на чердак и скрылась в его черном зеве. Я стоял с высоко поднятой над головой «люстрой» и ничего пока не понимал.

Прошло минут пять, которые показались мне бесконечно длинными. Наконец в световом ореоле тускло освещенных сенок сверху показалась седая раскосмаченная голова бабки, чем-то напоминающая разбитый колесами придорожный репей. По спине моей пробежал холодок, когда мой взгляд встретился с ее бесцветным взглядом. Я даже отступил на шаг.

Но мои опасения, что бабка спятила, постепенно улеглись, когда она осторожно слезла с чердака, держа в одной руке какой-то узел, и вошла в хату.

— Пойдем, будешь помогать мне. Мы вылечим нашего Алешу не хуже, чем в вашем гошпитале.

С этой минуты я делал то, что приказывала мне бабка. Ее быстрые движения внушали мне веру, что она многое знает и может помочь сержанту.

Развязав узел, она вывалила из него на стол огромный пук льна, который на наших глазах разрастался и раскладывался по столу. Поставив «люстру» на загнетку печки, я с затаенным дыханием следил за каждым движением бабки, которая своими сухими изработанными, но еще крепкими, жилистыми руками проворно теребила лен и клала на край стола дымчатые невесомые кучки. Наконец я решился задать вопрос:

— Для чего это, бабуля?

— Все будешь знать, Ванюшка, скоро состаришься,— ответила она, продолжая пухлатить лен и складывать почти невесомые пучочки по краям стола.

— А теперь дай мне спички и подсади на печку.

Я отдал бабке свои спички и, пододвинув к печке лавку, помог ей забраться к сержанту и подал ей распухлаченные пучки льна.

— Ну, а теперь, Алешенька, будем лечиться. Это тебе не порошки. Порошки так себе, вся сила в тепле да в огне. А ну, ложись на живот!..

С трудом поворачиваясь, сержант, кряхтя, медленно повернулся вниз лицом и подждал под грудь руки. Бабка цепкими и быстрыми пальцами сняла с его шеи уже грязную повязку, положила ее в сторонку, зажгла спичку и, водя ею над головой Вахрушева, внимательно осмотрела воспаленную, отдающую стеклянной глянцевитостью шею, потом трижды перекрестилась и задула спичку.

— Давай поближе к нам лампаду! — командовала мне бабка.— Да подай пару сухих лучин с загнетки да полотенце.

Я сделал все, что велела бабка: подал ей лучину, полотенце, поднялся с «люстрой» на скамейку и поднес ее поближе к изголовью сержанта.

Что-то пошептав, бабка Василиса взяла пушистый пучок льна и, аккуратно раздергивая его в стороны, положила на шею больного. Зажженной лучиной она тут же подпалила лен, который вспыхнул ярким голубоватым пламенем. Он горел недолго, всего пять-шесть секунд, но мне со стороны казалось, что пламя огня причиняет больному нестерпимые муки. И снова что-то пошептав, когда над головой сержанта металось голубоватое пламя, бабка проворно взяла полотенце, лежавшее у нее под руками, и, раскинув его, накрыла им пламя, которое тут же потухло. Эту операцию она повторила несколько раз, пока не сожгла все заготовленные ею пушистые хлопья льна. Моя рука уже устала держать «люстру», а бабка все поджигала и поджигала раздерганные пучки и не переставала нашептывать какие-то причитания.

Или больному и в самом деле стало легче, или он уже до того был измучен, что у него не было больше сил даже стонать, но дыхание его стало ровнее, и весь он как-то затих, успокоился, словно чего-то ожидая.

Я посмотрел на часы. Более двадцати минут жгла бабка Василиса на воспаленной шее сержанта льняные одуванчики и всякий раз гасила пламя полотенцем тогда, когда голубоватый огонь почти подбирался к телу больного.

— Ну вот, а утречком погреем еще разок, оно, глядишь, и полегчает,— приговаривала бабка, подавая мне руку.

Я помог ей слезть с печки. И снова, уже с пола, она перекрестила сержанта, а мне велела ложиться спать.

Я послушался бабку, завернул добрую самокрутку, раскурил ее от пламени «люстры» и передал ее больному сержанту.

Уснул я быстро. Мне снились какие-то пожары, вспышки огненных разрывов снарядов, кто-то невидимый подавал одну и ту же назойливую команду: «В окоп!.. Кому говорят — в окоп!..» Я метался по сторонам, искал глазами хоть маленький окопчик, хотя бы ложбинку или канавку, но кругом меня лежала плоская, как стол, равнина со вспышками взрывных огней.

А когда я проснулся, было уже утро. Из узеньких оконцев в мою комнату сочился свет мартовской оттепели. Через открытую дверь мне было хорошо видно, как бабка Василиса, сидя на печке, прикладывала к шее сержанта пушистые хлопья льна, поджигала их и, дождавшись какого-то особого, одной только ей известного момента, накрывала пламя холщовым полотенцем и держала его в этом положении не больше полминуты. Чтобы засечь время, я специально следил за движением секундной стрелки своих наручных часов, которые выменял на трофейный фотоаппарат, найденный в немецком блиндаже.

Три последующих дня бабка утром, в обед и вечером залезала на печку с охапкой распушенного льна и врачевала сержанта огнем, и с каждым разом настроение больного поднималось, он уже почти совсем не стонал и раза два за день спускался с печки, выходил на улицу и возвращался в хату повеселевший, даже пытался шутить:

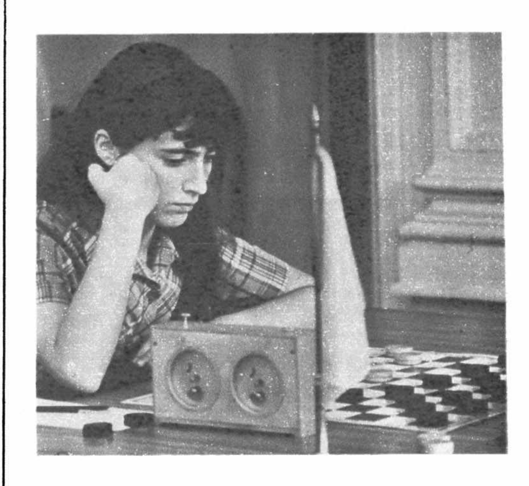
— Ну, бабуся, я пошел на поправку. Вот доконччим проклятого Гитлера в Берлине и поедем по домам. А по дороге домой заеду к тебе, куплю мешка три льна, так что восполним полностью твои оскудевшие запасы.

Чтобы не расстраивать сержанта и не наводить его на грустные мысли, я не стал говорить, что лен у Василисы уже кончился два дня назад и что я заметил, как она рано утром, пока мы спим, набирает в подполе ведерко картошки и потихоньку отправляется с ним к кому-то из соседей. Возвращается уже облегченно: вместо картошки в ведре у нее пучки льна. Я было попытался сказать ей, чтобы она не тратила на лен последнюю картошку, что у нас есть, на что его выменять, она замахала руками да еще выговорила мне:

— Не твое, Ванюша, дело. У нас с соседями свои дела. Уж как-нибудь сосчитаемся.

Весна в том году стояла дружная, со звонкой солнечной капелью и бурным снеготаянием. Подходил к своему завершению третий год войны, солдат многому научился и многое понял. И главное, чему он научился и что он понял,— это было крепнущее с каждым месяцем, с каждым днем чувство локтя боевого товарища, готовность не только рискнуть собственной жизнью, но и органическая готовность отдать ее за жизнь боевого друга. Это было фронтовое чувство единого окопного братства. Об этом не говорили на словах, не рассуждали в беседах, это делали так же неосознанно, как дышали воздухом, как утоляли жажду глотком воды, как тайком вытирали слезы, когда хоронили павшего в бою однополчанина. Это главное чувство, которое вело к победе, когда-нибудь проанализируют и опишут психологи, его воплотят в живые образы писатели и художники, символами звуков о нем известят в своих произведениях композиторы. Все это будет потом, когда оставшиеся в живых рязанские и читинские ребята штыками распишутся на стенах рейхстага, когда в скорбной перекличке трех поколений не досчитаемся нескольких миллионов мужественных, влюбленных в жизнь и в своих матерей сынов-солдат.

Продолжение следует.

18-ЛЕТНЯЯ ЧЕМПИОНКА МИРА

В Центральном шахматном клубе СССР завершился матч за звание чемпионки мира по международным шашкам между Ольгой Левиной и Еленой Альтшуль.

Чемпионаты мира среди женщин начали проводиться сравнительно недавно. Первая запись в Золотой книге Всемирной федерации шашек гласит: «1974 год. Елена Михайловская (СССР)». И еще три чемпионата подряд (1975, 1976, 1977) выигрывала москвичка заслуженный мастер спорта Елена Константиновна Михайловская. В 1979 году чемпионкой стала Людмила Сохненко, врач-психиатр из Минска. В 1980 году корона перешла к 16-летней минчанке Елене Альтшуль.

В прошлом году чемпионат мира впервые проходил в нашей стране. Первые три места в Риге завоевали советские девушки. Чемпионкой стала студентка Харьковского университета Ольга Левина. Ей первой из советских шашисток присвоено звание гроссмейстера СССР.

В этом году чемпионат мира должен был проходить в Канаде, но Федерация шашек Канады отказалась от проведения чемпионата. Всемирная Федерация шашек (ФМЖД) предложила Федерации шашек СССР провести матч между чемпионкой Ольгой Левиной и экс-чемпионкой Еленой Альтшуль. Было сыграно 12 партий. В случае равного счета чемпионка сохраняла свой титул. Достижение спортивной цели — отстоять титул — несколько сковывало Ольгу Левину. Первые четыре партии закончились вничью. В пятой партии победила Альтшуль и после «ничейной» передышки, в седьмой и восьмой партиях Альтшуль берет еще два очка. Особенно напряженным было положение в девятой и десятой партиях. Экс-чемпионке достаточно было сделать в них ничьи, чтобы во второй раз стать сильнейшей в мире. С этой задачей она справилась. Общий итог матча 7 : 5.

Елене Альтшуль 18 лет. Она студентка Белорусского государственного института народного хозяйства. Член спортивного общества «Урожай». Шашками начала заниматься с 10 лет. И уже через четыре года стала мастером спорта и чемпионкой страны среди женщин. В 1980 году она становится чемпионкой мира.

За большие спортивные успехи Елена Альтшуль награждена медалью «За трудовое отличие». В этом году за несколько месяцев до матча Лена в третий раз становится чемпионкой СССР, опередив на два очка (!) серебряного и бронзового призеров экс-чемпионок мира Л. Сохненко и Е. Михайловскую.

Отличное знание теории, хорошая наигранность (Елена любит играть и в мужских турнирах), безупречная выдержка, собранность, спортивное упорство и готовность к бескомпромиссной борьбе — таков творческий портрет чемпионки мира.

Тренируется Елена под руководством заслуженного тренера БССР Михаила Александровича Каца. Он мастер спорта, успешно совмещает тренерскую деятельность с активными выступлениями в соревнованиях, участник двух финалов чемпионата СССР, чемпион Белоруссии.

А. С. ХОХЛАЧЕВ,
директор Центрального шахматного клуба СССР,
зам. председателя Федерации шашек СССР

Фото В. Левитина

Георгий ДОБЫШ

ШЕКСПИР В ЕРЕВАНЕ

«Король Джон». В главной роли — С. Саркисян.

Фото В. Мелконяна

Машина мчала на высокой скорости, но водитель был мастером своего дела, и, не отрываясь взглядом от дороги, успевал знакомить с достопримечательностями Еревана:

— Посмотри, дорогой, это стадион «Раздан», где «Арарат» принимает футбольные команды гостей. Посмотри направо — здесь стоял караван-сарай, где впервые была исполнена бессмертная комедия великого русского драматурга Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума». На любительском спектакле присутствовал сам автор...

Все это он говорил с чувством собственного достоинства, и меня, что скрывать, удивили знания о театре... Но потом я убедился, что Ереван вообще город театральный. Конечно, может, далеко не каждый знает, где впервые была осуществлена постановка «Горя от ума» или сколько тысяч лет армянскому театру. Но здесь любят театр по-настоящему искренне, горячо и преданно.

Не случайно здесь, в Ереване, проходил недавно фестиваль шекспировских спектаклей, организованный Армянским театральным обществом и Министерством культуры Армении. За многие десятилетия в республике сложилась богатейшая история постановок пьес великого драматурга. Искусство таких великолепных актеров — интерпретаторов шекспировских образов, как Адамян, Сирануйш, Папазян, Нерсесян, известно далеко за пределами республики. Собственно, армянский театр просто невозможно представить без шекспировских пьес, без героев великого драматурга. А сегодня уже новые поколения актеров открывают для зрителей глубины бессмертных творений... Х. Абрамян, С. Саркисян, Л. Тухикян, Ф. Мкртчян — с именами этих замечательных мастеров сцены связаны нынешние достижения Шекспирианы в Армении.

Программа второго шекспировского театрального праздника (первый состоялся в 1944 году) была довольно обширной и разнообразной. Любители театра увидели в армянской столице шекспировские спектакли коллективов из Риги, Пярну, Клайпеды, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Москвы и, конечно, спектакли своих театров — и давно идущие и премьеры, состоявшиеся именно в дни фестиваля. Шестнадцать шекспировских трагедий и комедий вышли тогда на сцену, в том числе «Антоний и Клеопатра» театра имени Евг. Вахтангова, «Укрощение строптивой» театра имени Ленсовета, «Ричард III» театра имени Шота Руставели. Это постановки-долгожители, существующие на сцене не один год. Они показывались и в разных городах нашей страны и за рубежом. Встречи с творчеством таких мастеров, как Е. Симонов, Ю. Борисова, М. Ульянов, А. Фрейндлих, Р. Стуруа, Р. Чхиквадзе, для каждого человека, любящего театр, становились праздником.

Интересные спектакли привозили театры из Прибалтики, постановки, являющие собою иное, особое восприятие Шекспира. Здесь иная театральная эстетика, иной актерский и человеческий темперамент...

Но главным событием для хозяев и гостей стали премьеры двух армянских театров — «Король Джон» в театре имени Г. Сундукяна и «Война Алой и Белой розы» (сцены из хроники «Генрих VI») в Ереванском драматическом театре.

Они были интересны еще и потому, что обе эти шекспировские пьесы — довольно редкие гости на театральных подмостках. В нашей стране, например, их сценическая история знает не больше одной-двух, да и то не вполне удачных, постановок. Кстати, и за рубежом их ставят не так уж часто.

Открылась Шекспириана как раз премьерой «Короля Джона». Постановку осуществил главный режиссер театра имени Г. Сундукяна Хорен Абрамян; это вторая его режиссерская работа. До сих пор Абрамяна знали как великолепного актера, исполнителя ролей Отелло, Кориолана... Надо сказать, что новая «роль» — режиссера — тоже оказалась ему по силам. «Король Джон» — спектакль динамичный, зрелищно яркий. Вместе с тем его отличает и психологическая насыщенность, которая заставляет зрителей думать о событиях, следить с напряженным вниманием за развитием действия, жизнью героев.

Как и многие другие шекспировские пьесы, «Король Джон» тоже рассчитан на «солиста с оркестром», а значит, в решении спектакля особо важен выбор актера на заглавную, ведущую роль. Назначение Соса Саркисяна уже было первым шагом режиссера на пути к удаче; это актер большого творческого диапазона, превосходный мастер, которому подвластны тончайшие оттенки в передаче сложных человеческих чувств. Опираясь и на свой талант и на свой жизненный и актерский опыт, на профессиональную интуицию и на помощь режиссера, он смог успешно решить те трудные задачи, которые возникали в процессе создания заглавного образа.

На сцене появился король Джон — человек, словно сотканный из противоречий. Жестокий, коварный, лицемерный монарх, а вместе с тем какой-то жалкий, убогий отщепенец, забившийся в угол трона и оттуда подозрительно поглядывающий на всех, кто его окружает. Он как бы постоянно меняет маски: вот он шут, паяц, а вот — снова король. Воистину в этой натуре от великого до смешного — один шаг.

Зато во второй части спектакля открывается глубина его человеческих переживаний, когда в предсмертный час он приходит к пониманию того, что опоры твердой не построишь кровью, чужою смертью жизни не спасешь!..

Весь спектакль очень четко делится на две части. И не механически, а особым, ярко выраженным их характером: гротесковая, ироничная до откровенной издевательской насмешки — первая; и насыщенная драматизмом — вторая.

Особенно хотелось бы выделить оригинальное режиссерское решение первой части. С двух сторон сцены на откидных площадках расположились воюющие стороны: король Джон, незаконно захвативший английский престол, и король французский Филипп, защищающий права герцога Артура. С ними — родственники, приближенные, солдаты... Со стороны эта война между королем и претендентом на трон похожа скорее на балаган, а все участники ее выглядят как комедианты, разыгрывающие пошлый фарс. Прежде чем начать сражение, обе стороны перебрасываются язвительными репликами, издевательскими замечаниями; с высокой площадки монархи подбадривают своих воинов. Словно бойкие торговки, схватившиеся из-за товара, ругаются мать короля Джона Элеонора (В. Вартеросян) и мать молодого Артура Констанция (Л. Оганесян)...

Сражения выглядят комично и поначалу вызывают смех, но постепенно он пропадает. Понимаешь, что это война, что люди гибнут бессмысленно и жестоко. А когда Джон решается на тайное убийство Артура, спектакль наполняется особым драматическим накалом и как бы входит в новое русло. Характер короля Джона становится еще сложнее и интереснее: в воплощении зла и порока вдруг начинают открываться человеческие черты, заставляющие по-новому взглянуть на образ. То вдруг мелькнет в глазах неприкаянность, то просыпается даже сыновняя любовь и привязанность, а то вдруг начинаешь ощущать, как откуда-то издалека, из глубины поднимается в злом сердце запоздавшее раскаяние... Хотя и при этом Саркисян вовсе не стремится сделать из своего героя этакого кающегося перед смертью грешника. Нет, он даже не пытается его оправдывать! И самая смерть Джона в этом спектакле воспринимается как духовный крах, крушение всех его принципов. Но еще и как разрешение всех внутренних противоречий.

Есть в пьесе персонаж, о котором надо сказать особо. Это Филипп Незаконнорожденный... Шекспир, сделав персонаж в какой-то мере второстепенным, не оставил его тем не менее без внимания. И образ человека деятельного, остроумного, авантюриста по натуре

становится своеобразной вспомогательной движущей силой пьесы. В спектакле он в исполнении актера А. Галояна, пожалуй, был несколько приглушен. Надо полагать, театр еще обратит на него внимание...

«Король Джон» задал высокую ноту звучания всему театральному шекспировскому смотру. А спектакль «Война Алой и Белой розы» (сцены из хроники «Генрих VI») в Ереванском драматическом театре стал как бы сильным, завершающим аккордом. В многоплановом, полифонически звучащем спектакле сталкивается и переплетается множество проблем, затрагиваются многие судьбы. В нем идет разговор о власти, о нравственном и моральном праве вершить судьбы, решать вопросы жизни и смерти.

В центре этой исторической драмы — борьба за власть между Йоркским и Ланкастерским домами — крупнейшими дворянскими ветвями Англии. Но в драме Шекспира война выходит за рамки борьбы этих древних родов: она становится трагедией всей нации.

...Сдержанно и скупо оформлена сцена, сверху донизу обтянутая темным ниспадающим материалом.

Снаружи сцены, по обе стороны — как это было еще в шекспировские времена — по ходу спектакля вывешиваются таблички с обозначением места действия.

Постановка не сразу набирает темп. Она начинается чуть замедленно, постепенно увлекая зрителей, а затем захватывает их и уже заставляет следить пристально за ходом мысли автора и режиссера. Дворцовые интриги, заговоры, тайные убийства и казни, смена монархов — все это знакомит с характерами сложными, сильными в своей художественной правде.

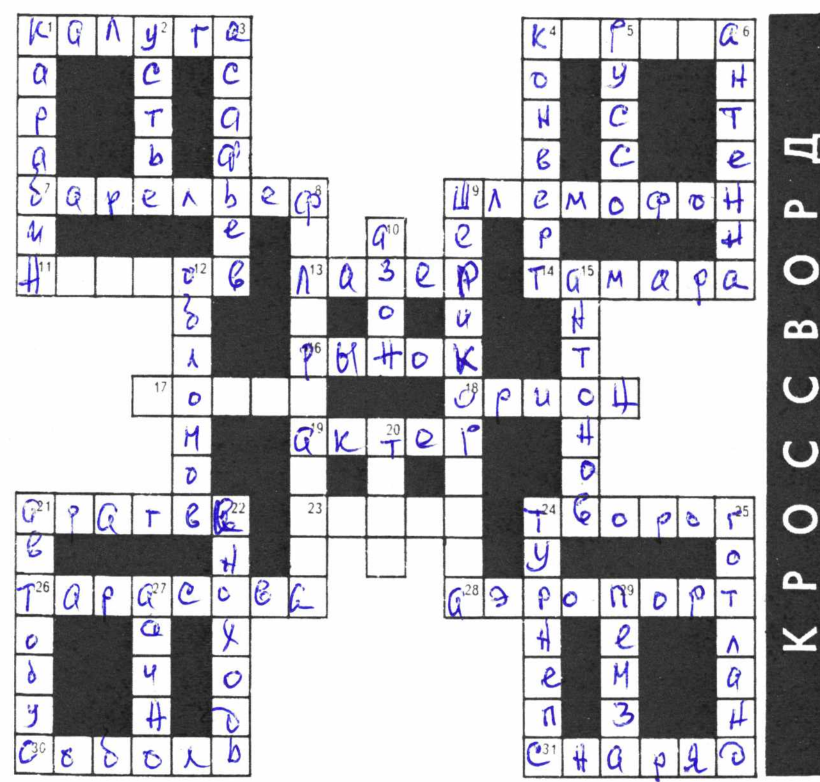
Постановка дала возможность проявить свое дарование и молодым актерам и опытным мастерам. Генрих VI в исполнении А. Хантыкяна отличается мягкостью характера, добротой, доверчивостью к окружающим, что делает его беспомощным, неспособным к царствованию.

Хитра, коварна и жестока его жена — королева Маргарита (в молодости — Т. Капланян, позже — Э. Вартанян). Для нее перипетии дворцовой борьбы — сама суть жизни. А как великолепен Л. Тухикян в роли Ричарда Йорка. Мягкие движения, скользящая походка, улыбка... Всем своим видом Ричард напоминает змею, крадущуюся к своей жертве.

Остается в памяти зрителей символика спектакля — кресты. Число их на сцене постоянно увеличивается. И вот уже становится трудно их обходить участникам спектакля—кресты заполняют всю площадку, вытесняют людей и своим застывшим обликом как бы утверждают бессмысленность всех смертей, жестокостей и убийств.

Безбрежен шекспировский гений... Классик армянской литературы О. Туманян отметил как-то, что обращение к Шекспиру стало мерилом для суждения о степени развития наций...

В Армении можно воочию увидеть, сколь высок уровень культуры, уровень театрального искусства, художественный уровень братского народа.

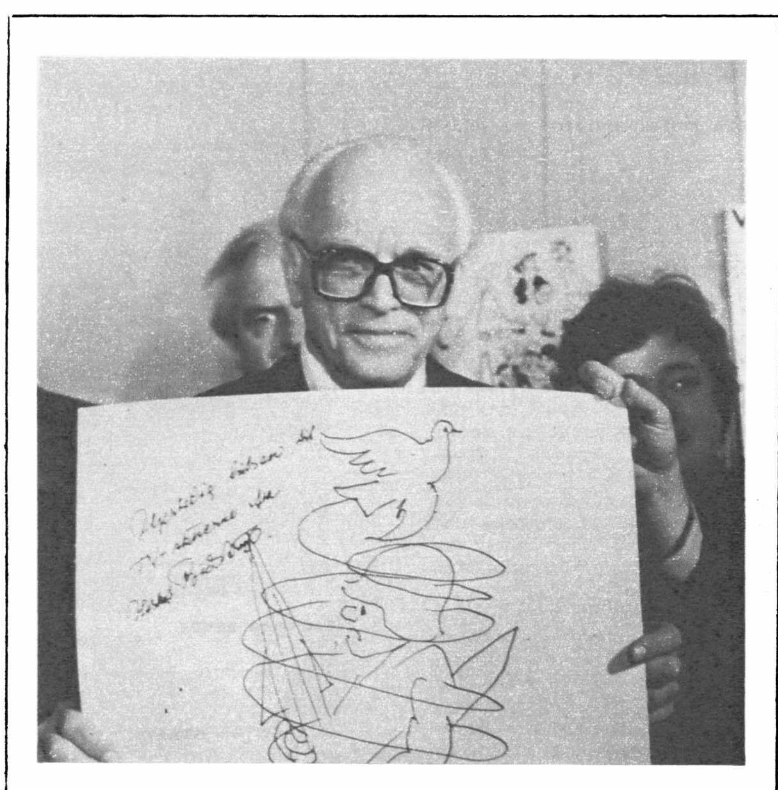
По горизонтали: 1. Областной центр РСФСР. 4. Закрытый экипаж на рессорах. 7. Выпуклое скульптурное изображение. 9. Головной убор летчика, танкиста. 11. Русский механик и изобретатель XVIII века. 13. Оптический квантовый генератор. 14. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Место розничной торговли. 17. Русский архитектор XIX века. 18. Экваториальное созвездие. 19. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 21. Приток реки Куры. 23. Снежный барс. 24. Молочный продукт. 26. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене МХАТа. 28. Транспортное предприятие на трассе воздушных линий. 30. Ценный пушной зверь. 31. Артиллерийский боеприпас.

По вертикали: 1. Автоматическая винтовка. 2. Место впадения реки в море, озеро. 3. Музыковед, композитор, академик, народный артист СССР. 4. Пакет для письма. 5. Французский писатель и философ XVIII века. 6. Устройство для излучения или приема радиоволн. 8. Коллекционирование значков. 9. Птица семейства утиных. 10. Газ, образующийся при электрических разрядах. 12. Роман И. А. Гончарова. 15. Советский авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 20. Духовой музыкальный инструмент. 21. Пассажирский транспорт. 22. Бег лошади. 24. Кормовая репа. 25. Остров в Балтийском море. 27. Город в Томской области. 29. Пористая вулканическая порода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 3. Ондатра. 7. «Арсенал». 8. Чусовая. 9. Эксцентрика. 11. Эллипс. 13. Сервант. 15. Славка. 17. Аспиратор. 18. Двоеточие. 22. Массне. 23. «Арктика». 24. «Ералаш». 25. Транспарант. 28. Токката. 29. Макаров. 30. Картина.

По вертикали: 1. Романс. 2. Батуми. 4. Антоновка. 5. Артюхин. 6. Шарабан. 9. Эксперимент. 10. Ассортимент. 12. «Латавра». 13. Сметана. 14. Таволга. 16. Кафедра. 19. Ротапринт. 20. Эскалоп. 21. Базаров. 26. Аптека. 27. Абакан.

ЧЕСТВОВАНИЕ ХУДОЖНИКА

В Кремле известному датскому художнику-карикатуристу и общественному деятелю, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Херлуфу Бидструпу вручен орден Дружбы народов.

В Академии художеств СССР состоялось чествование мастера в связи с его семидесятилетием.

На снимке: Х. Бидструп показывает свою новую работу.
Фото А. Гостева

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Десантники» — фрагмент мемориального комплекса «Малая земля». Скульптор В. Цигаль, архитекторы Я. Белопольский, Р. Кананин, В. Хавин. (См. в номере материал «Подвиг Новороссийска».)

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Интервью на гималайской тропе дает восходитель Сергей Ефимов * Лагерь в Гималаях * Буддийский монастырь Тянгбоче * Помощницы * Вид на Эверест с ледника Кхумбу * Мост, по которому боятся ходить яки. (См. в номере материал «Великая тропа к великой горе».)

Фото Ю. Макунина

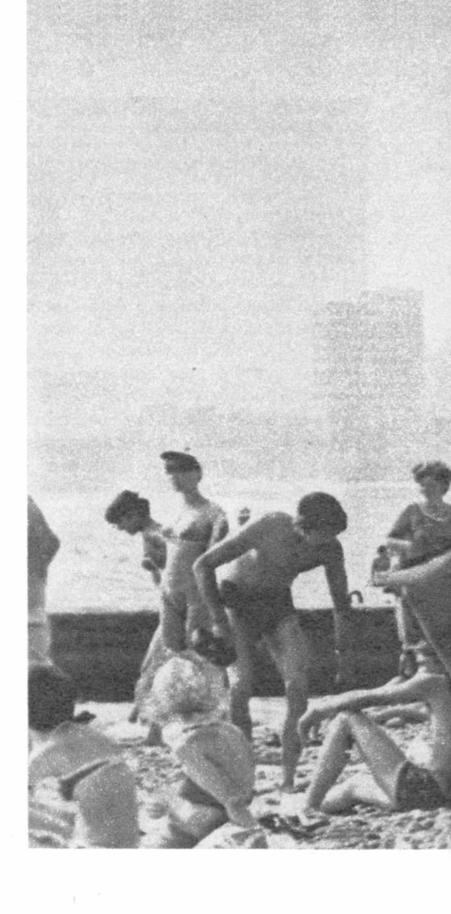
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.08.82. Подписано к печати 14.09.82. А 12665. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2078. Заказ № 2956.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СПАС

Тамара Нехай впервые на пляже.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Собственно говоря, прославилась Абхазия еще в глубокой древности. Но называлась она тогда Колхидой и получила популярность вовсе не из-за курортов, которых во времена античные, думается, просто не существовало. И туристы со всего света сюда не стремились. Лишь у одного мореплавателя по имени Ясон была голубая мечта детства — попасть в неведомую страну. Но вовсе не для того, чтобы искупаться в теплом море и позагорать. Желание Ясона было весьма меркантильным — любой ценой вывезти из Колхиды Золотое руно, которое, по предсказанию богов, приносило благополучие и процветание... Словом, продолжать не стоит. Вы, конечно, помните миф о Золотом руне?

Нынешняя слава Абхазии — ее курорты. Сама природа, кажется, приспособила этот край для того, чтоб люди здесь на славу отдохнули, набрались здоровья и сил. Обилие солнца и тепла, красота горных пейзажей круглый год привлекают сюда отпускников со всех концов нашей страны. Цепь гор защищает приморскую часть Абхазии от холодных северных ветров. Средняя годовая температура — плюс 15 градусов. Сухуми, Гудаута, Гагра, Пицунда, Новый Афон, Гульрипши — эти и другие курортные города и поселки знают все. Само слово «Абхазия» навевает многим мысль о ярком солнце, ласковом море, жизнерадостных людях, о мудрых долгожителях. И мало кто теперь помнит, что до революции в Абхазию ссылали политзаключенных: места были болотистые, малярия уносила много жизней. Врачей же было мало...

При Советской власти здесь пришлось много потрудиться мелиораторам, чтобы превратить бывший комариный край в республику солнца и ласковых пляжей.

О столице Абхазии — Сухуми рассказывать трудно, чтобы иметь представление об этом городе, нужно там побывать.

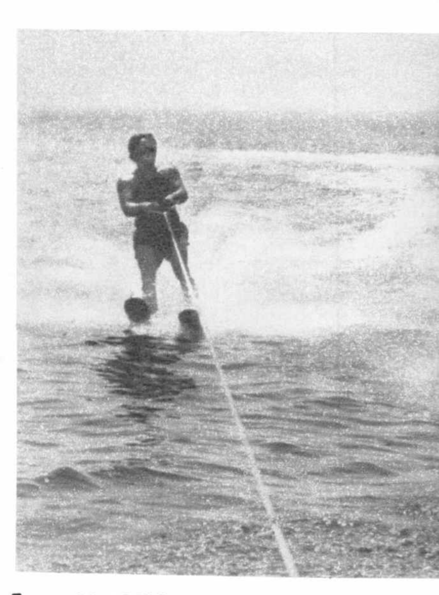
Вот Тамара Нехай, колхозница из Томской области, побывала в Сухуми: за хорошую работу ее наградили бесплатной путевкой.

— Я могла бы выбрать для поездки и другие интересные места, мне предлагали несколько вариантов. Но о Сухуми столько слышала, так много видела открыток с видами города. И все-таки нет у меня слов, чтоб рассказать, как здесь чудесно! Спасибо тебе, Абхазия!

Виктор Николаевич Ухабов приехал сюда из далекого Магадана с женой Галиной и дочерью Оксаной по профсоюзной путевке. По душе пришелся им и здешний климат, и обилие парков, и ботанический сад, один из лучших в стране. Отдыхают они не в самом Сухуми, а рядышком — в доме отдыха «Гумиста». К их услугам — хороший клуб, библиотека, спортплощадки, а самое главное, прекрасно оборудованный пляж.

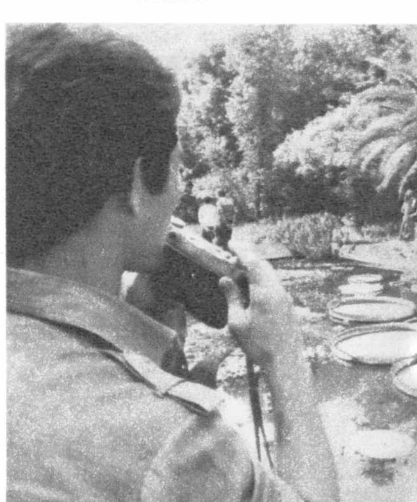
— На семейном совете, — сообщила нам Галина Анатольевна, — мы решили приезжать теперь в Абхазию каждый год. Особенно радуется этому Оксана.

Марат ЦЕБОЕВ

Быстрее ветра.

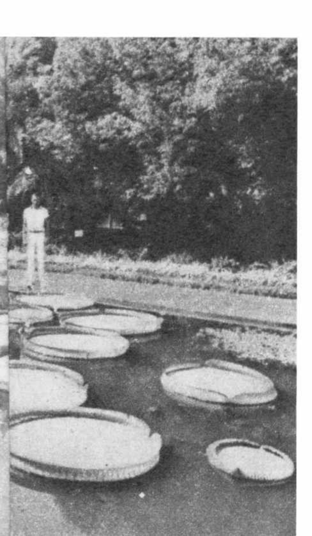
Снимок на память.

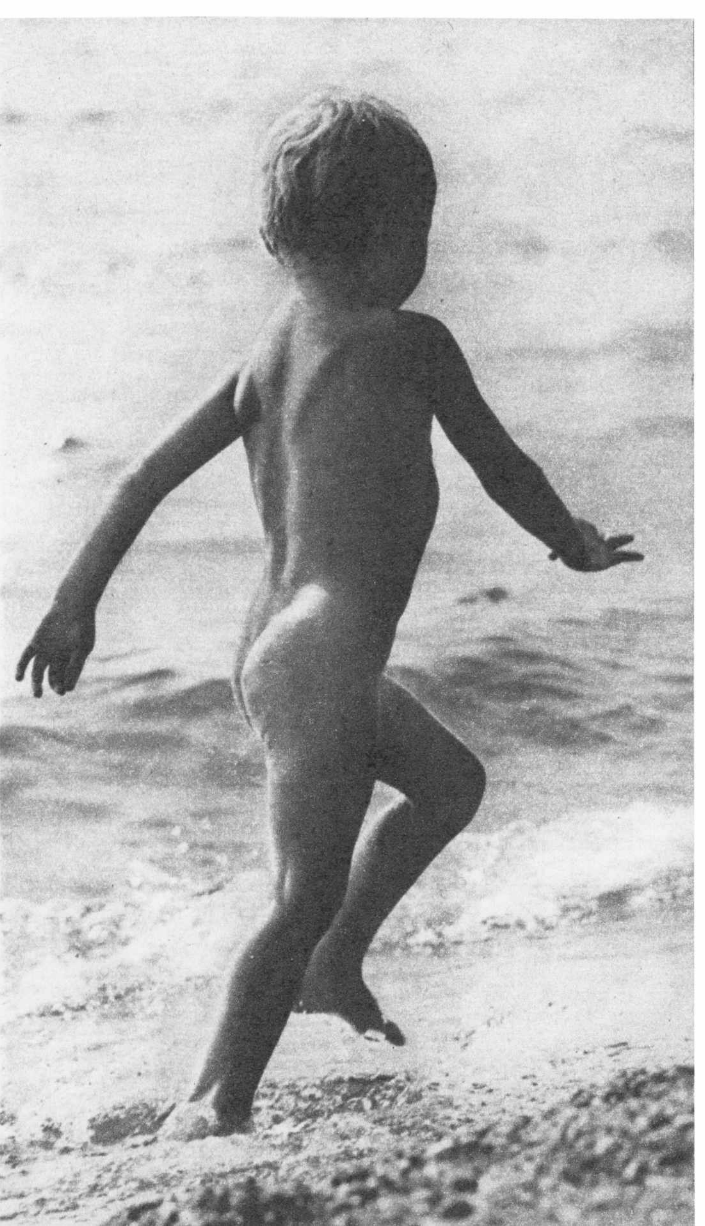

Пляж пансионата имени XV съезда комсомола.

ИБО ТЕБЕ, АБХАЗИЯ !

Хорошо!

Семья Ухабовых из Магадана.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

